

ОЧЕРКЪ VII.

НАСЕЛЕНІЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

Туземцы этого края, кочевые и осѣдлые. — Русское земледѣльческое поселеніе и его промыслы. — Благовѣщенскъ.

*Спи, дитя! Въ странѣ изгнанья,
Ты — ей сынъ родной;
Свѣтлый ангелъ упоканья
Дремлетъ надъ тобой:
Какъ цвѣтетъ Сибирь родная
Вся цвѣтами сплосишь,
Пусть и ты на радость края
Пошшо разцвѣтеши!*

ОМУЖЕВАНСКОГО.

Составъ населенія Амурской области крайне смѣшанный. Лѣтъ двѣсти назадъ, хотя берега Амура и Зеи и были относительно густо заселены, но значительнаго населенія все-жъ таки не имѣли. Къ тому же, все это населеніе раздѣлено было на мелкія владѣнія и не составляло политически сплоченнаго цѣлаго. Каждый городокъ имѣлъ своего владѣтельнаго князька, какъ ихъ величали казаки, власть котораго рѣдко распространялась на вблизи лежащія селенія; а нѣкоторые даурскіе городки имѣли даже по нѣскольку такихъ князьковъ или, точнѣе — старшинъ. Но, вообще, кромѣ этихъ указаній, относящихся только къ даурамъ, мы рѣшительно ничего не знаемъ, какъ о внутреннемъ бытѣ этихъ городковъ, такъ и объ обычаяхъ остальныхъ туземныхъ племенъ: дучеровъ, гогуловъ, ачановъ и гилаковъ. Казачьи отниси объ этомъ умалчиваютъ, а китай-

скимъ лѣтописцамъ амурскіе дикари были, повидимому, совсѣмъ незнакомы.

Казачьи набѣги заставили, какъ извѣстно, осѣдлое населеніе Амура искать защиты у манджурскихъ властей. Защита эта выразилась двойнымъ путемъ: высылкой войскъ и переселеніемъ дауровъ и дучеровъ на югъ, на берега р. Нонни. Послѣ Нерчинскаго договора долина Верхняго Амура опустѣла надолго, и только манегры и орононы, спустившіеся сюда съ Станового водораздѣла, бродили кое-гдѣ вдоль береговъ покинутой всѣми рѣки; но дальше, за Зеей, поселенія стали возобновляться уже въ XVII вѣкѣ; такъ, въ 1683 г. основанъ былъ

городъ Айгунъ, а столѣтїемъ позже на берегахъ Амура насчитывалось уже до 35 тыс. жителей.

При вторичномъ занятїи нами края, первое, встрѣченное нами селеніе, было Амба-Сахаланъ (по-китайски—Даш-гэ), расположенное на правомъ берегу Амура, верстахъ въ пяти выше Зен. Отсюда верстъ на 80, т.-е., до деревни Хормольдженгъ, шло по обоимъ берегамъ рѣки почти сплошное манджуро-китайское населеніе. Но далѣе и справа и слѣва опять тянулись пустынные берега, только изрѣдка оживленные коническими юртами бираровъ или крошечными селеніями гольдовъ... И такъ—до Уссури.

По Айгунскому и Пекинскому договорамъ, хотя граница наша и прошла по Амуру, но лѣво-бережное китайско-маньчжурское населеніе фактически осталось подъ управленіемъ Айгунскихъ властей. Эти клочки китайской земли въ предѣлахъ Амурской области въ экономическомъ отношеніи такъ тѣсно однако же связаны съ русскимъ населеніемъ края, что оставить ихъ безъ вниманія, значило бы вводить пробѣлъ въ наше описаніе области. Вотъ почему въ настоящей главѣ намъ предстоитъ познакомиться не только съ туземнымъ охотничьимъ населеніемъ края (такъ наз. оленными тунгусами, орочами, манеграми или мангунами, бирарами и гольдами), но и съ туземнымъ земледѣльческимъ населеніемъ—китайцами и окитаившимися

маньджурами и даурами, а также съ переселившимися сюда корейцами.

Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ можно назвать «дворянами среди инородцевъ Сибири» и Миддендорфъ вполне согласился съ вѣрностью подобнаго заключенія. Онъ не можетъ достаточно похвалиться ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью и рыцарскими особенностями характера. Подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ безъ исключенія путешественниковъ. Тунгусы, пишетъ,—напримѣръ, Миддендорфъ—это положительно горный народъ, пробуждающій въ

Типы мангуновъ.

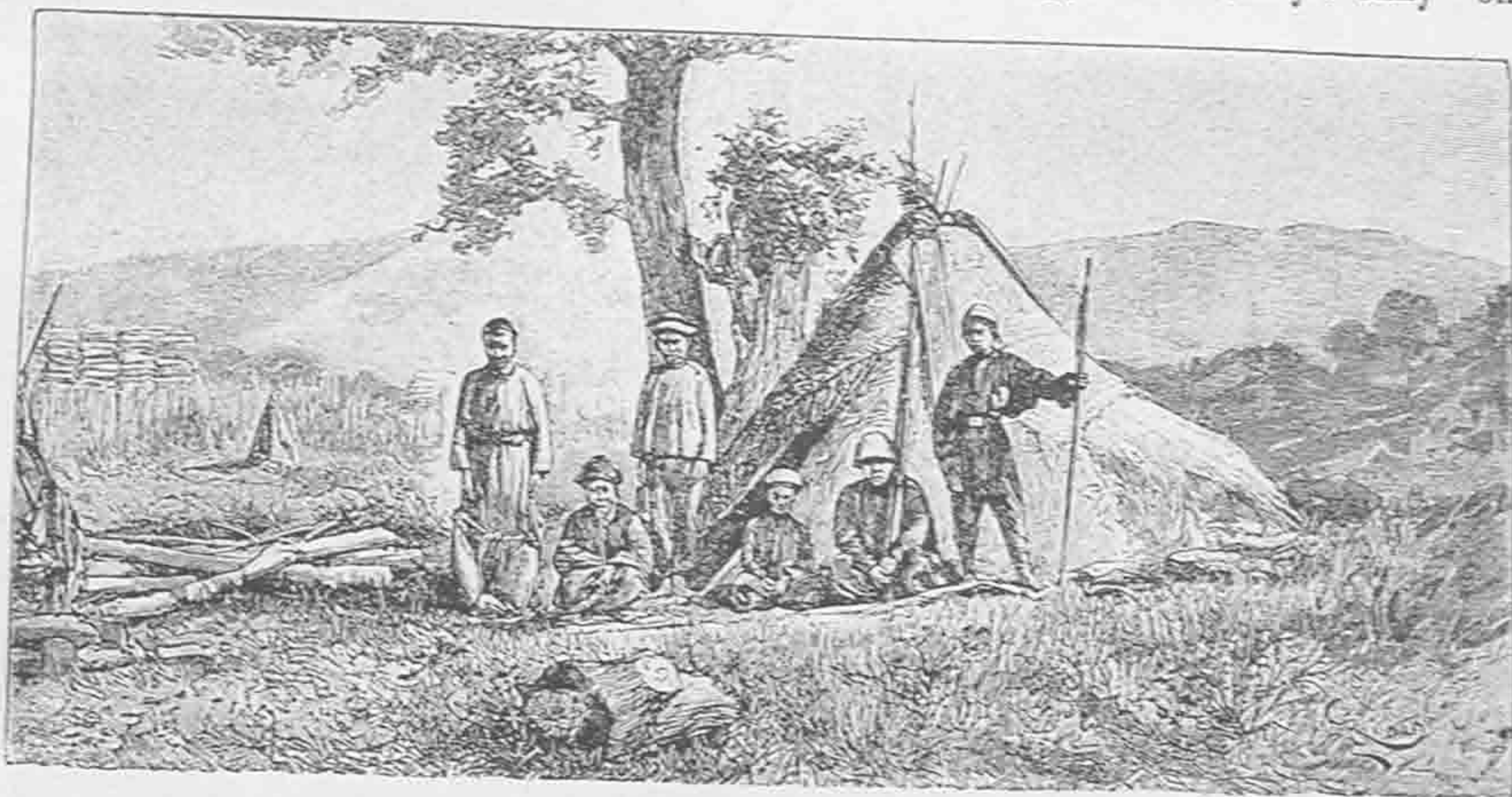
насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ альповъ. Они обладаютъ извѣстною выправкой, исполнены приличія, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

«А между тѣмъ, пишетъ далѣе Миддендорфъ, я не знаю другого народа, у котораго большую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ дѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ, напримѣръ, въ первобытномъ дѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: «я разставляю луки по близости». Если стрѣла смотритъ вкось къверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая одинаковымъ образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ разстояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти далѣе по этому направленію; чурбанъ, положенный на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ ставить здѣсь чума. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.»

Въ случаѣ болѣзни или гибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Тунгусы свыклись съ этимъ и на подобнаго рода факты обращаютъ мало вниманія.

Миддендорфъ набрелъ однажды на пустой тунгусскій шалашъ. Онъ узналъ, что не задолго передъ тѣмъ взрослые умерли отъ какой-то болѣзни, оставшіяся же послѣ нихъ дѣти, изъ коихъ старшему было не болѣе семи лѣтъ, исчезли безслѣдно.

Тунгусъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не опускаетъ случая въ теченіе года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого болѣе, чѣмъ на тысячу, иногда на двѣ тысячи верстъ, тутъ занимаясь ловлей рыбы, тамъ охотясь на соболя; съ другой же стороны онъ любитъ возвращаться на зиму въ тѣ самыя нагорныя долины, гдѣ онъ не разъ зимовалъ; здѣсь онъ на нѣсколько дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки и устраиваетъ ямы; здѣсь же ему уже издавна знакомы и всѣ обычные ходы кабарги, служащей ему главною пищею. Такимъ образомъ жизнь тунгуса слагается совершенно иначе, чѣмъ жизнь такого кочевника, какъ самоѣдъ, напримѣръ, кочеванье котораго изъ года въ годъ ограничивается, такъ сказать, однимъ шахматнымъ ходомъ: на лѣто—къ сѣверу, а на долгую зиму—опять на-

Орочонская юрта.

задъ, къ предѣлу криворослаго лѣса. Въ обоихъ случаяхъ у него одно только жилье—его чумъ. У тунгуса иначе. Лѣтомъ онъ довольствуется шалашомъ изъ бересты, въ болѣе же суровое время года—изъ шкуръ; нерѣдко также строитъ онъ себѣ небольшой постоянный срубъ (ютанъ), на якутскій ладъ, изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда—навсегда; это его охотничій замокъ, а не жилье съ домашнимъ очагомъ.

Какъ у всякаго охотничьяго народа, у тунгуса немало предрасудковъ и суевѣрій. Въ періодъ охоты онъ ни за что не согласится продать вамъ кабаргу съ головой, соболя съ мясомъ; при сдираніи шкуры съ животнаго не слѣдуетъ въ чумъ вносить свѣжаго снѣга или шагать черезъ разложенный въ немъ огонь—это одинаковымъ образомъ вредитъ успѣху охоты. Не хорошо также класть палку поперекъ тропинки и т. д. Тунгусъ никому не подаетъ огня изъ своего чума и ни за что не станетъ возвращать телятъ дикаго сѣвернаго оленя или лося. Съ такимъ же благовѣніемъ, какъ якутъ, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліанія въ честь злыхъ духовъ и при этомъ выливаетъ иногда даже послѣдній запасъ своей водки.

Вотъ какъ описываетъ Миддендорфъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ у Буруканской часовни: «Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіяся тун-

гусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушение на мои, тщательно сберегавшіеся, пороховые запасы. *Noblesse oblige!* Желая положить конецъ безцѣльной, дѣтской пальбѣ, я назначилъ преміи за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгускіе стрѣлки на сто шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали при этомъ ружья на подставку. За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ, причемъ въ среднѣй тунгусовъ разразилось какое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мужчинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ. Схватившись за руки, они начали довольно не хитрую пляску, заключающуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ, однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванія, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначала полушубки, а потомъ и набедренники (мѣховые штаны). Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ

Тунгусы.

мѣста и исчезали въ вихрь пляшущихъ. «Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хогюй, хогюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдѣ, эханьдѣ! хэрга, хэрга!» и т. под. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣ-же самые тунгусы, какъ бы преобразились, соблюдали самое сдержанное приличіе: ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ рыва, ни другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ на-рѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. И когда я со своей стороны въ прощальной рѣчи указалъ на то, что ихъ страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для нихъ и что только по собственной винѣ они могутъ впасть въ долги, а затѣмъ терпѣть и нужду или даже умирать съ голоду, то всѣ громко одобрили мою рѣчь. *Tout comme chez vous.*

John Fairall

Fairall

Караванъ оленьихъ оромоиъ.

У беззаботныхъ тунгусовъ торговля сложилась совершенно своеобразно. Благодаря содѣйствию чрезвычайно ловкихъ якутовъ, охотниковъ поторговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ, образовались регулярно повторяющіеся въ извѣстныхъ времена сѣзды, обращающіе иногда самыя дикіе пустыри въ торговые пункты. Такъ какъ «въ дѣсахъ» не можетъ быть и рѣчи объ определенныхъ дняхъ сѣзда, то торговцы, собираясь сюда, запасаются юртами, въ которыхъ и раскладываютъ свой немногосложный товаръ: масло, сало, желѣзо, желѣзные издѣлія, свинецъ, порохъ, табакъ, буду (пшено) и нѣкоторые предметы роскоши. Не смотря на всю ихъ незатѣйливость, такія ярмарки торгуютъ иногда на 80 и болѣе тысячъ рублей.

Отсюда происходитъ привычка вѣтрениковъ въ теченіе послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь кое-гдѣ на пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Такое странствованіе представляетъ непрерывныя легкомысленныя кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего уже болѣе не останется. Но и тогда онъ еще не оставляетъ компаніи и веселиться на счетъ тѣхъ, у кого сохранилось хоть что-нибудь.

Гостепримство у тунгусовъ развито въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прошенный или не прошенный, тунгусъ входитъ подъ кровъ незнакомаго или знакомаго—безразлично, садится къ огню, беретъ изъ рукъ или изо рта у хозяина трубку и затѣмъ уже ведетъ себя въ высшей степени скромно. Обычай и приличіе однако требуютъ, чтобы гостю предложили отвѣдать какой-нибудь пищи, и только тогда уже послѣдній принимается за ѣду. Впрочемъ, въ ѣдѣ они очень умеренны. Тунгуса лучше нельзя угостить какъ жиромъ и затѣмъ мукою; поэтому мука, поджаренная на салѣ или на маслѣ, т.-е., такъ называемый всюду въ Сибири, «саламатъ» кажется ему такою божественною пищею, съ которой ничто не можетъ сравниться.

Главною пищею тунгусовъ служатъ ломти вяденаго мяса кабарги, лося и сѣвернаго оленя. Въ видѣ десерта подаются иногда лепешки, сдѣланныя изъ высушенной и толченой брусники пополамъ съ рыбьею икрой. Иногда бруснику замѣняетъ черемуха; въ такомъ случаѣ послѣднюю сдабриваютъ масломъ, сплющиваютъ въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Черемуховую кашу, смоченную въ молокъ сѣвернаго оленя, иногда замораживаютъ и въ такомъ видѣ употребляютъ въ пищу. Вообще же, послѣдняя проста, крайне однообразна.

Хотя жены тунгусовъ и обшиваютъ своихъ мужей въ обтяжку и шегольски, но все же не такъ нарядно, какъ тунгусы на Нижн. Тунгузкѣ, которые, очевидно, самыя большіе шеголи. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда сильно разряженными. Ихъ красныя суконныя юбки обшиваются широкою синею каймой, которая сзади охватываетъ большую прорѣху, служащую отличительнымъ признакомъ народа, ѣздящаго верхомъ. Если юбка дѣлается изъ другого матеріала, то и тогда она обшивается каймой, обыкновенно краснаго цвѣта; иногда, впрочемъ, такая кайма замѣняется и выпушкой, шитою шелками. Вообще же, въ слѣдствіе непрерывныхъ сношеній съ сосѣдними народами, тунгусы, очевидно, успѣли уже потерять свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Ихъ рысьи шапки, отороченныя мѣхомъ росомахи, иногда также кроются краснымъ сукномъ. Наконецъ, замѣчательны также боа, которыя носятъ тунгуски. На полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ и обходится рублей въ 5. Въ качествѣ украшеній особенную роль играютъ у мужчинъ кисеты, украшенные разноцвѣтными бусами, у женщинъ серьги и серебряныя украшенія для косы въ видѣ, напримѣръ, ажурныхъ футляровъ. Кромѣ того женщина обыкновенно обвѣшана кистями, мѣховыми украшеніями и разными предметами убранства и обихода, какъ, напримѣръ, цгольникомъ, коробкой для сѣрныхъ свичекъ, серебряною цѣпочкой отъ трубки и т. д. Вообще, страсть тунгусовъ по этой части доходитъ до того, что онѣ даже сѣвернымъ оленямъ одѣваютъ въ уши нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти. Монеты играютъ также не послѣднюю роль въ украшеніяхъ: ими обши-

ваются края юбки и других частей одежды. Полушубки мужчинъ имѣютъ весьма странный покрой: они состоятъ изъ двухъ частей: задней, скроенной въ видѣ фрака, и передней—нагрудника, который привязывается вплотную къ фраку, шитому безъ обозначенія талии; полушубки также не лишены украшеній и нерѣдко обшиваются въ видѣ красиваго узора цвѣтными бусами и шелками.

Въ характерѣ тунгуски слѣдуетъ подозрѣвать болѣе эгоизма, чѣмъ, напримѣръ, у самоѣдки, которая очень внимательно относится къ костюму своего мужа. Эги же вѣтрянцы заботятся только о себѣ и о своихъ любимцахъ—оленяхъ. Дѣтей своихъ онѣ также не окружаютъ особенно нѣжными попеченіями; ихъ одѣваютъ въ обноски, вслѣдствіе чего послѣдніе не выходятъ изъ дыръ.

У изголовья тунгуской люльки вѣшается для успокоенія ребенка погремушка изъ зубовъ сѣверныхъ оленей, соболиныхъ челюстей, да козульихъ копытъ. Ребенокъ лежитъ въ люлкѣ всегда на хорошо высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣховая подстилка. Люльку иногда качаютъ. При кормленіи дѣтей тунгуски сначала набираютъ кипяченое молоко себѣ въ ротъ, а затѣмъ уже вливаютъ его въ ротъ ребенка. Впрочемъ, обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью до трехлѣтняго возраста; такъ что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не стѣсняясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ. Однолѣткамъ для облегченія прорѣзанія зубовъ привязывается къ рукѣ кость сѣвернаго оленя.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, тунгусы не кочаютъ изъ-за самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ же крайней необходимости идутъ короткими переходами, причемъ встрѣча покинутаго сруба рѣшаетъ остановку на болѣе продолжительное время. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ крошечныя существа въ состояніи въ этихъ случаяхъ сохранять собственное тепло. Миддендорфу приходилось, напримѣръ, видѣть, какъ во время сильнѣйшей стужи, въ шатрѣ, сквозившемъ, какъ рѣшето, брали иногда изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго ребенка подвергалась охлажденію до—5°! И, не смотря на это, онъ все же не хотѣлъ возвращаться обратно на свое ложе, умоляюще протягивая оттуда свои голыя ручки. Иногда ему случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей, босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ... И при такихъ-то условіяхъ климата и шалашной жизни ребенку приходится выносить корь!

Въ сравненіи съ суммами, расточаемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ, очень умеренны. Жена входитъ въ домъ мужа не безприданницей. Кромѣ сѣверныхъ оленей, всякаго домашняго скарба въ видѣ различныхъ издѣлій изъ бересты, она приноситъ въ домъ также и нѣкоторыя цѣнныя вещи, напримѣръ, т. наз. «инъ-юканъ», т.-е. шалашный верхъ изъ замшевыхъ кожъ, который слѣдуетъ цѣнить не ниже 35—40 рублей, а затѣмъ, нерѣдко, и верхнюю одежду будущему супругу. Приданое жены служитъ обыкновенно основнымъ фондомъ, на которомъ строится благостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаѣ надѣлять сыновей послѣ женитьбы. Исключенія рѣдки и касаются только самыхъ богатыхъ семействъ.

За круглую сироту выкупъ (калымъ) получаетъ братъ, ближайшіе родственники или же, наконецъ, воспитатель.

Почти все свое время тунгусъ посвящаетъ охотѣ. Ремесло трудное и опасное. Въ самомъ дѣлѣ осмотръ засѣчныхъ проходовъ, ходьба съ горы на гору, въ разъединенныхъ глубокими логами лѣсахъ, нерѣдко по глубокому снѣгу—тяжелая работа. Вотъ почему, не смотря на сильную стужу, доходящую до—40°, тунгусъ не рѣдко бродитъ въ горахъ въ замшевомъ лѣтнемъ кафтанѣ, причемъ, при каждомъ его движеніи, легко видѣть подъ нагрудникомъ совер-

шенно обнаженную грудь. Миддендорфъ думаетъ, что тунгусъ самый закаленный изъ кочевниковъ.

Благодаря дѣятельному образу жизни, тунгусы достигаютъ глубокой старости. Здѣсь не рѣдко встрѣтить 70-ти лѣтнихъ стариковъ въ роли отцовъ грудныхъ дѣтей.

Для пищевого довольствія тунгусъ принужденъ охотиться круглый годъ, но промыселъ пушного звѣря начинается не ранѣе октября, когда звѣрь успѣетъ вполне опуститься.

Орудія охоты у тунгуса очень просты, большею частію изготовляются ими самими, но требуютъ большаго навыка и умѣнья. Древній лукъ уступилъ теперь мѣсто малопульной винтовкѣ (поктыранъ), но онъ и до сихъ поръ еще употребляется при засѣкахъ и другихъ ловушкахъ, изъ коихъ наиболѣе употребительная—«бырканъ», отъ слова «быръ», что значитъ—лукъ. Лукъ этотъ, натянутый на дощечку (нотагай), на которой лежитъ стрѣла (нульги), упираясь однимъ концомъ въ тетиву, а другимъ обращенная на тропу, ставится въ сторонѣ отъ послѣдней: а черезъ нее отъ дощечки, удерживающей тетиву, протягивается лошадиный волосокъ (сираль), при малѣйшемъ прикосновеніи къ которому дощечка спадаетъ, а лукъ выбрасываетъ стрѣлу. Стрѣла бываетъ, разумѣется, различной величины, смотря по роду звѣря, на тропѣ котораго поставленъ бырканъ.

На лося, оленя и медвѣдя дѣлаются загороды (конда), на сѣвернаго оленя охотятся при содѣйствіи приученныхъ къ этому домашнихъ оленей. Собака въ охотничьемъ промыслѣ тунгуса играетъ видную роль; потому она и цѣнится дорого, въ сто и болѣе рублей. Она ведетъ охотника молча, но лаемъ даетъ знать о найденномъ звѣрѣ. Впрочемъ по свѣжему снѣгу тунгусъ всегда одинъ слѣдитъ звѣря—бѣлку, соболя, горностаю, лисицу, и убиваетъ первыхъ, загнавши предварительно ихъ на дерево. На медвѣдя тунгусъ зачастую выходитъ или съ рогатиной (гырда), или съ ножомъ (уткаль), такъ называемой «пальмой», состоящей изъ длиннаго лезвія, насаженнаго на рукоятку въ $\frac{2}{3}$ аршина длины. Рогатина въ рукахъ тунгуса—орудіе универсальное: оно служитъ ему топоромъ для проложенія пути черезъ первобытную чащу и для сруба лѣса на топливо, ножомъ для изготовленія самострѣловъ, верховою палкою, когда онъ садится на сѣвернаго оленя, пѣшною для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него—самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Миддендорфъ кое-гдѣ засталъ еще и кольчуги, но уже и тогда онѣ хранились въ семьяхъ болѣе какъ реликвию, напоминавшія молодому поколѣнію о геройскихъ подвигахъ дѣдовъ, а не для употребленія.

Во время хода кэты и горбуши тунгусы перебираются къ верховьямъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Нижній Амуръ; но такъ какъ снаряды для ловли и способъ ихъ употребленія у нихъ тѣ же, что и у жителей Амурской долины, то здѣсь мы и не станемъ касаться особенностей ихъ рыбнаго промысла.

Иногда феноменальное счастье на охотѣ, дѣлающее тунгуса вдругъ богачемъ, значительная для дикаря суммы денегъ, разомъ попадающія ему въ руки при реализаціи полугодовой добычи, все это воспитало въ народѣ легкомысленное отношеніе къ деньгамъ: какъ искатель на какихъ-нибудь золотыхъ пріискахъ, тунгусъ сорить ими, когда онѣ у него еще есть, занимаетъ, когда ихъ нѣтъ. Къ тому же и въ заимодавцахъ никогда нѣтъ недостатка: ими являются всѣ якутскіе прасолы. Результатомъ же подобнаго отношенія къ деньгамъ является крайняя задолженность всѣхъ тунгусовъ. Но, что особенно знаменательно, долги тунгусовъ возрастаютъ съ богатствомъ. Выраженіе: «у него 100, 200, 300 рублей долга» равносильно словамъ—«это бѣднякъ!» У состоятельныхъ же тунгусовъ до 2-хъ, до 3-хъ тысячъ долга и послѣдніе считаются богатыми, потому что кредитъ ихъ очень великъ.

Мефистофели-якуты, какъ нельзя болѣе пользуются своимъ положеніемъ. Они доставляютъ въ кредитъ все, что дѣтская душа первобытнаго человѣка проситъ, а затѣмъ подсчитываютъ и, взявъ проценты соболями, затягиваютъ бутылъ въ неоплатные долги, которые вскорѣ и

обращаютъ зольнаго тунгуса въ батрака якутскаго прасола. Тунгусъ утопаетъ въ раздолье, наслаждаясь жирною рыбою и жирною дичью; но всего этого ему недостаточно—якуть должна приводить ему на убой лошадей, даурецъ привозитъ свиные окорока, масло и сало. «Еще теперь, пишетъ Миддендорфъ, я вижу передъ собой сладкую физиономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе даурцамъ большія деньги за сметану. «Безцѣнно! вовсе не жалко дать соболя!» говорилъ онъ, причмокивая. Якуты, давая въ долгъ, ничѣмъ не рискуютъ: сынъ отвѣчаетъ за долги отца; поэтому долги переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а съ ними вмѣстѣ и кабала. Къ тому же, по установившемуся обычаю, тунгусъ, разъ задолжавшій у какого-нибудь купца, не имѣетъ права покупать что-либо у другого купца. И заимодавецъ распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормитъ его запасами, но съ своей стороны заставляетъ его платить за все, что тотъ возьметъ у него. При такихъ порядкахъ правительственные недоборы—понятны; а такъ какъ они въ общемъ очень значительны, то на это приходится обратить особенное вниманіе мѣстной администраціи. Въ чужѣ жаль такихъ энергичныхъ и развитыхъ людей, какъ тунгусы, которые въ ближайшемъ будущемъ обречены на банкротство, деморализацію и вымираніе! И если они своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія—на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣверныхъ оленей, то послѣднее совершится. Можетъ быть, скорѣе, чѣмъ думаютъ. Чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о доходѣ тунгуса-охотника, мы располагаемъ слѣдующими цифрами: всего инородцевъ въ Амурской области, занимающихся звѣриннымъ промысломъ, по губернаторскимъ отчетамъ, 2,800 душъ обою пола. Считая на долю взрослыхъ охотниковъ $\frac{1}{4}$ этого числа, получимъ 700. Взявъ это максимальное число (потому что отсюда не исключены гольды) «ружей», убѣдимся, что на cadaго изъ нихъ приходится около 300 р. въ годъ по слѣдующему расчету; ярмарокъ въ краѣ значительныхъ—4; изъ нихъ на одной Бурейской инородцы продаютъ пушнины на сумму отъ 50 до 65 тыс. руб.; помноживъ меньшую изъ этихъ суммъ на 4, получимъ 200 тыс. или нѣсколько менѣе 300 на ружье. Изъ этого расчета исключены однако суммы, выручаемыя за свои мѣха прибрежнымъ инородческимъ населеніемъ Амура.

Воровство и грабежъ совершенно чужды тунгусамъ. Въ глухой тайгѣ, обитаемой ими, никогда не нарушается миръ и согласіе между ея обитателями. Тунгусы издавна исповѣдываютъ православную вѣру и если они и мало знакомы съ обрядовою ея стороною, то духъ христіанскаго ученія, какъ нельзя болѣе, пришелся имъ по характеру и привился къ нимъ. И утромъ, и вечеромъ, и въ радости, и въ горѣ тунгусъ совершаетъ свою молитву, относится съ величайшимъ вниманіемъ и глубокимъ благоговѣніемъ ко всему тому, что считаетъ христіанскимъ долгомъ и преодолеваетъ все трудности и препятствія для того, чтобы достигнуть изъ своей глуши до храма, гдѣ онъ, хотя разъ въ годъ, исповѣдывается и причащается или креститъ своего ребенка.

Въ нравахъ тунгусовъ много патріархальнаго. Въ семействѣ отецъ—глава и полный хозяинъ. Но въ отношеніяхъ къ нему жены и дѣтей не замѣчается той рабской зависимости, какая проявляется у орочанъ и гольдовъ. Напротивъ, отношенія отца къ дѣтямъ самыя гуманныя. Многоженство или сожитіе съ наложницами неизвѣстны тунгусамъ. Супружеская вѣрность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ тунгусской народности. Отецъ является распорядителемъ всего имущества и дохода семьи, но у женатаго сына онъ беретъ только половину его заработка, оставляя другую въ его распоряженіи. Браки заключаются въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ. Размѣръ калыма нынѣ колеблется отъ 15 до 30 оленей, что въ переводѣ на деньги составитъ отъ 380 до 750 руб. и уплата эта производится постепенно. Давленія на выборъ дочери, впрочемъ, отецъ не оказываетъ и предоставляетъ ей свободу принимать или не принимать предложенія. По смерти отца сыновья всегда дѣлятся и тогда уже живутъ оп-

Лидия Прохорова рис и грав

Мандуши на Амуре.

рознь; при раздѣлахъ дочери ничего не получаютъ, но, если онѣ незамужнія, то остаются на попеченіи одного изъ братьевъ.

Экономическое положеніе тунгусовъ за 45 лѣтъ, протекшихъ со временъ Миддендорфа, т. е., до 1887 г., конечно, не улучшилось, и хотя они не дошли еще до полнаго банкротства и деморализаціи, но болѣе чѣмъ прежде находятся въ кабаль у якутскихъ торговцевъ. Долги, и притомъ неоплатные, лежатъ на каждой тунгуской юртѣ: размѣръ этихъ долговъ колеблется отъ 100 до 600 р. на юрту. Подъ тягостью этого долга тунгусъ не можетъ перейти изъ состоянія звѣролова ни къ какому другому экономическому строю, такъ какъ неплатежъ долга, при перемѣнѣ занятій, вызвалъ бы прекращеніе кредита со стороны торговцевъ. Постепенное же погашеніе долга невозможно уже потому, что оцѣнка предметовъ тунгусской добычи и привозимыхъ торговцами предметовъ первой необходимости исключительно зависитъ отъ торговца, смѣло приписывающаго цифру долга, которая, конечно, представляется неоплатною, закабалая

Самогоры, манджуры и орохоны.

весь трудъ тунгусовъ якутскимъ купцамъ. Для означенія вѣрности расчета у тунгусовъ вошла въ употребленіе дощечка, замѣняющая вексель. На этой дощечкѣ вырѣзываются условныя знаки, обозначающія сумму долга. Послѣ записи такихъ знаковъ, дощечка разрѣзается по поламъ по длинѣ, и одна половина хранится у кредитора, другая у должника. Подлогъ не возможенъ, такъ какъ сложеніе дощечекъ его обнаруживаетъ.

Оправдывается ли предсказаніе Миддендорфа о постепенномъ вымираніи тунгусовъ, мы не знаемъ, потому что о численности ихъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ никакихъ свѣдѣній не имѣемъ и только предстоящая во всей Имперіи перепись можетъ опредѣлить съ достовѣрностью цифру инородцевъ, звѣролововъ Амурской области. Но что при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи тунгусовъ постепенное вымирание ихъ возможно, въ томъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. При полной нищетѣ тунгуса долги у каждаго изъ нихъ превышаютъ стоимость скуднаго имущества, а возможность существованія тунгусской семьи, обуславливаемая

исключительно звѣриною и рыбною ловлею, находится въ прямой зависимости отъ двухъ факторовъ: присутствія въ семьѣ достаточной рабочей силы и успѣшнаго годового улова звѣря и рыбы. Очевидно, что смерть или даже продолжительная болѣзнь единственнаго работника юрты (а въ большинствѣ юртъ работники единственныя), есть смертный приговоръ для цѣлой семьи. Очевидно также, что неуспѣшный уловъ звѣря въ данномъ году, также лишаетъ семью возможности существованія, а еще пагубнѣе неуспѣшный ловъ кэты, поднимающейся въ неисчислимомъ количествѣ по Амуру и его притокамъ. Между тѣмъ бываютъ годы, въ которые такая неуспѣшность обуславливается какими-либо общими, напримѣръ, климатическими причинами. На звѣря и рыбу бываютъ неурожаи, и въ такомъ случаѣ большой процентъ звѣролововъ-инородцевъ обреченъ на гибель. Но и вообще несомнѣнно, что количество звѣря въ лѣсахъ Амурской области, съ распространеніемъ русской колонизаціи, должно уменьшаться; что же касается до рыбныхъ богатствъ, то и они при беспорядочной, хищнической ловлѣ въ низовьяхъ рѣки могутъ оскудѣвать, если не будетъ принято мѣръ къ урегулированію рыболовства на Амурѣ, подобныхъ тѣмъ, которыя уже приняты на низовьяхъ Волги. Ко всему этому присоединяется еще и ясакъ, который слишкомъ высокъ, да притомъ и взимается безпорядочно. Ясакъ этотъ, отъ 1 до 2 соболей съ юрты, составляетъ, по приблизительному расчету, отъ 15 до 40 р. съ юрты, слѣдовательно, отъ 7 р. до 16 р. съ души м. п., или отъ 18 до 40 р. съ взрослога работника. Перейдемъ теперь къ другому мѣстному племени—орочонамъ.

Орочонами называется небольшое отдѣленіе оленьихъ бродячихъ тунгусовъ, живущее въ верховьяхъ Амура, внизъ до устья Невира. Многіе даже вовсе не отличаютъ орочонъ отъ тунгусовъ верховій Буреи и Зеи, поэтому все сказанное выше объ этихъ послѣднихъ приложимо и къ орочонамъ.

Амурскіе орочоны раздѣляются на три рода: 1) Булетскій кочуетъ по Амуру и его притокамъ выше и нѣсколько ниже Албазинской станицы, какъ на лѣвой, такъ и на правой, манджурской, сторонѣ Амура. Орочоны этого рода, кочующіе въ китайскихъ предѣлахъ, все-таки считаются русскими подданными и платятъ ясакъ русскому правительству въ Албазинской станицѣ. 2) Кындыгирскій кочуетъ по лѣвой сторонѣ верховьевъ Амура и по притокамъ его: Амазару, Уркѣ и Уричи, въ мѣстностяхъ около селенія Покровскаго, гдѣ и платитъ свой ясакъ. Часть этого рода, извѣстная подъ именемъ Кигирцевъ, кочуетъ по правой сторонѣ Амура, въ китайскихъ предѣлахъ, и вноситъ свой ясакъ въ Албазинской станицѣ. 3) Нинагайскій родъ кочуетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и Булетскій родъ, но только по одной лѣвой сторонѣ Амура и платитъ свой ясакъ въ Албазинской станицѣ.

Орочоны, по свидѣтельству Орлова, были раньше Якутскаго вѣдомства; но перешли въ двадцатыхъ годахъ самовольно на Амуръ и потѣснили съ его правыхъ притоковъ кочевавшихъ здѣсь ранѣе китайскихъ манегровъ. Нинагайцы кочуютъ по притокамъ лѣваго Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до р. Невиръ, отъ которой по хребту вверхъ до Янканскаго гольца идетъ грань, отдѣляющая съ востока ихъ земли и звѣроловныя мѣста отъ земель манегровъ.

Орочонъ, какъ и оленій тунгусъ, отличается отъ соплеменниковъ своихъ въ особенности сухимъ тѣлосложеніемъ. Лицо у него смугло, плоско, скулы выдаются замѣтно, подбородокъ выступаетъ впередъ и имѣетъ клинообразную форму, густые волосы на головѣ черные, жесткіе, и носятъ различно: мужчины либо отпускаютъ ихъ до плечъ, либо подстригаютъ довольно коротко, въ скобку. Причесываютъ они волосы съ проборомъ на боку или по срединѣ. Дѣвушки и женщины волосъ не стригутъ и причесываютъ ихъ съ проборомъ по срединѣ, причемъ дѣвушки заплетаютъ ихъ въ одну косу, спущенную внизъ, а женщины заплетаютъ сзади въ двѣ косы, которыя и свертываютъ вмѣстѣ. Брови рѣдкія. Глаза невелики и прорѣзаны наклонно отъ виска къ носу, темно-каріе, почти черные. Лобъ широкій, низкій, носъ

большію частію короткій и плоскій, ротъ средней величины, губы толстыя, рѣзко очерченныя съ нѣскольکو опущенными внизъ углами. Мужчины или вовсе не имѣютъ бороды, или послѣдняя у нихъ очень рѣдка. Голова у орочонъ сравнительно велика, руки длиннѣе обыкновеннаго, ноги короче, искривлены въ бедрахъ нѣскольکو кнаружи. Плечи узки, бедра и ступени хорошо развиты. Орочоны не отличаются ростомъ, зато обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; особенно же бросаются въ глаза ихъ тонкія конечности.

Одежда у женщинъ и мужчинъ почти одинакова, она состоитъ изъ верхняго платья, доходящаго до колѣнъ, но у женщинъ спускающагося нѣскольکو ниже, короткихъ штановъ, доходящихъ до ляжекъ, и штиблетъ, привязывающихся ремешками къ штанамъ. Все это для лѣта дѣлается изъ замши, выдѣланной изъ шкуръ оленя и косули; для зимней—изъ выдѣланныхъ шкуръ тѣхъ же животныхъ, мѣхомъ внутрь или наружу. Лѣтняя обувь состоитъ изъ короткихъ полусапожекъ, стянутыхъ немного выше лодыжки ремнями; зимняя—изъ высокихъ сапоговъ, сшитыхъ изъ кожи ногъ обыкновеннаго или сѣвернаго оленя. Теперь однако не рѣдкость встрѣтить орочона въ русской рубашкѣ и шапкѣ.

Орочоны живутъ въ юртахъ лѣтнихъ и зимнихъ. Юрты ихъ строятся изъ тонкихъ жердей (серенги), которыя укрѣпляются въ землю кругообразно, а сверху сходятся конусомъ и скрѣпляются. Нижній кругъ юрты имѣетъ величину сообразную съ численностію семейства. Лѣтнія юрты прикрываются берестяными полосами (тыга). Полосы приготовляются въ іюлѣ, когда кора деревьевъ еще не бываетъ отсочившеюся. Кору вывариваютъ до тѣхъ поръ, пока она не приметъ мягкости кожи, а затѣмъ уже сшиваютъ въ полосы. Зимую юрты прикрываются полотнищами, сшитыми изъ выдѣланной кожи лося (уль-люнь).

Главное занятіе орочанъ заключается въ охотѣ за бѣлками, которая даетъ имъ средства запасаться на цѣлый годъ порохомъ и свинцомъ, удовлетворять другимъ незатѣйливымъ потребностямъ и уплачивать ежегодный ясакъ.

Такъ какъ они имѣютъ по немногу оленей и пользуются ими болѣе какъ выючными животными, то употребляютъ ихъ въ пищу только въ крайнихъ случаяхъ: во время голода, при празднествахъ, похоронахъ и тому подобныхъ случаяхъ. Главною же ихъ пищею являются: лоси, олени, кабарга и косуля. Медвѣдей, которые попадаютъ имъ въ руки, они ѣдятъ также охотно, хотя и совершаютъ передъ тѣмъ странные обряды. Они также стараются оставить въ цѣлости черепъ этого животнаго, который послѣ трапезы тщательно обвязываютъ берестой и вѣшаютъ на какомъ-нибудь деревѣ въ жертву злему духу. Послѣдній обычай распространенъ и среди тунгусовъ Буреи, Зеи и Амгуни, гдѣ Миддендорфу не разъ приходилось встрѣчать медвѣжьи черена въ тѣхъ же уловіяхъ. Въ выборѣ пищи орочоны вообще не брезгливы и часто употребляютъ мясо павшихъ отъ различныхъ болѣзней животныхъ; но, кажется, они вовсе не употребляютъ въ пищу мясо хорька, лисцы или волка, какъ это въ обычаѣ у ихъ сосѣдей—манегровъ. Лѣтомъ орочоны большею частью питаются рыбой, среди которой осетровыя занимаютъ первое мѣсто. Подспорьемъ являются ягоды: смородина, брусника, рябина, земляника, въ особенности же черемуха, которую сушатъ и заготовляютъ впрокъ на зиму вышеописаннымъ способомъ. Приправой служитъ дико-растущій лукъ—«сонгина». Грибовъ же они не ѣдятъ.

Хотя настоящая охота у орочановъ начинается только тогда, когда замерзнетъ Амуръ, но нѣкоторые начинаютъ ее и нѣскольکو ранѣе для того, чтобы успѣть поохотиться на кабаргу и козулю, которыя въ это время легко идутъ на подвой, такъ какъ августъ и сентябрь для нихъ—время течки. Снарядъ, употребляемый для этого (печавунъ), совершенно одинаковъ для козули и кабарги. Онъ состоитъ изъ трехъ-угольнаго, перегнутаго пополамъ кусочка бересты. Положивъ его подъ языкъ, охотникъ очень искусно подражаетъ то голосу самца, то голосу самки. Одновременно приступаютъ и къ устройству засѣкъ (тумбукъ), для которыхъ здѣсь обыкновенно избираютъ пространства, заключенныя между двумя параллельно и близко текущими рѣчками.

Покуда рѣка не покрылась льдомъ, рыбная ловля составляетъ главное занятіе ороचना. При этой ловлѣ они употребляютъ между прочимъ снарядъ умыка, сходный съ тѣмъ, который на Волгѣ носитъ названіе «шашковой снасти». Она состоитъ изъ веревки до 30 сажень длины, сплетенной изъ конскаго волоса (крипкина). Къ этой веревкѣ на разстояніи 1 аршина одна отъ другой прикрѣплены на веревочкахъ крючья, снабженные поплавками изъ кусковъ сосновой коры. Къ одному изъ концовъ этого снаряда прикрѣпляются двѣ бичевы: на одну изъ нихъ привязываютъ камень, на другую—значительныхъ размѣровъ поплавокъ, служащій для указанія мѣста, куда опущенъ снарядъ. На глубокихъ мѣстахъ конецъ этотъ бросается въ воду, послѣ чего весь снарядъ, увлеченный теченіемъ, принимаетъ положеніе, параллельное поверхности воды, а прикрѣпленные къ нему крючки получаютъ слегка наклонное положеніе, отчего крупная рыба на своемъ ходу противъ теченія легко на нихъ натывается. При этомъ способѣ ловли, такъ какъ крючья у всѣхъ инородцевъ Амура—плохіе, на каждую зацѣпившуюся и пойманную рыбу приходится цѣлая сотня такихъ, которыя уходятъ израненными и издыхаютъ отъ поврежденій. Чтобы вытащить пойманную рыбу, часто очень большую, употребляютъ багоръ (дыга). «Умыкой» ловятъ осетровыхъ рыбъ только до конца іюня. На калугу же есть еще и другой способъ охоты—острогой; но у орочонъ верховій Амура онъ не въ особенномъ употребленіи, а потому здѣсь мы его касаться не будемъ. Прочіе виды рыбъ: таймени, чебаки, сиги, сазаны, красноперы (*Pseudaspius leptocephalus* Pall.) и гальяны (*Phoxinus*) ловятся сѣтями, которыя или покупаются у казаковъ или плетутся изъ конскаго волоса, и неводами. Ловля мордами также извѣстна, но этотъ способъ примѣняется только въ небольшихъ рѣчкахъ.

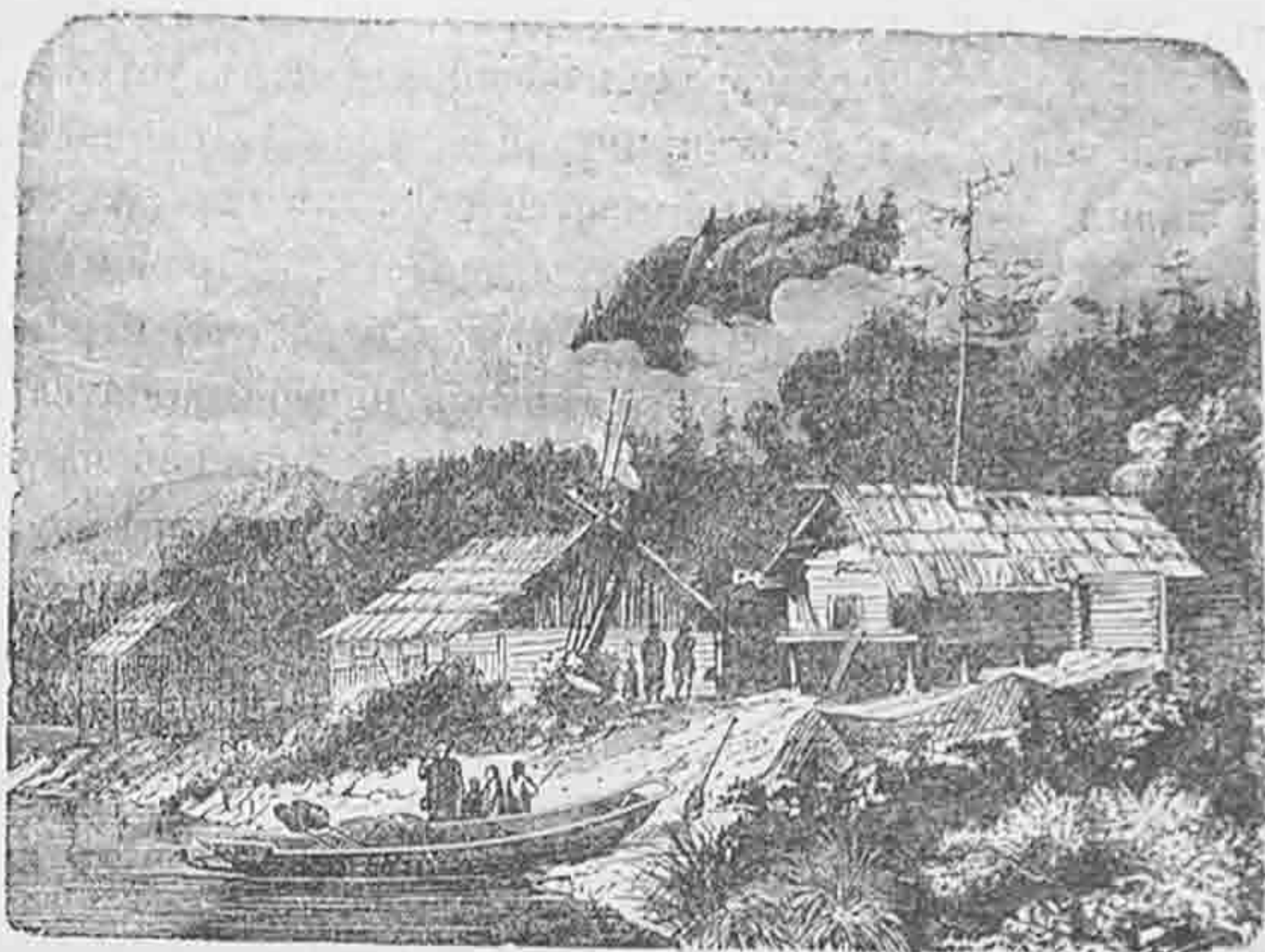
Орочны чаще другихъ лодокъ употребляютъ, такъ называемыя, «берестянки» (джау). Такая лодка состоитъ изъ легкаго деревяннаго остова, покрытаго снаружн сшитыми одинъ съ другимъ кусками бересты. Швы засмоливаются. На этихъ легкихъ и поворотливыхъ лодкахъ ловіе орочны съ большою легкостью подвигаются впередъ противъ сильнѣйшаго теченія, гребя однимъ весломъ, которое представляетъ длинный шестъ съ лопатообразными концами. Въ этой лодкѣ, въ которой рѣдко помѣщается болѣе одного человѣка, орочонъ сидитъ по срединѣ съ поджатыми подъ себя ногами, причемъ подстилкой ему служитъ кусокъ коры, положенной на дно. Иногда у орочонъ встрѣчаются и одиодеревки—«баты», на мѣстномъ русскомъ нарѣчій. Приобрѣтаются онѣ у казаковъ.

Въ прежнее время орочны управлялись князьями, а нынѣ управляются старостами, избираемыми общимъ сходомъ (сугланомъ) каждаго рода на три года. Старосты эти подчинены станичному управленію того округа, въ предѣлахъ котораго родъ кочуетъ. Кромѣ общихъ административныхъ обязанностей и сбора ясака, на старостахъ лежитъ еще и разборъ мелкихъ споровъ и ссоръ между ороचनाми, между тѣмъ какъ нѣсколько болѣе важныя дѣла, характера гражданскаго (неисполненіе обязательствъ, несоблюденіе условій товарищеской охоты, раздѣлъ наследства, неисполненіе обязательствъ по уплатѣ калымовъ) и даже уголовнаго (мелкія кражи), разбираются сходомъ (сугланомъ), руководствующимся обычнымъ правомъ.

Главныя черты обычнаго права орочонъ заключаются въ слѣдующемъ. Отецъ семейства признается его полновластнымъ господиномъ, но власть его распространяется до выдѣла сыновей и выхода дочерей въ замужество. Замужняя женщина есть главная работница въ хозяйствѣ мужа. Она ходитъ не только за дѣтьми, но и за скотомъ, устраиваетъ юрты при перекочевкахъ, осенью, въ отсутствіи мужчинъ, уходящихъ на охотничьи промыслы, рубитъ дрова и справляетъ всѣ мужскія работы. Имущество, полученное ею отъ родителей по калымнымъ договорамъ, поступаетъ въ полное владѣніе мужа. Мужчина же заботится о средствахъ существованія семьи, добывая ихъ охотничьимъ промысломъ, рыболовствомъ и перевозомъ небольшихъ грузовъ по тайгѣ на своихъ оленяхъ, наконецъ, участіемъ въ развѣдкахъ золотопромышленниковъ. Всѣ орочны православной вѣры, а потому степени родства признаются

у нихъ, какъ и у русскихъ, какъ по отношенію къ браку, такъ и къ наслѣдству. По смерти орочона опека надъ малолѣтними дѣтьми и роль главы семейства переходитъ на мать, до совершеннолѣтія дѣтей или вступленія ея во второй бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ опека надъ дѣтьми переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ первого мужа, а вдовѣ не выделяется уже никакой части изъ его имущества.

Возрастъ вступленія орочонъ въ бракъ опредѣляется въ 15 лѣтъ; но опредѣлить возрастъ орочонъ по метрическимъ записямъ очень трудно, такъ какъ ихъ крестятъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія. Калымъ за невесту родители жениха начинаютъ уплачивать, когда будущимъ супругамъ отъ 8 до 9 лѣтъ. Бракосочетаніе въ православныхъ церквахъ совершается обыкновенно уже послѣ фактическаго сожительства жениха и невесты, но родившіяся до брака дѣти признаются законными. Фактически же сожительство жениха и невесты начинается по уплатѣ калыма и привозѣ невесты ея родными въ жилище жениха. Обрядовъ при этомъ никакихъ не бываетъ и пиршество ограничивается угощеніемъ чаемъ, мясомъ, а иногда и водкою. Самый бракъ совершается послѣ того въ православной церкви, при первой возможности, которая иногда приходитъ нескоро. Новобрачные или остаются въ юртѣ родителей мужа и въ такомъ случаѣ въ полной зависимости отъ домохозяина, или, при возможности, выделяются въ особую юрту и тогда уже образуютъ самостоятельное хозяйство. Случается же и наоборотъ, что и женихъ вступаетъ въ семью родителей своей невесты. Хоронятъ орочоны своихъ умершихъ по правиламъ православной церкви; но если священника по отдаленности пригласить нельзя, то умершихъ кладутъ въ гробы изъ выдолбленнаго дерева и зарываютъ безъ всякихъ обрядовъ, кромѣ развѣ троекратнаго обхода близкими родными могилы, на которую ставится крестъ или срубъ.

Мангуская деревня.

Уголовныя преступленія между орочонами крайне рѣдки. Воровство находится во всеобщемъ презрѣніи и наказывается, по приговору общества, розгами или изгнаніемъ изъ кочевьевъ; только воровства, совершенныя у русскихъ, вѣдаются обыкновенными судами. Убіиства случаются крайне рѣдко и происходятъ только при распряхъ, являющихся послѣдствіемъ похищенія женщинъ (невестъ) однимъ ороchonскимъ родомъ у другого. Убіиства судятся, конечно, по русскимъ уголовнымъ законамъ. Родовой мести у орочонъ, впрочемъ, не существуетъ. Гражданскія тяжбы очень несложны; споры по охотничьему промыслу разбираются старостами, при участіи нѣсколькихъ сосѣдей, тяжбы же по наслѣдству или неисполненію калымныхъ условій разбираются родовымъ сходомъ.

«Манегры» сами себя называютъ—маняхыръ, у манджуръ—аваньки, въ китайской государственной географіи—э-лунь-чунь. Манегрскія юрты разсѣяны по обоимъ берегамъ Амура, на всемъ протяженіи его отъ Невира до устья рѣки Кумары. Манегры живутъ кромѣ того въ долинахъ Зеи и Кумары, и здѣсь, какъ кажется, ихъ населеніе даже гуще, чѣмъ на Амурѣ. Языкъ ихъ представляетъ мало отличій отъ языка орочонъ. Онъ характеризуется богатствомъ словъ, служащихъ для обозначенія различныхъ видоизмѣненій поверхности суши, что, конечно, происходитъ отъ тѣснаго соприкосновенія съ природой, которое составляетъ необходимое по-

сѣдѣніе кочевой жизни этого племени, и въ то же время бѣденъ словами, относящимися къ духовной жизни человека. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ манджурами и даурами, они заимствовали не мало словъ у тѣхъ и другихъ; изъ словъ этого происхожденія особенно многочисленны въ языкѣ манегровъ слова, означающія различныя принадлежности одежды и обихода, предметы роскоши и, наконецъ, нѣкоторые обычаи и обряды, перешедшія къ нимъ равнымъ образомъ отъ этихъ двухъ племенъ.

Въ формѣ лица манегры представляютъ замѣчательныя противоположности: у иныхъ лицо широкое, чисто монгольское; при этомъ маленькій носъ и выдающіяся скулы; у другихъ—такіе попадаются нерѣдко—лицо овальное, черты благородныя, скулы весьма пропорціональныя, носъ длинный, прямо или немного горбачій. Манегры малорослые, съ тонкими, какъ у орононовъ, конечностями, составляютъ исключеніе; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ это люди крѣпкаго, сильнаго сложенія и средняго или даже высокаго роста.

Зимнія и лѣтнія жилища манегровъ совершенно одинаковы, съ тою только разницею, что послѣднія строятся не такъ плотно, какъ первыя. Эти жилища такія же юрты (джу), въ какихъ живутъ и орононы. Остовъ каждой юрты состоитъ, смотря по величинѣ семьи, изъ 20—40 жердей, расположенныхъ конусомъ. Основу этого остова составляютъ 6 главныхъ жердей, изъ конхъ 4 расположены попарно, при чемъ одна такая пара приходится какъ разъ противъ другой. Между жердями одной изъ паръ устраивается дверь. Остальныя жерди располагаются между 6 главными, которыя, ради устойчивости, сѣпляются между собою своими развилками. Внутри юрты имѣются еще двѣ перекладины, на которыя вѣшается котелъ; онѣ держатся на четырехъ парныхъ жердяхъ. Впрочемъ, иногда, такія перекладины замѣняются треногой. Юрта обшивается снаружи берестой, играющею вообще очень видную роль въ хозяйствѣ тунгуса; на зиму къ берестѣ присоединяются еще и полувыдѣланныя лосиные кожи, которыми укутывается преимущественно нижняя часть такой юрты. Дверь завѣшивается пологостью, сдѣланною изъ лосиной шкуры или сшитою изъ рыбныхъ кожъ. По серединѣ юрты находится очагъ; отступая аршинъ отъ него, полукружіемъ располагаются лежанки изъ сѣна, прикрытаго мѣховыми ковриками. Каждый изъ членовъ семьи имѣетъ свою собственную лежанку; тѣ изъ нихъ, которыя находятся налѣво отъ входа принадлежатъ старшимъ въ семьѣ; мѣсто, находящееся противъ двери, въ самой глубинѣ юрты, считается почетнымъ и назначено для гостей, надъ нимъ обыкновенно вѣшается кумиръ; его могутъ занимать только мужчины, женщины же, какъ существа нечистыя, на него не пускаются.

Для сбереженія зимнихъ запасовъ, а также и другого имущества, напримѣръ, одежды, манегры устраиваютъ въ лѣсахъ около юртъ особенныя подставки (евланъ, делканъ). Делканъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, врытыхъ въ землю колевъ, 5—7 фут. высотой, на которыхъ и утверждена жердяная настилка; крышей служитъ береста.

Въ одеждѣ манегровъ много позаимствованнаго отъ манджуровъ; и хотя нѣкоторыя ея части все еще продолжаютъ сохранять тунгусскій покрой, но въ общемъ манджурскій элементъ въ ней все же преобладаетъ. Различныя части одежды нерѣдко пріобрѣтаются даже готовыми у торговцевъ или шьются изъ китайскихъ матерій.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ спускающагося ниже колѣнъ халата (чамча), который надѣвается прямо на тѣло. Лѣтомъ иногда кромѣ этого платья не носятъ никакого другого, иногда же поверхъ чамчи одѣваютъ еще: декели—безрукавку и короткій кафтанъ—голами. Зимнею верхнею одеждою служитъ манджурскаго покроя шуба—сюпъ, сшитая изъ обращенныхъ мѣхомъ наружу косульихъ шкуръ. Какъ шуба, такъ и чамча подпоясываются жгутомъ изъ тонкихъ ремешковъ или поясомъ изъ конскихъ волосъ. Нижняя часть одежды состоитъ изъ тунгусскаго покроя короткихъ штановъ и штиблетъ. Обувь состоитъ изъ лосиной кожи сапоговъ, одѣваемыхъ лѣтомъ и при томъ только въ сухую погоду, и сапоговъ, съ высокими голенищами, сшитыхъ изъ шкуръ, содранныхъ съ лосиныхъ или лошадиныхъ ногъ; послѣдніе пред-

назначаются для холоднаго времени года. Впрочемъ, у богатыхъ манегровъ появились въ последнее время и китайскіе саногн. Излюбленнымъ годовымъ уборомъ манегровъ являются поирковья манджурскія шапочки; бѣдные манегры шьютъ себѣ подобныя шапочки изъ подходящаго мѣха. Зимой этотъ головной уборъ замѣняетъ высокая и широкая шапка, подбитая всегда мѣхомъ и крытая либо сукномъ, либо пансомъ; на вершинѣ ея находится пуговка, отъ которой назадъ спускаются двѣ шелковыя или суконныя ленты.

Волосы свои манегры заплетаютъ въ косу, въ которую тѣ, кто побогаче, вилетаютъ еще черныя шелковыя шнурки для того, чтобы она казалась длиннѣе.

Каждый манегръ, согласно установившемуся среди всѣхъ кочевыхъ и бродячихъ азіатскихъ народовъ обычаю, носитъ на поясѣ кисеть, мѣшокъ для трубки, огниво, ножъ и проч. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ кольца, но почти всѣ имѣютъ браслеты.

Нарядъ женщинъ отличается отъ мужского только тѣмъ, что халаты у нихъ нѣсколько длиннѣе и обшиты украшеніями, которыя или вовсе отсутствуютъ на мужскихъ, или, если и встрѣчаются, то въ исполненіи менѣе тщательномъ. Тоже самое можно сказать, какъ объ обуви, такъ и о головныхъ уборахъ женщинъ и дѣвушекъ.

Последнія отличаются отъ замужнихъ особаго рода шапочкой и повязкой дербеки, представляющей довольно широкую ленту, вышитую разноцвѣтными бусами и металлическими украшеніями; она идетъ по лбу, охватываетъ косы и закалывается на затылкѣ.

Для защиты отъ жара нѣкоторые манегры пользуются вѣеромъ; другіе съ тою же цѣлью, а также и для защиты отъ мошекъ и комаровъ, носятъ остроконечныя шляпы изъ легкой матеріи, спускающіяся до плечъ и такимъ образомъ прикрывающія какъ голову, такъ и шею.

Очень часто манегры женятся на малолѣтнихъ дѣвочкахъ. Въ этихъ случаяхъ жена и въ томъ возрастѣ, въ которомъ еще неспособна къ отправленію супружескихъ обязанностей, живетъ въ юртѣ своего мужа, но въ качествѣ служанки, исполняя всѣ домашнія работы. Такая супруга, покуда не сдѣлается настоящей женою, носитъ на головѣ, служащую знакомъ дѣвчества, повязку—дербеки.

Отъ постоянныхъ сношеній съ китайцами и манджурами, манегры или мангуны утратили уже нѣкоторыя изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ столь привлекательнымъ характеръ ихъ соплеменниковъ—тунгусовъ верховій Буреи и Зеи. Они лживы и лицемерны. Но воровство и у нихъ до сихъ поръ еще—явленіе рѣдкое.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной очень странной чертѣ ихъ нравовъ—чертѣ, служащей поводомъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ. Манегръ никогда не скажетъ, какъ зовутъ того или другого изъ взрослыхъ его соплеменниковъ. Если къ нему обратиться съ такимъ вопросомъ: «какъ зовутъ твоего сосѣда?», то въ отвѣтъ всегда получишь: «тотъ, о комъ ты спрашиваешь, сынъ или отецъ такого-то.» Собственнаго своего имени онъ также не назоветъ; если же на этомъ станутъ настаивать, то непременно солжетъ. Обычай этотъ не соблюдается только по отношенію къ малолѣтнимъ.

Главное занятіе мужчинъ составляютъ рыбная ловля и охота. Какъ только ледъ на Амурѣ тронется, они тотчасъ же приступаютъ къ ловлѣ осетра и калуги. Эта ловля производится или переметами или, и это чаще, съ помощью остроги (гидда). Она состоитъ изъ тонкой до

Разныя принадлежности одежды.

4 саж. жердины, къ нижнему концу которой привязанъ короткимъ, но толстымъ шнуромъ большой желѣзный крючекъ съ обращенною назадъ зазубриною около острія. Весьма часто такихъ крючковъ бываетъ два, каждый на особой веревкѣ. Каждый крючокъ имѣетъ на концѣ, противуположномъ острію, небольшой выступающій зубчикъ; этимъ концомъ крючокъ вставляется въ прикрытое сверху жолобкообразное углубленіе, находящееся на нижнемъ концѣ жердины, и зубчикомъ укрѣпляется въ этомъ углубленіи такъ, однако-же, что держится въ немъ очень слабо. Къ нижнему же концу жердины прикрѣплена длинная бичева съ поплавкомъ. Употребляется эта острога различно, смотря по высотѣ воды. Когда она высока, манегры от-
Употребляется эта острога различно, смотря по высотѣ воды. Когда она высока, манегры от-
правляются на ловлю обыкновенно вдвоемъ въ берестянкѣ: одинъ управляетъ лодкой, другой бросаетъ острогу. По легкому волненію на поверхности, они угадываютъ направленіе, взятое

Внутренность Мангунскаго зимника.

рыбой, и гарпунщикъ пускаетъ острогу. Палка, ударившись въ рыбу нижнимъ концомъ, сотрясается, отчего крючки выскакиваютъ изъ углубленій, въ которыхъ лежали, и глубоко впи-
ваются въ рыбу. Рыба, будучи ранена, иногда только легко, начинаетъ метаться во все сто-
роны и рыбаки пускаются за нею въ погоню. При этой погонѣ они подвергаются иногда не-
малой опасности, потому что огромная, иногда до двухъ саженей рыба, раздраженная ранами,
сильно бьетъ хвостомъ и легко можетъ потопить берестянку. Поплавокъ даетъ возможность
слѣдить за всеми движеніями рыбы, которая постепенно становится все медленнѣе и мед-
леннѣе. Наконецъ, рыбаки отваживаются подъѣхать къ ней на близкое разстояніе и добыть
ее окончательно.

При малой водѣ способъ охоты видоизмѣняется. На отмели, если возможно, гдѣ-нибудь

на серединѣ рѣки, устраивается «обсерваторія»—деакенъ, состоящая изъ трехъ, всаженныхъ въ песокъ, кольевъ и настилки. На нее взбирается одинъ изъ рыбаковъ въ то время, какъ другой находится по близости, въ берестянкѣ, и держитъ наготовѣ острогу. «Гиддала калъ!», что значитъ—«бей острогой!» кричатъ первый изъ нихъ, завидя рябь на водѣ и берестянка несется въ указанномъ направленіи, острога бросается, и рыба дѣлается добычей охотника. При этомъ нельзя не изумляться, замѣчаетъ Орлокъ, той ловкости и быстротѣ, съ какою манегръ или ороchonъ гонятся за рыбою. Но еще поразительнѣе это зрѣлище, когда ему удается ударить рыбу и она начинаетъ бросаться во все стороны, а легкій ороchonъ успѣваетъ за ценою вертѣться на своей омурочи (т.-е., берестянкѣ).

Хотя, безъ сомнѣнія, охота съ острогой возможна только тамъ, гдѣ водится множество рыбы, но, съ другой стороны, надо отдать и полную справедливость туземцамъ Амура: долго-временная и постоянная практика развила въ нихъ замѣчательную быстроту работы безъ про-

Мангувская гробница.

маха; къ тому же и зоркость ихъ имъ значительно помогаетъ. Утверждаютъ, что уссурійскій ороchonъ видитъ рыбу на глубинѣ аршина и на разстояніи сажениі трехъ отъ лодки. Почти на такомъ же разстояніи онъ бросаетъ свою острогу и почти всегда съ совершеннымъ успѣхомъ.

У манегровъ также въ обычаѣ лучить рыбу, но лучатъ только кѣту, заходящую въ Кумару.

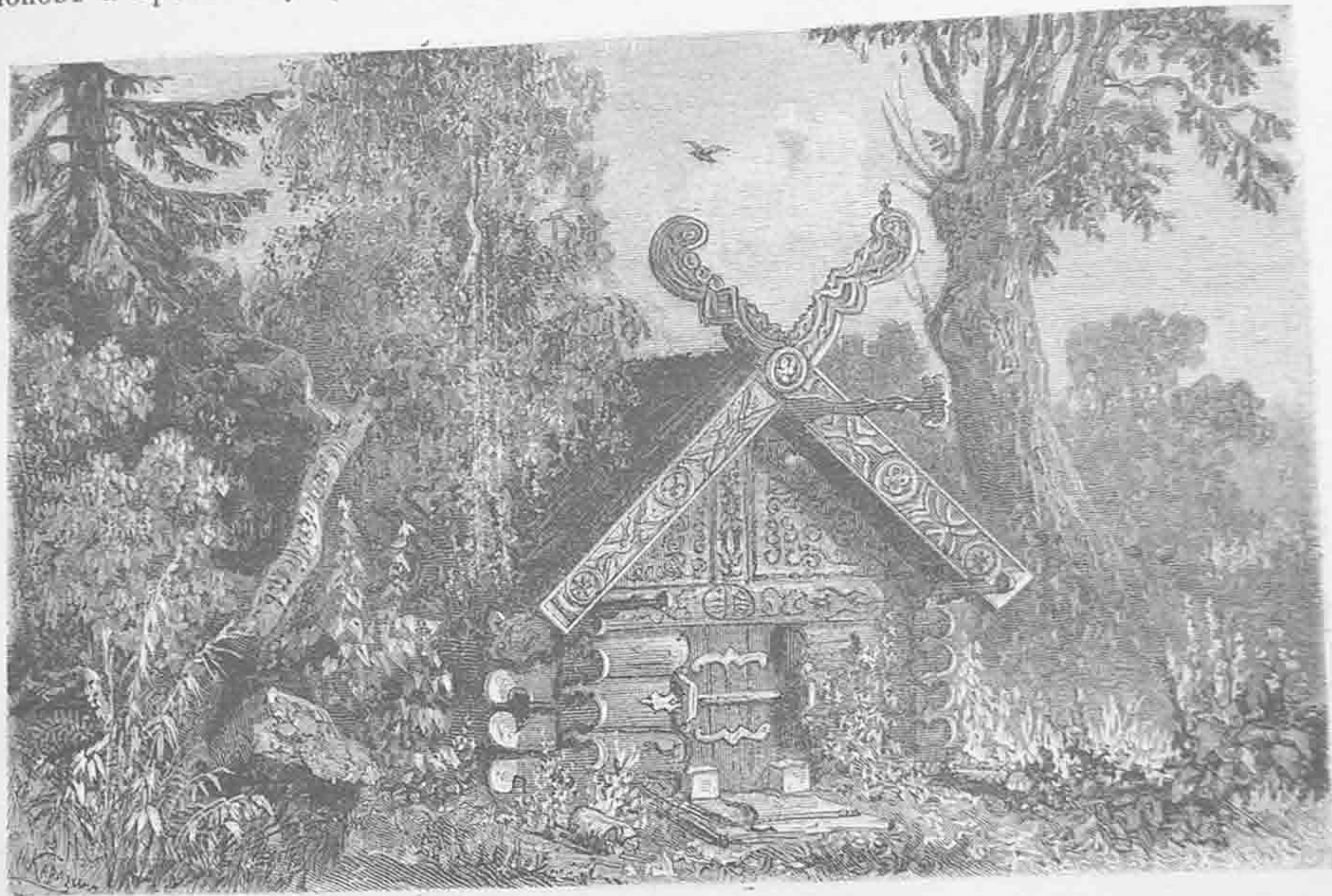
Зимою рыболовствомъ занимаются только богатые манегры, которые имѣютъ возможность ставить на Амурѣ заколы. Каждый такой заколъ состоитъ изъ ряда жердей съ переплетомъ изъ пвовыхъ вѣтвей между ними. Онъ опускается на дно поперекъ рѣки черезъ узкую прорубь и имѣетъ своимъ назначеніемъ задержать ходъ рыбы. Въ немъ оставляютъ одно или два отверстія и надъ каждымъ изъ послѣднихъ устраивается на льду небольшая коническая юрта, закрытая со всѣхъ сторонъ шкурами и древесными вѣтвями. По серединѣ юрты надъ отверстіемъ закола вырубается прорубь. Надъ этою-то прорубью и спитъ рыболовъ, выжидая добычи. Благодаря совершенной темнотѣ въ юртѣ и освѣщенію воды черезъ

окужающей ледь, каждая выходящая изъ отверстія рыба ясно видна и она безъ промаха бьетъ ее своею острогой на выборъ.

Кромѣ берестянокъ манегры имѣютъ еще большія, до 4 саж. длиною, лодки (катука), служащія преимущественно для переселеній съ одного мѣста жительства на другое, а также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для ловли.

Охота послѣ рыбной ловли составляетъ важнѣйшее занятіе манегра. При охотѣ на лоса и оленя (*Cervus elaphus*) въ періодъ течки манегры употребляютъ тонкій, не круто изогнутый деревянный рогъ около 1½ арш. длиною: играя на этомъ рогѣ охотники весьма искусно подражаютъ призывному крику самца и такимъ образомъ подманываютъ къ себѣ животныхъ.

Засѣки (охоръ) на тѣхъ же животныхъ устраиваются такимъ же образомъ, какъ и у орононовъ и прочихъ тунгусовъ. Разница заключается только въ томъ, что стрѣлы прило-

Гробница мангунскаго шамана.

женныхъ въ проходахъ самострѣловъ принято у нихъ отравлять гнилымъ жиромъ. Отъ этого все мясо убитаго животного получаетъ гнилостный запахъ, зато раненое животное падаетъ близко; къ тому же этотъ запахъ не кажется манеграмъ противнымъ.

Работы, приходящіяся на долю женщинъ, у манегровъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ лежащія на мужчинахъ. Мужчины не знаютъ никакихъ домашнихъ работъ; они только ловятъ рыбу, охотятся, да ѣздятъ, и то недалеко, по торговымъ дѣламъ. Женщины же рубятъ и носятъ дрова, устанавливаютъ юрту, изготовляютъ различныя части одежды и конской сбруи и плетутъ сѣти, на ихъ же обязанности лежитъ выдѣлка кожъ и приготовленіе берестяныхъ лястовъ. Лошади также всецѣло находятся на ихъ попеченіи. Когда манегры отправляются въ какую-нибудь поѣздку, ихъ жены должны поймать, осѣдлатъ и навьючить лошадей, а когда они воротятся—разсѣдлатъ, стреножить и поставить на пастбище.

Изъ домашнихъ животныхъ манегры держатъ только лошадей и собакъ.

Орононы и оленные тунгусы, хотя и шаманятъ, но все же числятся православными;

манегры же даже наружно остаются язычниками, и шаманы по-прежнему играютъ въ ихъ жизни довольно видную роль.

«Только по сохранившемся у манегровъ преданію,—пишетъ Маакъ,—знаемъ мы, что въ прежнія времена мѣсто лошадей у нихъ заступали сѣверные олени и что, слѣдовательно, это племя вело когда то другой образъ жизни». Академику Шренку удалось съ извѣстною точностію опредѣлить это время. «Первое извѣстіе о манегирцахъ,—пишетъ онъ,—относится къ XVII ст.». Въ 1647 г. промышленникъ Вижевцовъ показалъ, что, занимаясь промысломъ, онъ провель оба предшествовавшіе года на Тунгирѣ (прит. Олекмы), куда, между прочимъ, приходили къ нему три тунгуса «Манагири», ходящіе ежегодно на оленяхъ до Шилки (Амура) по маршруту: Тунгиръ, Нюкжа, Уръ, т.-е., Урканъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за Амуръ, на Кумару, они переселились уже послѣ заключенія Нерчинскаго договора и тогда же перешли отъ

Типы голдовъ.

оленя къ лошади, въ чемъ косвенно убѣждаетъ насъ и государственная географія Китая, смѣнивающая орочоновъ и манегровъ подъ общимъ названіемъ «оленный народъ», т.-е., «голунчунъ» (Rauthier, «Chine moderne» I, p. 168) или «э-лун-чунъ» (Лакинфъ, l. c.). Нѣсколько ранѣе манегровъ на Амуръ переселились бирары, къ которымъ мы и переходимъ теперь.

Древнѣйшія извѣстія о бирарахъ относятся ко времени перваго похода русскихъ на Амуръ подъ начальствомъ Пояркова. По своемъ возвращеніи, онъ въ 1646 г. доносилъ, что на Брандѣ онъ встрѣтилъ оленныхъ тунгусовъ—Уллагири и въ устьѣ Ура оленныхъ же тунгусовъ—Баягири; но что, кромѣ этихъ тунгусовъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ верховьяхъ рѣки Силимбы (т.-е., Селимджи) живетъ еще одно многочисленное тунгусское племя—«Биралы». 35 лѣтъ спустя, былъ посланъ изъ Нерчинска на Зею и Селимджу Игнатій Миловановъ, который донесъ: «съ малыми силами брать ясакъ съ тунгусовъ-бираровъ нельзя, да къ тому же за ясакомъ къ нимъ уже наѣзжаютъ даурскіе люди».

Поярковъ называлъ бираровъ «оленными» тунгусами, Миловановъ описываетъ ихъ уже «конными». Сопоставляя эти извѣстiя, Шренкъ приходитъ къ тому заключенiю, что въ 35-лѣтнiй перiодъ бирары успѣли превратиться изъ оленныхъ въ конныхъ кочевниковъ, но выводъ этотъ намъ кажется сомнительнымъ.

Свѣдѣнiя, которыя мы имѣемъ о бирарахъ, очень скудны. Границы ихъ перекочевокъ въ точности указаны быть не могутъ; вообще же слѣдуетъ сказать, что они живутъ по Буреѣ и на Амурѣ, гдѣ ихъ коническiя тростниковыя юрты уже не стоятъ одиноко, но образуютъ селенiя, окруженныя огородами. Впрочемъ, ихъ главными занятiями все же остаются рыбная ловля и охотничiй промыселъ. По языку они стоятъ очень близко къ манеграмъ, по тѣло-сложенiю напоминаютъ болѣе манджуровъ, чѣмъ орооченовъ. Равнымъ образомъ въ нравахъ, въ обычаяхъ и въ одеждѣ бирары представляютъ много общаго со своими западными сосѣдями, т.-е. окитаившимися даурами и манджурами. Что же касается охоты и рыбной ловли, то въ этомъ отношенiи они нисколько не отступили отъ правилъ общепринятыхъ у тунгусскихъ племенъ.

Къ востоку отъ Буренискихъ горъ, по Амуру и его притокамъ, живетъ тунгусское племя, извѣстное у насъ подъ именемъ «гольдовъ», отождествляемыхъ Шренкомъ съ «натками» и «ачанами» русскихъ казаковъ, «кечен-гами», «хедженами» и «хейдзинами» китайскихъ писателей. Разбирая происхожденiе слова «гольдъ», которымъ ни одно изъ отдѣленiй этого племени себя не называетъ, Шренкъ приходитъ къ такому заключенiю, что русскiе передѣлали его изъ гиляцкаго Tscholdok, Tscholdoch (чольдокъ, чольдохъ). Въ настоящее время гольды распа-даются на три отдѣленiя: «киленовъ» или «кыленовъ», живущихъ по Сунгари и Амуру выше Хабаровска, «ходзовъ», или «ходзеневъ» по Амуру ниже этого города и «мангу» по Уссури. Между этими тремя отдѣлами суще-ствуетъ не большая разница въ одеждѣ и нравахъ, и очень большая въ языкѣ, что, по мнѣнiю Шренка, объясняется историческими судьбами этого племени. Во времена Ха-баровъ по Амуру, между устьями Сунгари и Уссури, голь-довъ не было. Здѣсь жили дучеры, остатки нѣкогда мо-гущественнаго народа чжурчженей, царствовавшаго въ

Гольды—мужчина.

Сѣверномъ Китаѣ подъ именемъ династiи Гинь. Послѣ паденiя царства Гинь, дучеры удалились на сѣверъ и поселились въ земляхъ гольдовъ—по Амуру, между Буреей и Уссури. Съ появленiемъ же здѣсь казаковъ, они повинуются приказанiямъ изъ Пекина, оставили свою новую родину и ушли на Сунгари. Такимъ образомъ, гольды, послѣ продолжительнаго разъединенiя, въ концѣ XVII в. снова получили возможность перебраться на излюбленные ими берега южной Амурской дуги; но они, явились сюда уже не тѣми, какими были, когда вышли отсюда: влiянiе съ одной стороны манджуровъ, съ другой—гиляковъ сказалось прежде всего на ихъ языкѣ, и въ настоящее время мангу или килень съ трудомъ понимаетъ ходзена.

Гольды скорѣе могутъ быть отнесены къ осѣдлому, чѣмъ бродячему населенiю, хотя они мало привязаны къ мѣсту своего жительства. Пока все условiя избранной мѣстности хороши, гольды не покидаютъ ея, но чуть измѣнились послѣднiя въ худшую сторону, они пере-бираются на новыя мѣста, безъ сожалѣнiя бросая на произволь судьбы свои фанзы.

Гольды ниже средняго роста, съ широкою, плоскою физiономiей и приплюснутымъ носомъ, толстыми губами, монгольскимъ разрѣзомъ глазъ и выдающимся скулами; волосы у

нихъ на головѣ жесткіе, черные, на лицѣ часто русые и въ то же время очень рѣдкіе. Всѣ гольды худощавы, но мускулисты. Кисти ихъ рукъ и ступни ногъ малыя. Мужчины заплетаютъ волосы въ косу; женщины носятъ обыкновенно двѣ косы, а дѣвушки нерѣдко распускаютъ волосы по плечамъ.

Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ на пальцахъ рукъ серебряныя или костяныя кольца, а на рукахъ серебряныя или желѣзные браслеты. Женщины сверхъ того носятъ въ ушахъ серьги съ нѣсколькими подвѣсками, состоящими преимущественно изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ и изрѣдка каменныхъ колець. Нерѣдко встрѣчаются также франтики съ одною или нѣсколькими серебряными сережками, продѣтыми черезъ ноздри.

Одежду гольдовъ, какъ мужскую, такъ и женскую, составляютъ: бумажная нижняя рубаха китайскаго покроя, называемая «кахара»; штаны китайскаго покроя («фуру»), подвязываемыя на ногахъ широкою тесьмой («туйба»); длинная верхняя рубаха («нокто») изъ цвѣтной китайской дабы, украшенная шитьемъ или обшивкой; куртки изъ сыромяти или рыбьей кожи, взаменъ которой иногда одѣвается и подбитая ватой курма; ватные китайскіе наколѣнники («каро»); такіе же кожаные наколѣнники («уйка»); теплая изъ косульго мѣха куртка, шерстью вверхъ; гольдская шапочка («аго») и обувь («ута»). Последняя представляетъ родъ туфель безъ подошвъ; ее носятъ почти все казачье населеніе на Уссуріи подъ названіемъ «олочь». Для зимы эти олочи шьютъ изъ рыбьей кожи, а для лѣта—изъ кожи дикаго кабана. Въ лѣтнее время для предохраненія себя отъ, такъ называемаго, гнуса (мошка, комары, слѣпни, оводы и проч.), гольды одѣваютъ на голову особаго покроя капюшонъ, совершенно сходный съ капюшономъ нашихъ монахинь, причемъ не закрытыми остаются только носъ, ротъ и глаза.

Обыкновенно гольды живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ, въ миниатюрѣ напоминающихъ китайскую фанзу, рѣже, какъ напримѣръ, по Тунгуру,—въ китайскихъ юртахъ, выстроенныхъ, повидимому, по образцу, сходному съ общепринятымъ у народовъ тунгусскаго племени.

Жизнь гольда обыкновенно протекаетъ такъ: весною, если рѣка уже вскрылась отъ льда, мужчины встаютъ раньше женщинъ, съ разсвѣтомъ садятся въ свои оморочи и отправляются бить рыбу острогой, ловить ее сѣтями или осматривать переметы со снастями для лова осетровъ или калуги. Женщины, вставши, въ свою очередь принимаются за работу,—варятъ пищу (рыбу) одновременно, но въ разныхъ котлахъ, себѣ и собакамъ.

Гольды питаются преимущественно мясомъ дикихъ звѣрей, козуль, изюбрей, лосей, медвѣдей, дикихъ кабановъ и пр., а также—рыбой. Мучной пищи употребляютъ очень мало; напримѣръ, семейство гольда, состоящее изъ шести лицъ, потребляетъ въ теченіе года около 20 пуд. буды (проса) и 20 п. майцзы (пшеничной муки); да и это количество нельзя принимать за норму, такъ какъ далеко не всѣ гольды въ состояніи пріобрѣтать покупкой подобное количество хлѣба. Соли употребляютъ очень мало, за то овощей ѣдятъ много. При каждой почти фанзѣ имѣется огородъ, въ которомъ разводятъ кукурузу, тыквы, китайскую капусту, рѣдьку, лукъ, перецъ, чеснокъ и бобы. Лѣтомъ и въ особенности осенью, когда созрѣваетъ виноградъ, дикіе яблоки и голубица, гольды ѣдятъ эти ягоды въ большомъ количествѣ, а виноградъ варятъ до тѣхъ поръ, пока не получится густая, кисло-сладкая масса, хорошо со-

Гольдская женщина.

хранювался въ прокъ. Виноградъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ гольдами Амурской области, не растеть, но за то здѣсь взамѣнъ его гольды въ изобиліи находятъ клюкву, морошку, рябину и другія произведенія сѣверныхъ странъ.

Жизнище гольдовъ.

всевозможнаго рода вышивками, какъ первую, такъ и такіе предметы, какъ кисеты для табака, напимѣръ, и проч. Во второй разъ въ теченіе дня ѣдятъ около полудня, въ третій—вечеромъ.

Если по близости жилища много звѣря, то мужчины ходятъ и на охоту. Гольды охотятся съ ружьями; на такого-же звѣря, какъ тигры или медвѣдь, кромѣ того берутъ еще и коцье. У всѣхъ гольдовъ имѣются сибирскія малокалиберныя винтовки; китайскихъ же фитильныхъ ружей они вовсе не держатъ.

Лѣтомъ большая часть гольдовъ оставляетъ свои фанзы и пересбирается на мѣста, изобилующія рыбой и звѣремъ, гдѣ и располагается въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ камыша и бересты. Съ наступленіемъ осени, когда по Амуру и его притокамъ начинается ходъ кэты, для гольдовъ наступаетъ время самой напряженной дѣятельности; тѣмъ болѣе, что одновременно съ ловлей красной рыбы и изготовленіемъ изъ нея юколы для себя и собакъ, ведется обыкновенно и охота на изюбря, лося и сѣвернаго оленя, если, разумѣется, таковыя водятся по сосѣдству. По окончаніи лова красной рыбы большинство мужчинъ отправляется на енотовый и собольный промыслы, продолжающіеся съ поздней осени до конца зимы. Какъ енотовый, такъ и собольный промыслы производятся главнѣйшимъ образомъ при помощи собакъ, составляющихъ главную основу хозяйства гольдовъ.

Гольды усиленно курятъ табакъ, и этимъ занимаются не только мужчины и женщины, но даже и дѣти.

Появленіе на свѣтъ ребенка, женитьба и похороны сопровождаются у нихъ празднествами, выражающимися главнымъ образомъ въ пьянствѣ.

Когда родится ребенокъ, то на другой день послѣ родовъ собираются родственники и знакомые, ѣдятъ, что успѣли въ ихъ ожиданіи приготовить, и пьютъ хан-шинъ, т. е., китай-

Гольдь южно-амурскаго края.

скую водку. Если рождается мальчикъ, то хан-шина пьютъ больше: родители испытываютъ большую радость и угощаютъ щедро. При выдачѣ дочери замужъ обыкновенно выкупа не берутъ, ограничиваясь взаимными не большими подарками. Послѣ родовъ женщина лежитъ день или два, а на третій встаетъ, хотя и увольняется отъ всякихъ работъ по дому и по хозяйству на срокъ около недѣли. Впрочемъ, гольды считаютъ, что та женщина хороша, которая на 3-ій, на 4-ый день послѣ родовъ можетъ уже исполнить все работы.

Всякая женщина считается нечистою послѣ родовъ въ теченіе 1½ мѣсяца. Въ продолженіе этого періода она ѣсть и пьетъ изъ отдѣльной чашки, и никто другой, даже мужъ ея, не только не ѣсть изъ послѣдней, но даже и не прикасается къ ней. Чашка эта, а вмѣстѣ съ ней и вся одежда, которую женщина носитъ въ это время, считаются нечистыми и выбрасываются вонъ по окончаніи періода очищенія.

Обрядъ сватовства происходитъ такъ. Когда мальчику исполнится 14—15 лѣтъ, для него подыскиваютъ невесту, если таковая не была назначена ему въ дѣтствѣ. Когда невеста намѣчена, отецъ жениха посылаетъ кого-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ къ отцу невесты сказать, что у такого-то есть сынъ такой-то, — не отдадутъ-ли поэтому тѣ за него свою дочь такую-то. Въ случаѣ согласія отецъ жениха идетъ въ домъ невесты для переговоровъ. Назначается день, созывается родня и знакомые, которымъ и устраиваютъ пиръ въ домѣ родителей невесты. Послѣ пиршества новобрачныхъ вводятъ въ фанзу родителей жениха, гдѣ празднество продолжается и длится иногда болѣе недѣли. Отецъ жениха обязательно даритъ матери невесты серьги, а молодой — новую одежду; кромѣ того происходитъ взаимный обмѣнъ подарковъ.

Гольды могутъ имѣть произвольное число женъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются подобнымъ правомъ. Первая жена считается старшею.

Когда гольдь умираетъ, то трупъ его кладутъ въ гробъ, сколоченный изъ кедровыхъ досокъ, на ложе изъ стружекъ, затѣмъ послѣдній зарываютъ въ землю на глубину около 2-хъ четвертей. Поминки заключаются въ слѣдующемъ: въ фанзѣ на почетномъ мѣстѣ стелется циновка, на которую и укладываются

все вещи покойнаго до шапки и трубки включительно; ежедневно на это мѣсто ставится пища и нѣсколько разъ въ день набивается табакомъ и зажигается трубка. Подобныя поминки продолжаются въ теченіе одного года. У зажиточныхъ гольдовъ собирается на похороны до 50 и болѣе душъ, пьютъ по цѣлымъ недѣлямъ и выпиваютъ иногда 2—3 ящика хан-шина, т. е., отъ 10 до 15 ведеръ.

Гольды живутъ семействами. Отецъ есть глава семьи. Сыновья живутъ при немъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ сынъ отдѣляется отъ отца при жизни послѣдняго. Послѣ же его смерти, если братья не раздѣлятся, то старшій становится главою семейства. Обыкновенно, однако, они раздѣляются. Старшій въ семьѣ пользуется неограниченною властью.

О числѣ живущихъ въ Амурской области гольдовъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Въ предѣлахъ изучаемаго края осѣдлое инородческое население расселено въ двухъ мѣстностяхъ: къ востоку отъ Благовѣщенска до станицы Низменной и въ селѣ Благословенномъ — къ востоку отъ Бурейскаго кряжа.

Въ окрестностяхъ Благовѣщенска живутъ не подвѣдомственные нашему управленію китайцы, дауры и манджуры, въ селеніи Благословенномъ — принявшіе подданство, а съ нимъ вмѣстѣ и православіе, корейцы.

Гольдь Маринскаго округа.

Дауры и манджуры, которыхъ меньшинство до такой степени окитаивались, что ни по языку, ни по обычаямъ, ни по костюму, наконецъ, они существенно не разнятся отъ природныхъ китайцевъ. По первой статьѣ Айгунскаго договора вопросъ о томъ, въ чью сторону должны оставаться лѣвобережные манджуры, разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что они должны оставаться китайскими подданными. Графу Муравьеву, безъ сомнѣнія, было важно добиться у китайскаго правительства главнаго—укрѣпленія за Россіей Амура; подобный же частный вопросъ—ничтожный по сравнению съ грандіозною задачей, положенною въ основу всего дѣйствія этого государственнаго человѣка, былъ совершенно основательно оставленъ имъ временно безъ вниманія. Онъ твердо вѣрилъ, что, съ разрѣшеніемъ главнаго вопроса, частности, такъ или иначе, будутъ легче улажены. При заключеніи Пекинскаго договора графъ Игнатьевъ, говоря въ ст. I-ой о новой границѣ Россіи, въ такихъ выраженіяхъ редактировалъ ея заключительныя строки:

Голцы на Амурѣ.

«Если бы въ вышеозначенныхъ мѣстахъ оказались поселенія китайскихъ подданныхъ, то Русское Правительство обязуется оставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ и дозволить попрежнему заниматься рыбными и звѣриными промыслами». Такимъ образомъ Пекинскій договоръ «разъяснилъ» I ст. Айгунскаго договора въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ признанія земель, занятыхъ манджуро-китайскимъ населеніемъ на лѣвомъ берегу Амура, русскою государственною территоріею, съ обязательствомъ только не препятствовать китайскимъ подданнымъ, поселившимся на этой территоріи до заключенія трактата, пользоваться тѣми угодьями, которыми они пользовались до этого заключенія.

Переходимъ къ обзору современнаго положенія этого автономнаго населенія области.

Оно занимаетъ пространство по берегу Амура протяженіемъ на 66 верстѣ, а въ глубину страны распространяется населенными пунктами и разработанными землями не даѣе 20 верстѣ; въ общей же сложности занимаетъ площадь, равную, приблизительно, 1,400 кв. верстамъ.

Изъ 63 манджурскихъ поселковъ въ 1883 году только 37 имѣли характеръ селеній, остальные поселки были фанзы, то-есть, заимки, стоящія или сгруппированными въ количествѣ отъ 2-хъ до 4-хъ, или обособленно.

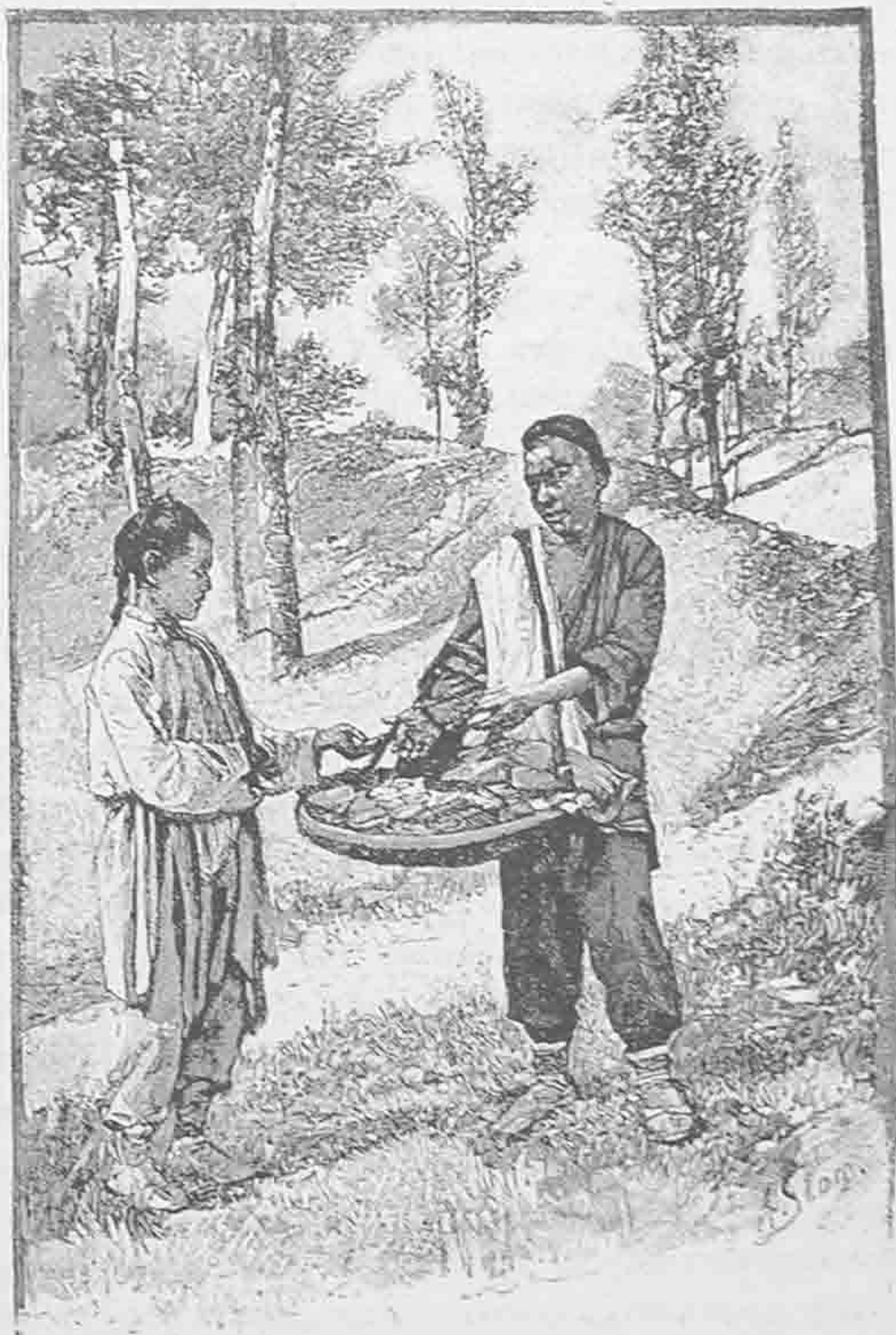
Остальные-же 26 поселковъ не болѣе, какъ отдѣльныя фанзы.

Во всѣхъ перечисленныхъ 37 селеніяхъ и 26 хуторахъ, по обстоятельному исчисленію въ 1883 году было: 1266 дворовъ съ 13,923 жителями об. п.; у нихъ рабочаго скота 5,390 лошадей и 4,008 быковъ.

Вообще, низменность между нагорною террасою и Амуромъ, отъ устья Зеи до поселка Низменнаго, находилась до 1885 г. въ ненарушимои пользованиі обитателей манджуро-китайскихъ поселковъ, и только въ свободныхъ между китайскими селеніями промежуткахъ жители Благовѣщенска и нѣкоторыхъ селеній русской Гильчинской волости пользовались безпрепятственно покосами, причемъ, собственно на этой площади, никогда не возникало споровъ между китайскими подданными и русскими. Другое дѣло на подгорной террасѣ. Здѣсь манджуро-китайцы постоянно стремились къ захватамъ и старались распространить свою территорію вглубь страны, чему способствовало расположеніе 9 китайскихъ селеній на окраинѣ подгорной террасы. Конецъ этимъ захватамъ положилъ рядъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ въ 1884 году генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Анучинымъ. Мѣры эти заключались, во-первыхъ, въ правильномъ обмежеваніи земель, предоставленныхъ русскимъ правительствомъ въ пользованіе китайскихъ подданныхъ на лѣвомъ берегу Амура. Количество ограниченныхъ такимъ образомъ земель, вмѣсто предполагавшихся прежде 145,800 дес., составило всего только 108,000 дес., на которыя собственно и признаны были права манджуро-китайцевъ. Межи пройдены плугами въ двѣ глубокия борозды, мѣстами устроены межевыя ямы, но межевыхъ столбовъ нельзя было поставить по полному отсутствію въ этихъ мѣстахъ лѣса. Практическія затрудненія встрѣтились только на пади Алинъ, то-есть, тамъ, гдѣ манджурскіе захваты глубже всего вторглись въ простирающуюся по нагорной террасѣ русскую территорію. Тутъ пришлось отрѣзать у манджуръ нѣкоторыя пашни ихъ недавняго захвата. Граница прошла вблизи проведенной генераль-губернаторомъ на подгорной террасѣ дороги и телеграфной линіи, причемъ и всѣ станціи были, конечно, выстроены на русской территоріи и предписано было избѣгать постановки телеграфныхъ столбовъ на манджуро-китайскихъ пашняхъ.

Съ другой стороны и на самомъ берегу Амура, на 66-верстномъ протяженіи описываемой территоріи, были кое-гдѣ поставлены казачьи посты и устроены переправы черезъ рѣку.

Наконецъ, для надежнаго охраненія земель, навсегда изъятыхъ изъ владѣнія манджуро-китайцевъ, участки этихъ земель были розданы желавшимъ поселиться въ заимкахъ на своихъ земляхъ приписавшимся къ Благовѣщенскимъ мѣщанамъ, молokaneмъ, выходцамъ изъ Воронежской губерніи, гдѣ они исключительно занимались земледѣліемъ. Рядъ такихъ заимокъ и новыхъ поселковъ русской Гильчинской волости послужилъ твердымъ оплотомъ противъ распространенія вглубь страны манджуро-китайцевъ Амурской области. Хотя намъ достоверно неизвѣстно, — были-ли какія переселенія манджуро-китайцевъ на лѣвый берегъ Амура со времени занятія его русскими, но едва-ли такія переселенія уже могли совершиться послѣ принятыхъ

Продавецъ газетъ на Амурѣ.

съ 1884 года мѣрь. Очевидно, что договоръ, обязывающій насъ сохранять за манджуро-китайцами, которыхъ уже застало на лѣвомъ берегу Амура занятіе русскими Амурской области, состоявшій въ ихъ пользованіи земли и угодья, отнюдь не обязываетъ насъ принимать новыхъ выходцевъ изъ Китая на русскую государственную территорию.

Кореннымъ давнимъ населеніемъ всего этого пространства считаются манджуры и дауры. Къ этимъ двумъ народностямъ присоединялись впоследствии китайцы, высланные за преступленія изъ Внутренняго Китая. Въ настоящее же время эти народности различаются между собою только по языку и нѣсколько по типу лица; впрочемъ, онѣ свободно понимаютъ другъ друга и почти все говорятъ по-китайски или со включеніемъ въ свою рѣчь множества китайскихъ словъ.

Жилища — фанзы — строятся у всѣхъ по одному и тому же шаблону, выработавшемуся тысячелѣтіями въ Китаѣ. Внутри фанзы, при самомъ входѣ, влѣво отъ двери, устраивается очагъ, въ котлѣ же въ который вмазывается большой котелъ для согрѣванія воды и варки пищи; въ котлѣ же пекутъ и хлѣбъ. Котелъ этотъ — чугунный и чаще всего съ деревянною крышкой. Одна половина фанзы, обыкновенно лѣвая, дѣлается жилою; если же въ одной и той же фанзѣ помѣщаются двѣ семьи — отца и сына, то нерѣдко и правая сторона обращается въ жилое помѣщеніе. Въ жилой части фанзы устраиваются широкія нары («канжинъ»), которыя тянутся вдоль одной или двухъ стѣнъ и зачастую примыкаютъ къ очагу, если прихожая не отдѣлена перегородкой отъ спальни. Канжинъ покрывается циновками. На немъ сидятъ, ѣдятъ, работаютъ, спятъ. Для ѣды на него ставится квадратный, гладко отполированный низенькій столикъ, вокругъ котораго вся семья и разѣщается, кто какъ вздумаетъ. Канжинъ сбивается изъ глины и снабженъ трубами, которыя или сообщаются съ очагомъ или имѣютъ самостоятельный выходъ внутрь жилого помѣщенія, откуда въ холодное время нары уже и подтапливаются. Трубы въ китайскихъ домахъ устраиваются въ высшей степени первобытно и состоятъ изъ вертикально поставленнаго просверленнаго бревна. Благодаря плохой тягѣ, каждая тонка сопровождается дымомъ, отъ котораго обыкновенно вся внутренность фанзы закопчена и имѣетъ въ высшей степени грязный и непривлекательный видъ. Въ окна вставляются мелко-рѣшетчатая рамы, состоящія изъ тонкаго деревяннаго переплета. Съ внутренней стороны рама оклеивается тонкою, пропускающей свѣтъ, китайскою бумагой. Нежилая часть фанзы служитъ складочнымъ мѣстомъ для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Въ селеніяхъ по Амуру такія фанзы, занимающія центральное положеніе между дворомъ и огородомъ, вытянуты въ одну линію; въ селеніяхъ же, расположенныхъ внутри страны, онѣ струнированы кварталами, раздѣленными довольно широкими улицами, которыя имѣютъ ту особенность, что съ одной ихъ стороны тянутся дома, обращенные къ нимъ лицевою стороной, съ другой — сады и огороды. Дворы обыкновенно очень просторны и нерѣдко раздѣлены переулками или даже рошами искусственно разсаженныхъ всюду тополей, вяза и другихъ древесныхъ породъ. Благодаря всему этому, китайская деревня кажется всегда очень разбросанною и дѣйствительно занимаетъ нерѣдко обширную площадь. Фанза располагается всегда въ глубинѣ двора, серединою своею противъ воротъ. По боковымъ сторонамъ двора располагаются обыкновенно хозяйственныя пристройки, позади огорода. Необходимою, кажется, принадлежностью послѣднихъ является небольшая божница, весьма напоминающая сказочную избушку на курьихъ ножкахъ, которыя замѣняютъ здѣсь четыре столбика; въ божницѣ красуется картина, изображающая либо мифическаго героя, либо святого, либо, наконецъ, какое-нибудь уродливое божество, а передъ нею всегда разставлены въ рядъ чашечки, въ одной изъ которыхъ непременно утверждена курительная свѣча. Между воротами и дверями фанзы у богатыхъ китайцевъ возвышаются стѣнки, украшенныя изображеніями драконовъ, вырѣзанныхъ изъ досокъ. Вѣроятное назначеніе этихъ стѣнокъ — маскировать со стороны улицы входъ въ фанзу. Разумѣется, такимъ благоустройствомъ домовъ отличаются только лица зажиточныя,

у бѣдняковъ же не только нѣтъ хозяйственныхъ пристроекъ, но часто и изгородь-то, окружающая дворъ, находится въ полу-разрушенномъ состояніи, а то и вовсе нѣтъ ея.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ (Будинда, напримѣръ), выстроены общественные загоны. Они располагаются посреди деревни и огорожены пряслами. Сюда загоняется скотъ на ночь.

Почти въ каждомъ поселкѣ есть лавка; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ихъ даже нѣсколько. Въ нихъ продаются: «даба» бѣлая и синяя, шелковый тюль и другія шелковыя китайскія ткани, шелковыя нитки разныхъ цвѣтовъ для вышиванія, тушь, кисточки для письма, палочки для ѣды, свѣчи, бумага, орѣхи, пряники, сахаръ китайскій и русскій, чай, табакъ, зеркала китайскаго издѣлія съ картиной по серединѣ, трубки, китайскіе ликеры, русскія наливки, опій, веревки, спички, одеколонъ, низкіе сорта помады, рисъ, мука, китайскія издѣлія изъ фарфора, наконецъ, китайскія ракеты, хлопушки и множество мелочей, необходимыхъ въ домашнемъ обиходѣ. «Дабою»-же называется китайская бумажная ткань, похожая на бухарскую бязь (мату). Этотъ бумажный холстъ очень грубъ, но дешевъ и относительно проченъ, а потому охотно носится и покупается инородцами. Китайцы окрашиваютъ его въ свой излюбленный индиго-вый цвѣтъ. Преимущественно онъ идетъ на штаны, но бѣдная часть населенія шьетъ себѣ изъ него и верхнія блузы.

Торговцы—всѣ китайцы и къ тому же уроженцы Внутренняго Китая. Ходячая монета—чохи, которыхъ даютъ 700 на нашъ серебряный рубль; кромѣ нея, ходятъ и наши кредитные билеты и мелкая серебряная и мѣдная монета.

Описаніе китайскаго селенія было бы не полно, если-бы мы не упомянули о кумирняхъ которыя находятся рѣшительно при каждомъ селеніи, и о древесныхъ насажденіяхъ, которыя придаютъ столь своеобразный оттѣнокъ каждому изъ нихъ. Около каждаго селенія, около каждой одиночной фанзы непременно находится большая роща или хоть группа деревьевъ. Имѣть при селеніи рощу составляетъ здѣсь прочно укоренившійся обычай: въ нихъ хоронятъ умершихъ, въ нихъ же часто встрѣчаются и божницы. Что же касается до кумирень, то обыкновенно онѣ не велики, стоятъ въ сторонѣ отъ дороги и далеко не всегда обнесены оградой.

О костюмѣ китайца распространяться не будемъ: если не въ натурѣ, то по картинкамъ, безъ сомнѣнія, каждый изъ читателей съ нимъ уже въ достаточной мѣрѣ знакомъ.

Главное занятіе описываемаго населенія—земледѣліе. Манджуръ, дауръ или китаецъ въ теченіе лѣта находится въ полѣ чуть не каждый день и при этомъ—съ ранняго утра до сумерокъ. У всѣхъ манджуро-китайцевъ описываемой мѣстности принятъ слѣдующій семи-польный сѣвооборотъ: на пашню, унавоженную или удобренную посѣвомъ бобовъ, сѣется буда, на другой годъ—пшеница, на третій овесъ, на четвертый—гречиха, на пятый опять овесъ, на шестой бобы и затѣмъ снова буда. Такая система была принята китайцами не вслѣдствіе недостатка свободныхъ земель, а вслѣдствіе особеннаго затрудненія, встрѣчаемаго ими при поднятіи цѣлины первобытными земледѣльческими орудіями. Употребленіе плуга до прибытія русскихъ земледѣльцевъ китайцамъ было неизвѣстно. Поле подъ посѣвы пахалось сохою, которою новина распахивается настолько неудовлетворительно, что китайцы то и дѣло прибѣгаютъ къ помощи русскихъ крестьянъ. Нынѣ многіе состоятельные китайцы уже завели у себя плуги и усиленно распахиваютъ нивы. Передъ посѣвомъ сѣмянъ пашня разрабатывается совершенно своеобразно и въ окончательномъ видѣ представляетъ изъ себя рядъ мелкихъ грядокъ. Сѣмена сѣются только по этимъ грядкамъ, въ углубленіяхъ же между ними почва остается не засѣяною. Эти промежутки—не глубокія канавки—прочищаются не разъ въ теченіе лѣта сапомъ. Передъ посѣвомъ верхи грядокъ уравниваются легкимъ деревяннымъ валомъ. Это—та-же «рядовая» культура, которая распространена въ Приморской области и Манджуріи и обуславливается лѣтнею сыростью климата, вызывающею необходимость притока свѣжаго воздуха между грядами, засѣянными хлѣбомъ, такъ какъ безъ этого притока хлѣбъ загниваетъ.

На грядкахъ хлѣбъ сильно кустится и достигаетъ, по отношенію къ количеству посѣянаго зерна, замѣчательной урожайности. Въ послѣднее время стали также разводить и плантаціи мака, которыя приносятъ баснословный доходъ. Хлѣбъ жнутъ исключительно мужчины. Молотятъ его на дворахъ при помощи каменнаго вала, въ который впрягается лошадь. Зерно мелютъ ручными мельницами.

Манджуро-дауро-китайцы, живущіе въ нашихъ предѣлахъ, засѣваютъ, по свидѣтельству бывшаго амурскаго губернатора Баранова, всего 30 т. дес. Если вѣрить этой цифрѣ, то оказывается, что у манджуро-китайскаго населенія на каждаго взрослого работника засѣваютъ 9 дес., между тѣмъ, какъ русскіе крестьяне засѣваютъ на взрослого работника 5 дес., казаки— $2\frac{1}{2}$, а корейцы менѣе 2. Это дѣлаетъ цифру 30 тыс. дес. мало вѣроятною, но во всякомъ случаѣ манджуро-китайское населеніе Амурской области имѣетъ громадный избытокъ овса и пшеницы, который, въ случаѣ спроса, сбываютъ съ большою выгодною русскому населенію, въ количествѣ, какъ полагаютъ, 300 тыс. пудовъ.

Огородничество у манджуро-китайцевъ Амурской области развито въ значительныхъ размѣрахъ; производятъ преимущественно коноплю, табакъ, кукурузу, канжутное сѣмя, картофель, разныя огородныя овощи, а также арбузы и дыни, впрочемъ, плохого качества.

Женщины въ полѣ не работаютъ и ихъ занятія ограничиваются только работою по дому и на огородѣ, даже носка дровъ и воды, нужныхъ для дневнаго хозяйства, лежитъ на обязанности мужчинъ.

На огородахъ сѣютъ лукъ, огурцы, картофель, бобы, табакъ, китайскую капусту, стручковый перецъ, чеснокъ, коноплю и кукурузу. Лукъ разводятъ только зеленый, перистый. Его сокращаютъ и на зиму, соля въ кадкахъ. Этимъ занимаются женщины. На ихъ же обязанности лежитъ: уходъ за дѣтьми, приготовленіе пищи, поддержаніе чистоты въ фанзѣ, шитье и почишка одежды и уходъ за домашними животными—крупнымъ рогатымъ скотомъ, лошадьми и свиньями, а также птицей—утками, гусями и курами, которыхъ китайцы держатъ въ большомъ количествѣ. Овецъ рѣдко кто держитъ въ Амурской области. Онѣ подвержены здѣсь эпидеміямъ.

Маленькихъ дѣтей укачиваютъ въ люлькѣ, при чемъ люльку сильно раскачиваютъ. Положеніе ребенка въ люлькѣ почти сидячее. Кормленіе грудью продолжается до 3 и 4 лѣтъ. Впрочемъ, къ этому времени ребенокъ ѣстъ уже почти все то, что ѣдятъ и взрослые. А послѣдніе не ѣдятъ только молочнаго. За то все то, отъ чего съ отвращеніемъ отворачивается европеецъ, китайцами употребляется въ пищу. Впрочемъ, въ сельскомъ населеніи вкусы не настолько извращены, чтобы ѣсть безъ нужды крысъ, собакъ, ужей и тому подобныхъ представителей животнаго царства. Ихъ меню поэтому не столь разнообразно, какъ у жителя южныхъ городовъ Китая, за-то болѣе нормально съ обще-человѣческой точки зрѣнія: вареная капуста въ видѣ пустыхъ шей, капуста съ лукомъ, чеснокъ, стручковый перецъ,—какъ приправа, но подаваемый отдѣльно, хлѣбъ изъ буды съ бобами, въ видѣ четырехъ-угольныхъ лепешекъ, пшеничный хлѣбъ, преимущественно вареный на парѣ (мянъ-тау), вареная кукуруза, стручковый горохъ, картофель, клецки изъ гречневой муки, яйца и проч. Яйца варятъ не въ скорлупѣ, какъ у насъ, но, разбивъ, прямо выпускаютъ въ кипятокъ, причемъ содержимое яйца тотчасъ же сваривается, не распускаясь въ водѣ. Ыдятъ также съ большимъ удовольствіемъ и грибы, притомъ даже такіе, которые считаются нами негодными къ пище—«поганками».

Пища готовится неопрятно. Фанза также содержится грязно. Вообще чувство чистоплотности развито въ населеніи слабо. Ни мужчины, ни женщины регулярно не моются: что же касается до нижней одежды, то она, въ особенности зимой, снимается только тогда, когда истѣветъ на тѣлѣ. Нѣкоторые находятъ даже, что манджуро-китайцы производятъ впечатлѣніе расы менѣе культурной, чѣмъ ихъ сосѣди—корейцы.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя данныя, имѣющія значеніе при оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній этихъ трехъ элементовъ инородческаго населенія края.

Далеко не рѣшенъ еще вопросъ о томъ, кто такіе дауры. Одни считаютъ ихъ происхожденіе смѣшаннымъ и, на основаніи китайскихъ данныхъ, утверждаютъ, что народъ этотъ образовался изъ смѣшенія монгольскаго элемента съ китайскимъ въ тѣхъ пограничныхъ селеніяхъ, которыя у монгольскихъ императоровъ было въ обычаѣ заводить на окраинахъ своего государства. Другіе противопоставляютъ этой гипотезѣ рядъ фактовъ, приводящихъ къ тому заключенію, что дауры—народъ тунгусскаго племени, который, благодаря историческимъ событіямъ, подпалъ сначала вліянію монголовъ, а затѣмъ—и китайцевъ. Вотъ почему въ ихъ языкѣ замѣчается такая значительная примѣсь словъ монгольскихъ съ одной стороны и китайскихъ съ другой.

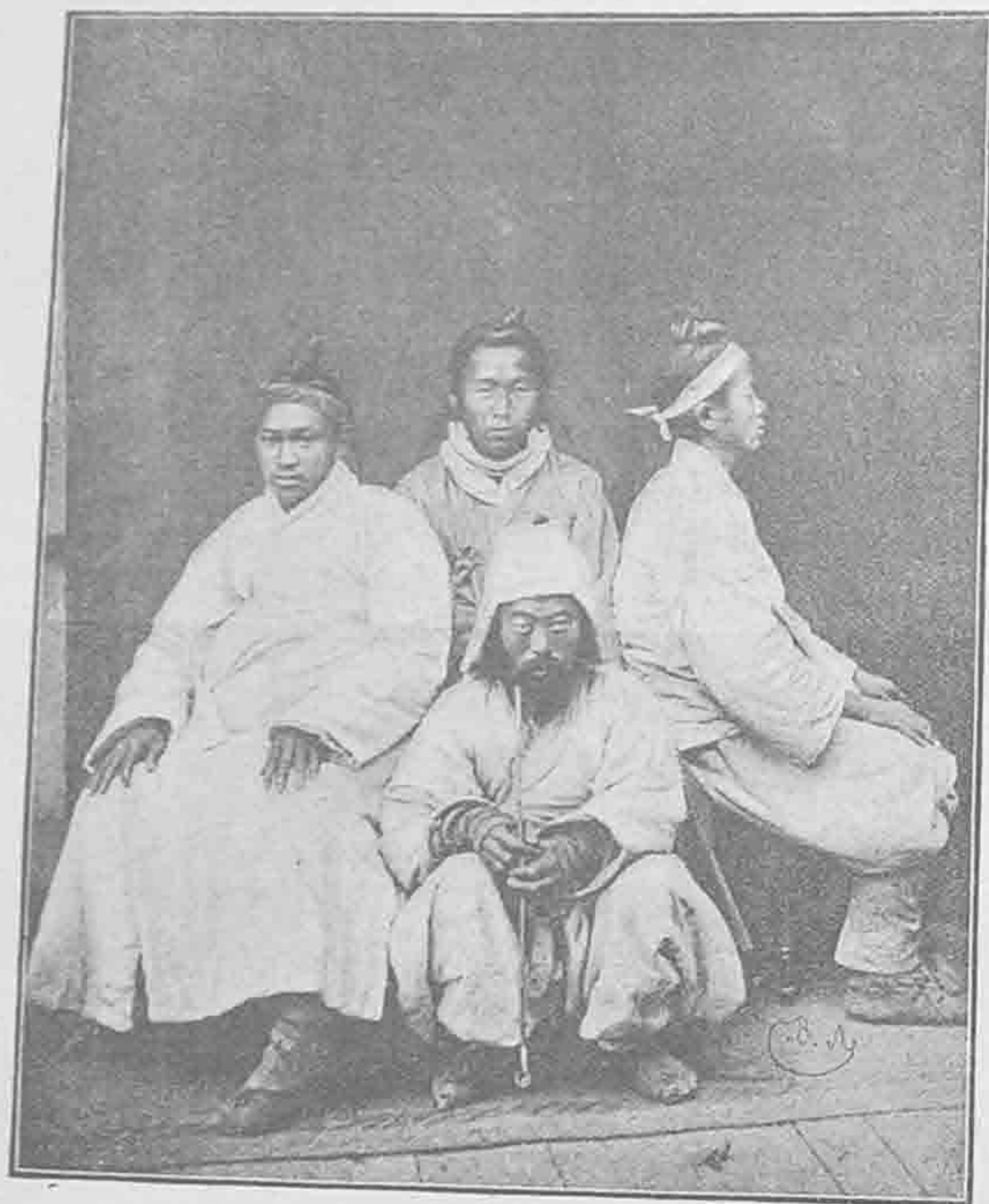
Въ 1870 г. здѣсь считалось манджуровъ	3,286	
китайцевъ	5,400	
дауровъ	1,960	д. обл. и ; 14 же лѣтъ
спустя, т.-е. въ 1884 г., составъ этого населенія представлялъ такія цифры:		
манджуровъ	4,400	
китайцевъ	7,900	
дауровъ	1,700	

Корейцы переселены были въ Амурскую область въ 1871 г. съ береговъ залива Посьета, на границѣ Кореи, и поселены въ селѣ Благословенномъ. Село это находится при впаденіи р. Самары въ Амуръ, на открытой равнинѣ, въ 328 вер. выше Хабаровска и подчинено Екатеринбургскому окружному станичному управленію. Дворовъ хозяйственныхъ въ немъ 158, строеній 368, православная церковь, школа съ 39 учащимися, сельское правленіе, хлѣбный магазинъ и 35 конныхъ мельницъ. Принявъ православіе, корейцы сохранили, однако, языкъ, обычаи, способы культуры и всѣ особенности домашняго быта своей родины. Село это въ общемъ представляетъ отрадное впечатлѣніе, въ особенности тѣмъ отпечаткомъ старательности и любви къ труду и порядку, который виденъ и въ устройствѣ ихъ жилищъ и въ расположеніи и обработкѣ полей.

Уже по своему внѣшнему виду это селеніе сильно отличается отъ русскихъ деревень. Оно состоитъ изъ отдѣльныхъ фанзъ, раздѣленныхъ участками полей. Между этими полями, большею частью огороженными, проходятъ улицы и проулки. Всѣ фанзы имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое устройство. Онѣ построены изъ сплетенныхъ вѣтвей и обмазаны снаружи и внутри толстымъ слоемъ глины. Пологая крыша изъ соломы или прутьевъ, также обмазанная глиной, служитъ одновременно и потолкомъ. Внутри каждая фанза дѣлится на три части: средняя, самая большая, служитъ кухней и одновременно — помещеніемъ для семьи; большая половина этой части занята низкими нарами, которыя согреваются особыми дымоходами, проведенными изъ очага. Сверху эти нары покрыты циновками; здѣсь сидятъ женщины съ шитьемъ, играютъ дѣти и т. под. У одного края наръ подъ топкою—два котла для варки пищи, на другомъ концѣ, у противоположной стѣны—очагъ для чайника. Нары проходятъ и во второе отдѣленіе, гдѣ онѣ занимаютъ весь полъ; это—парадная комната. Нары постоянно бываютъ теплыя, такъ какъ даже лѣтомъ раза по два въ день разводится огонь въ очагѣ для варки пищи или чая. Третье отдѣленіе дѣлится вновь на двѣ половины. Въ одной находится особая ступа для толченія крупы, лотки для вѣянія и т. под.; другая назначена собственно для скота, который въ Корей забирается на ночь для безопасности отъ тигровъ; въ Амурской области въ этомъ, пожалуй, и нѣтъ особенной необходимости, но особое отдѣленіе для скота при фанзѣ дѣлается тѣмъ не менѣе постоянно. Въ него складываются также разныя хозяйственныя принадлежности, внизу же подъ нимъ устраивается подвалъ для храненія овощей. Первое и второе отдѣленіе фанзы сообщаются съ наружною средой нѣсколькими крупными окнами, запирающимися одностворчатою рѣшетчатою рамой, заклеенною бумагой. Эти окна служатъ одновременно и дверями. Впрочемъ, здѣсь наблюдается большое разно-

образіе: можно встрѣтить и маленькія окна со стекольными рамами и такія широкія двери, что одновременно онѣ играютъ роль и отсутствовавшихъ въ этихъ случаяхъ рѣшетчатыхъ оконъ. Каждая фанза окружена не большимъ дворикомъ съ не большими пристройками, обыкновенно миниатюрными, но содержащимися въ большомъ порядкѣ и чистотѣ.

Вокругъ каждой фанзы располагаются поля ея владѣльца, на которыхъ сѣются хлѣбные злаки и сажаются разныя овощи. Культура всѣхъ полей чрезвычайно тщательная, можно сказать огородная. Корейцы пахутъ сохами, напоминающими китайскія. Посѣвъ производится въ грядки или разбрасываніемъ или посредствомъ особой сѣялки довольно первобытнаго устройства, назначенной почти для буды. Всѣ поля старательно пропальваются нѣсколько разъ въ лѣто, такъ что на нихъ почти совершенно отсутствуютъ какія то бы ни было сорныя травы. При этомъ близость полей доставляетъ земледѣльцу неоспоримое преимущество, такъ какъ онъ

Корейцы.

со своею семьей можетъ каждую свободную минуту посвятить наблюдению и уходу за растеніями. Впрочемъ, у нихъ нѣкоторыя поля расположены вдали отъ деревни. Изъ культурныхъ растеній корейцы воздѣлываютъ болѣе всего буды; затѣмъ слѣдуютъ пшеница, ячмень, овесъ, кукуруза, картофель, горохъ, фасоль, китайская капуста, лукъ, чеснокъ, рѣдись, огурцы, тыква, баклажаны и мн. др.; коноплю, скай (кунджуть — *Sesamum indicum*) и сорго, хотя и сѣютъ, но мало. Первое мѣсто изъ перечисленныхъ растеній занимаетъ буда, которая культивируется въ нѣсколькихъ сортахъ и играетъ такую же роль, какъ у русскихъ ярица и пшеница. Въ видѣ особой каши она служитъ ежедневною пищею корейцамъ. Буды сѣется на десятину 18—20 фунтовъ, а собирается 150—200 пуд., такъ что урожай одной десятины обезпечиваетъ семью на годъ или полтора. Въ большомъ количествѣ воздѣлываются также разнообразныя овощи, потому что корейцы преимущественно кормятся растительною пи-

щей. Мясо они ѣдятъ рѣдко, молока же, какъ и китайцы, совсѣмъ не употребляютъ въ пищу и не доятъ коровъ; но, говорятъ, у русскихъ они охотно пьютъ молоко.

Жителей въ Благословенномъ было въ 1893 г. 1090 об. п. (583 м. п.). На 1000 мужчинъ приходилось 866 женщинъ; одно изъ невыгодныхъ отношеній по сравненію съ встрѣчающимся въ разныхъ волостяхъ и казачьихъ округахъ Амурской области, гдѣ въ среднемъ приходится на 1000 мужчинъ 915 женщинъ. Замѣчательно, что по переписи, произведенной въ 1879 г. надв. сов. Висленевымъ, корейцевъ было въ Благословенномъ 624 д. об. п. (349 м. п.), а такъ какъ никакихъ приселеній съ тѣхъ поръ въ Благословенное не было, то корейское населеніе дало приростъ въ 14 лѣтъ на 74%—приростъ неимоверный—5% въ годъ, не смотря на то, что пропорція женщинъ въ 1879 г. была еще невыгоднѣе, а именно на 1000 мужчинъ приходилось только 786 женщинъ, такъ что съ тѣхъ поръ пропорція женщинъ уже значительно улучшилась. Переписи Висленева трудно не вѣрить, такъ какъ она поименная.

Въ 1893 г. въ рабочемъ возрастѣ корейцевъ въ Благословенномъ было 251 м. п. и 223 ж. п., такъ что пропорція рабочаго возраста ко всему населенію 43%, значителъно ниже, чѣмъ у русскихъ Амурской области (47%), что и объясняется необыкновенною силой прироста корейскаго населенія со времени его переселенія въ Амурскую область, способствованною повышенію пропорціи дѣтей къ взрослымъ. Брачныхъ паръ въ Благословенномъ 226, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 196, такъ что на тягло приходится 3 д. м. п., немного болѣе, чѣмъ у русскаго населенія (2,9), а на хозяйственный дворъ душъ об. п. около 7, то-есть, составъ хозяйственнаго двора немного слабѣе, чѣмъ у русскаго населенія области.

Земель въ пользованіи селенія около 1,300 дес., въ томъ числѣ усадебной съ огородами и выгонами 520 дес., покосовъ болѣе 300 дес. и пашни 472½ дес. Такимъ образомъ на душу мужского пола у корейцевъ приходится всего только менѣе 2¼ дес. Посѣвовъ же приходится на работника 1,9 дес., на тягло 2,4, на дворъ 3 дес., между тѣмъ какъ у русскихъ казаковъ приходится посѣва на работника 2,5, у крестьянъ—5 дес. Приведенныя цифры указываютъ, между прочимъ, на то, что корейцы привыкли довольствоваться малыми надѣлами. Посмотримъ, что они производятъ на этихъ надѣлахъ. Ржи и пшеницы корейцы совсѣмъ не сѣютъ. Пищевой ихъ хлѣбъ—разные виды проса. Подъ посѣвомъ мелкой буды (безъ сомнѣнія—*Setaria italica*) у нихъ 124 дес. Въ 1893 г. буда эта дала 8870 пуд. и такъ, они высѣваютъ ея на одну десятину по ½ пуда, то урожай былъ самъ 140. Средній же урожай 7560 пуд., то-есть, самъ 120. Крупной буды было въ посѣвѣ 77½ дес. Она дала въ 1893 г. 9,260 пуд., то-есть, почти самъ 240, при среднемъ урожаѣ дала бы нѣсколько болѣе 7,000 пуд., то-есть, самъ 170. Наконецъ, ярь-буды (это метельчатое, т. е. обыкновенное просо) въ посѣвѣ немного болѣе 6 дес., давшихъ въ 1893 г. 430 пуд., а обыкновенно дающихъ 400 пуд. Такъ какъ ярь-буды высѣвается на десятину ¾ пуд., то она дала самъ—92, а обыкновенно даетъ самъ 88. Одна буда, (такъ какъ обыкновенный ея урожай 14,600 пуд. составляетъ 13,4 пуд. на душу об. п.) уже обезпечиваетъ продовольствіе корейцевъ. Затѣмъ у нихъ было въ посѣвѣ: 6 дес. гречи, давшей въ 1893 г. 216 пуд., (самъ-6, а дающей обыкновенно 150 пуд., (самъ-4); 15 дес. кукурузы, давшей въ 1893 г. 990 пуд., (самъ 44), а обыкновенно дающей 1,245 пуд., (самъ 54); ячменя 27 дес., давшихъ въ 1893 г. 970 пуд., (самъ 9), а обыкновенно дающихъ 1,100 пудовъ, (самъ 10); бобовъ къ посѣвѣ 32½ дес., давшихъ въ 1893 г. 1,120 (самъ 23), а обыкновенно дающихъ до 1,500 пуд. (самъ 30). Всѣ эти хлѣба идутъ по преимуществу на собственное потребленіе корейцевъ, между тѣмъ какъ предметомъ сбыта имъ служить по преимуществу овесъ. Его въ посѣвѣ 184 дес., давшихъ въ 1893 г. 14,350 пуд., а обыкновенно дающихъ 14,540 пуд., (самъ 14), такъ что у корейцевъ Благословеннаго остается нынѣ ежегодно на продажу отъ 10 до 12/т. пуд. овса.

Изъ всѣхъ предметовъ посѣва только овесъ и играетъ роль предмета отпуска въ Хабаровскъ, впрочемъ, корейцы наживаютъ деньги и на оборотахъ съ казачьимъ овсомъ, который скупаютъ заблаговременно.

Скота корейцы держатъ: лошадей 343, (266 рабочихъ), такъ что на работника приходится рабочихъ лошадей немного болѣе одной, а на дворъ всѣхъ лошадей немного болѣе 2-хъ. Это втрое менѣе, чѣмъ у русскаго населенія. Недостатокъ лошадей пополняется, впрочемъ, отчасти рабочими быками. Крупнаго рогатаго скота у корейцевъ 292, (въ томъ числѣ 67 коровъ и 133 быка). Свиноводство очень развито. Въ селеніи содержится 514 свиней.

Указанныя черты сельскаго хозяйства не составляютъ какихъ-либо частныхъ отличій отъ хозяйства казаковъ, но имѣютъ основу, глубоко гнѣздящуюся въ характерѣ корейцевъ и придающую своеобразный колоритъ всему строю ихъ жизни.

Въ то время, какъ во всѣхъ чертахъ хозяйства и быта казаковъ, выражается прежде всего стремленіе къ широтѣ и простору и пренебреженіе всѣмъ мелкимъ, вообще же стремленіе къ экстенсивности, у корейцевъ мы видимъ совершенно иную тенденцію, именно,—стрем-

дѣльческаго хозяйства, выработанные издавна культурнымъ народомъ, хотя бы и дальняго Востока, въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ болѣе близкихъ къ условіямъ Амурской области, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли амурскіе переселенцы въ своей далекой родинѣ, не останутся безъ вліянія сначала на ближайшихъ сосѣдей села Благословеннаго, а затѣмъ и на всѣхъ русскихъ поселенцевъ Амурской области.

Теперь—обратимся къ собственно русскому населенію Амурской области.

Первая попытка земледѣльской колонизаціи на Амуръ была сдѣлана только въ 1855 г., послѣ того, какъ первымъ сплавомъ внизъ по Амуру въ 1854 г. были перевезены забайкальскіе казаки и 15 линейный батальонъ для занятія и защиты устья Амура и залива де-Кастри. Вторымъ сплавомъ въ 1855 г. были перевезены первыя крестьянскія семейства изъ губерніи Иркутской и области Забайкальской. Переселенцы эти, первыя русскія крестьяне на Амурѣ въ XIX вѣкѣ, отправились туда добровольно и поселены между городами Маринскомъ и Николаевскомъ въ селеніяхъ: Иркутскомъ, Богородскомъ и Михайловскомъ. Позднѣе выселенцами изъ Михайловска были основаны селенія Ново-Михайловское и Сергіевское, а выселенцами Иркутскаго—селеніе Воскресенское; всѣ эти поселенія возникли, слѣдовательно, въ нынѣшней Приморской области. Этимъ первымъ переселенцамъ дарованы были большія льготы: земля была отдана имъ въ полное и вѣчное владѣніе и всѣ они со своими семьями были освобождены

Казацкое поселеніе на Амурѣ.

отъ повинностей: рекрутской, земской и подушной; сверхъ того имъ было выдано пособіе отъ казны. Одновременно съ ними, близъ Маринскаго поста, въ станицѣ Сучи, поселена была и сотня казаковъ.

Въ 1856 г. выставлены были посты при устьяхъ Кутомангды, Кумары, Зеи, Сунгари и одинъ въ щехахъ Хангана (Бурейскихъ горъ).

27 Октября 1856 г. Высочайше утверждень журналъ Особаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Николаевича о заселеніи лѣваго берега Амура. Въ томъ же году открытъ былъ между городами Маринскомъ и Николаевскомъ почтовый трактъ и получены изъ Америки два желѣзные парохода Амуръ и Лена.

Въ 1857 году сплавлены внизъ по Амуру въ Николаевскъ и Маринскъ 62 женщины изъ ссыльно-каторжныхъ—единственное примѣненіе той системы заселенія Амура ссыльными, которыми хотѣли сначала замѣнить медленный приливъ добровольныхъ переселенцевъ. Весной этого же года были двинуты внизъ по Амуру, въ качествѣ переселенцевъ, первыя три сотни вновь сформированнаго изъ Забайкальскаго казачьяго войска Амурскаго коннаго казачьяго полка, которыя, подъ личнымъ наблюденіемъ Н. Н. Муравьева, и заняли лѣвый берегъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хангана (Бурейскихъ горъ). Въ то же время стали лагеремъ при устьѣ р. Зеи 14 линейный батальонъ и дивизионъ конно-горной батареи, чѣмъ и было

положено основаніе Усть-Зейскому посту, впоследствии—городу Благовѣщенску. Въ томъ же, 1857 г., въ первый разъ производился сплавъ съѣстныхъ припасовъ внизъ по Амуру подрядами иркутскихъ купцовъ. Подобные же сплавы были и въ 1858 и 1859 гг. Но это снабженіе казною переселенцевъ на Амуръ провіантомъ и мукою далеко не составляло единственнаго затрудненія для успѣшнаго хода заселенія вновь прибрѣтенныхъ земель. Полное безлюдье, лишавшее возможности вести дѣло колонизаціи при пособіи мѣстныхъ средствъ, представляло огромныя затрудненія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Приходилось везти изъ Забайкалья, Иркутска или даже Россіи не только сухари и муку, но и все остальное, какъ то: домашній скотъ, земледѣльческія орудія, одежду, строительные матеріалы, посуду и множество другихъ мелочей, безъ которыхъ не мыслимо существованіе даже такихъ неприхотливыхъ людей, какъ русскій казакъ или крестьянинъ; и все это доставлять населенію съ тѣмъ большею успѣшностью, что сообщеніе по Амуру могло производиться только въ теченіе теплаго времени года. Къ тому же въ первые годы громадное движеніе по этой рѣкѣ поддерживалось при помощи рабочей силы не свыше двухъ батальоновъ солдатъ, которые тѣмъ труднѣе справлялись съ возложенною на нихъ задачей, что имъ приходилось работать на совершенно незнакомой рѣкѣ. Благодаря этому, всѣ эти неуклюжія баржи, плоты и пароходы то и дѣло натыкались на отмели или попадали въ не судоходные рукава. Бури разбивали и затопляли суда. И такъ какъ въ распоряженіи русскихъ властей никогда не могло быть болѣе полу-года времени, то объ исправленіи ошибокъ и упущеній, сдѣланныхъ либо ими, либо самими переселенцами въ томъ же году, не могло быть и рѣчи, а приходилось ждать навигаціи слѣдующаго года.

Непривычный климатъ, наконецъ, дѣлалъ то, что даже водворившіеся колонисты терпѣли отъ неурожаевъ и падежей скота, который было тѣмъ труднѣе достать, что и Забайкальская область, служившая базисомъ для колонизаціи Амура, не отличалась избыткомъ послѣдняго. То же слѣдуетъ сказать и о хлѣбѣ, который при увеличеніи на него спроса, поднялся тамъ до не бывалой цѣны. Но энергія Муравьева и его ближайшихъ сотрудниковъ сумѣла преодолѣть всѣ эти препятствія, хотя, конечно, не безъ нѣкоторыхъ неудачъ и даже не безъ нѣкоторыхъ общихъ, неблагопріятныхъ для колонизаціи, результатовъ.

Уже въ 1865 г. Носковъ писалъ: «благодаря Бога, бѣда миновала, люди обжились и вездѣ почти устроились; землянки остались только въ воспоминаніяхъ, а разорительные слѣды неумѣлыхъ распоряженій сглаживаются мало-по-малу, благодаря пособіямъ и отеческимъ попеченіямъ о поселенцахъ такихъ лицъ, какъ А. К. Бабстъ, князь Дадешкаліани, графъ Стенбокъ и нѣк. др., которые дѣлаютъ все, что въ ихъ средствахъ дѣлать можно». «Амурскій край въ коммерческомъ, промышленномъ и хозяйственномъ отношеніи», стр. 14).

Въ 1857—58 г., въ нынѣшней Амурской области, вдоль Амура возникло выше Благовѣщенска 14 селеній: Покровское, Амазаръ, Игнашинская ст., Свербѣевское, Орловское (Игнашинскій окр.), Рейновское, Албазинская ст., Бейтоновское, Пермикинское (Албазинскій округъ), Толбузинское, Ольгинское, Кузнецовское (Черняевскій окр.), Кумарская ст., Екатерининская ст. и 14 селеній ниже Благовѣщенска: Купріяновское Никольское, Сгибнево, Иннокентьевская ст., Михайловское, Касаткино, Сагибово, Пашково (Иннокентьевскій окр.), Радевская ст. Радевскій окр.), Екатерино-Никольская ст., Пузино (Екат.-Ник. окр.), Михайло-Семеновская ст., Воскресенское и Петровское (Мих.-Семеновскій окр.).

Въ послѣдующіе годы колонизація продолжалась, да не прекратилась она и въ настоящее время. Особенно же усилилась послѣ того, какъ крестьяне Европейской Россіи получили официальное предложеніе переселяться на свободныя земли Амура.

Предложеніе это вызвано было Н. Н. Муравьевымъ, который 20 сентября 1858 г. писалъ Его Императорскому Высочеству Великому князю Константину Николаевичу: «Одно уже развитіе нашихъ военныхъ морскихъ силъ на устьяхъ Амура, помимо всѣхъ другихъ соображеній требуетъ настоятельно быстраго заселенія приамурскаго края. Современная доставка продоволь-

ствія для сухопутныхъ и морскихъ командъ, снабженіе флота всеми необходимыми сырыми матеріалами будутъ вполне обеспечены только тогда, когда разовьется мѣстная производительность края, чего безъ усиленія народонаселенія достигнуть невозможно».

Н. Н. Муравьевъ полагалъ, что переселенія въ обширныхъ размѣрахъ можно было бы достигнуть, дозволить его «лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, по желанію, на собственномъ иждивеніи и безъ правительственныхъ расходовъ». При этомъ, однако, предполагалось освободить переселенцевъ отъ всякихъ формальностей, затрудняющихъ переходъ, напримѣръ, рекрутской очереди, отъ которой, ради Амура, можно было бы освободить всѣхъ женатыхъ и семейныхъ. Эта мѣра, по мнѣнію гр. Муравьева, представляла бы надежное ручательство къ скорѣйшему заселенію края уже потому только, что уничтожала многія препятствія къ переходу на р. Амуръ. Онъ полагалъ также полезнымъ упростить и все дѣлопроизводство, практиковавшееся во всѣхъ такихъ случаяхъ, «ибо, — писалъ онъ далѣе, — прохожденіе всѣхъ этихъ инстанцій влечетъ за собою — потерю времени и темные расходы, которые въ простомъ народѣ въ значительной степени отбиваютъ охоту къ переселенію». Единственный расходъ, къ которому по этому проекту вызывалась казна, долженъ былъ заключаться въ субсидіяхъ на пріобрѣтеніе поселенцами въ должномъ количествѣ скота и земледѣльческихъ орудій; да и то, какъ на источникъ для такихъ временныхъ позаймствованій, указывался, такъ называемый, «хозяйственный капиталъ Восточной Сибири», въ то время равнявшійся 300 т. при 17 т. ежегоднаго приращенія. Тотъ же капиталъ, по соображеніямъ Муравьева, могъ служить и для образованія временныхъ запасныхъ магазиновъ на Амурѣ, безъ которыхъ своевременное снабженіе поселенцевъ, какъ сѣменами для посѣва, такъ по ихъ прибытіи — провіантомъ, было бы затруднительно.

Проектъ этотъ не остался, однако, безъ возраженій. Министерство Государственныхъ имуществъ находило, что «во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны послѣдовательность и система; безъ этого не можетъ быть порядка, и самая цѣль заселенія — развитіе промышленности — не будетъ достигнута». Для достиженія же этой цѣли Министерство со своей стороны полагало всего болѣе цѣлесообразнымъ примѣнить къ Амуру тотъ же способъ переселенія, какой уже практиковался по отношенію къ заселенію Камчатки, а именно — пригласить къ этому заселенію старожиловъ Западной и Восточной Сибири и затѣмъ усилить переселеніе изъ внутреннихъ губерній въ сибирскія. Всѣ же чрезвычайныя мѣры способствовали бы только развитію бродяжничества и создали бы не мало затрудненій правительству, отъ котораго требовалось предварительное обезпеченіе переселенцевъ въ столь дальнемъ пути. Не соглашалось Министерство Государственныхъ Имуществъ и съ тою частью проекта Н. Н. Муравьева, въ которой обсуждался вопросъ о сложеніи рекрутской повинности съ переселенцевъ на Амуръ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ эта повинность должна была бы обременительно лечь на семейства, оставшіяся на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ къ переселенію на Амуръ имѣлось Министерствомъ въ виду назначить только тѣ семейства крестьянъ, въ которыхъ приходилось менѣе 5 десятинъ на душу. При этомъ Министерство желало бы, чтобы въ одинъ годъ шло на Амуръ не болѣе 500 семействъ или 3,500 душъ обою пола, «ибо по приблизительному расчету содержаніе каждаго семейства не могло обойтись правительству ниже 150 р. — суммы значительной и обременительной для государства».

Со своей стороны Сибирскій Комитетъ, рассмотрѣвъ и обсудивъ подробно все, вообще, обстоятельства, поднятаго Н. Н. Муравьевымъ вопроса, нашель, что «вопросъ о заселеніи Амурскаго края есть вопросъ первостепенной важности; что усиленіе тамъ населенія существенно необходимо для развитія огромныхъ матеріальныхъ силъ края, безъ чего вновь присоединенный богатый край не могъ бы принести той пользы, которую отъ него вправѣ и ожидать и требовать Россія». Соглашаясь съ тѣмъ, что русскій элементъ въ краѣ долженъ быть въ значительной мѣрѣ усиленъ, Комитетъ признавалъ, однако, полезнымъ и разрѣшеніе

«селиться тамъ иностранцамъ, преимущественно нѣмцамъ, извѣстнымъ своимъ трудолюбіемъ». Для привлеченія же на Амуръ такихъ переселенцевъ предлагалъ твердое обезпеченіе поземельной ихъ собственности: «было бы справедливо, — сказано въ отношеніи къ министру государственнѣхъ имуществъ, — постановить условіемъ, что всякій переселенецъ, отправляющійся въ приамурскій край на собственный счетъ, имѣлъ бы право пріобрѣтать тамъ участки земли въ собственность».

По соглашенію съ министромъ финансовъ Комитетъ рѣшился отпускать ежегодно изъ суммъ Государственнаго Казначейства по 100 т. рублей на дѣло колонизаціи Амура и для той же цѣли, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ, по 50 т. рублей изъ хозяйственнаго капитала Восточной Сибири. На это рѣшеніе Комитета 8 декабря 1858 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Министерство Государственныхъ Имуществъ предположило переселить на Амуръ въ 1859 г. 300 семействъ изъ Вятской губ., 200 изъ Пермской и по 50 изъ Тамбовской и Воронежской, всего же 600 семействъ. Сверхъ того 400 семействъ изъ Пермской и Вятской губерній, предназначенныя Министерствомъ къ переселенію въ Енисейскую губ., направлены были по Высочайшему повелѣнію отъ 25 декабря 1858 г. въ Амурскій край. Переселеніе это обусловило слѣдующими правилами: 1) желающіе переселиться избавляются отъ увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ, если на нихъ не числится мірскихъ или иныхъ недоимокъ; 2) переселеніе можетъ быть разрѣшено крестьянамъ и тѣхъ селеній, при коихъ состоитъ земли болѣе 5 десят. на душу, если переселеніе изъ этихъ селеній, по другимъ уваженіямъ, будетъ признано полезнымъ; 3) прошенія могутъ быть подаваемы на простой бумагѣ; 4) независимо отъ установленныхъ пособій на путевые расходы и на устройство домообзаведенія, переселенцамъ предоставляется льгота отъ податей и повинностей на 16 лѣтъ и отъ рекрутской повинности въ продолженіе шести наборовъ; и 5) по прибытіи на мѣсто новаго водворенія, переселенцамъ будетъ отведено такое количество земли, которое каждый домохозяинъ въ состояніи будетъ обработать. Одновременно Палатамъ Государственныхъ Имуществъ предписывалось наблюдать, чтобы семейства переселенцевъ были въ состояніи перенести трудности пути, и не допускать къ переселенію одинокихъ, «а равно семействъ, обремененныхъ значительнымъ числомъ малолѣтнихъ или пожилыхъ, и держаться правила, чтобы въ каждомъ семействѣ было не менѣе двухъ работниковъ».

Эти правила, выработанныя Сибирскимъ Комитетомъ совместно съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири собственною властью почелъ нужнымъ пополнить и видоизмѣнить: губернаторамъ Амурской и Приморской областей онъ предписалъ: 1) «при занятіи мѣстъ для жительства не упускать изъ вида условія, чтобы удобныхъ земель приходилось никакъ не менѣе 21 дес. на каждую, мужского пола, душу, дабы съ умноженіемъ впослѣдствіи населенія не было недостатка у нихъ въ землѣ и значительнаго скопленія въ одномъ пунктѣ; 2) не позволять селиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назначаются для казачьихъ станицъ и гдѣ въ настоящее время находятся селенія манджуровъ и другихъ туземцевъ; 3) въ городахъ и селеніяхъ мѣста подъ усадьбное устройство вдоль р. Амура и другихъ отводить для каждаго, отдѣльно живущаго, семейства не болѣе 50 саж., дабы такимъ образомъ не лишитъ и имѣющихъ прибыть впослѣдствіи поселенцевъ возможности пользоваться выгодною близостью рѣки. Въ глубь же страны переселенцы могутъ занимать столько земли, сколько будутъ въ состояніи обработать».

Въ началѣ весны 1859 г., переселенцы вышли на Амуръ съ мѣстъ своей родины; но уже очень скоро обнаружилось, что ассигнованныя на это переселеніе суммы были недостаточны. Оно вызвало, между прочимъ и такіе расходы (ремонтъ одежды, напимѣръ), которые, по сознанію генераль-губернатора Восточной Сибири, «при исчисленіи издержекъ въ виду не имѣлись». Все это потребовало новыхъ ассигновокъ, которыя хотя и были отпущены, но въ

то же время способствовали въ значительной мѣрѣ измѣненію взглядовъ правительства на вопросъ о заселеніи Амура выходцами изъ внутреннихъ губерній Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда уже желаемая начальствомъ Восточной Сибири цифра—тысяча семей для Амура—находилась въ движеніи, отъ генераль-губернатора было получено извѣщеніе, что предположенныхъ первоначально къ отпуску суммъ едва хватитъ на передвиженіе до Амура 300 семействъ. «Изъ чего слѣдуетъ, —говорилось въ этомъ извѣщеніи дальше, —что 400 семействъ вятскихъ и пермскихъ крестьянъ, имѣющихъ быть переселенными въ Енисейскую губ., не могутъ быть обращены на переселеніе въ Приамурскій край». Вслѣдствіе этого представленія министръ Государственныхъ Имуществъ опредѣлилъ: Изъ 500 семействъ отправить на Амуръ половину; остальныхъ же, по личному вызову генераль-губернатора Западной Сибири, водворить на земляхъ этой послѣдней.

Одновременно и Сибирскій комитетъ поспѣшилъ выразиться въ томъ смыслѣ, что «свободное переселеніе на Амуръ можетъ заключаться въ крестьянахъ, которые не имѣютъ достаточно земель для обработки въ настоящихъ мѣстахъ ихъ жительства, и въ предприимчивыхъ людяхъ другихъ сословій, которые большею частью желаютъ пріобрѣсть земли въ полную собственность». Причемъ, однако же, Комитетъ находилъ, что нѣтъ никакой побудительной причины желать особенно поспѣшнаго заселенія Амурскаго края, «который долженъ, такъ сказать, составлять поземельный запасъ для Россіи въ будущемъ. И нѣтъ никакой нужды Правительству дарить принадлежащія ему земли въ собственность частнымъ лицамъ или даже продавать ихъ за безцѣнокъ, когда, безъ малѣйшаго сомнѣнія, страны, прилегающія къ Амуру, будутъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтать и большее значеніе и большую цѣнность, по мѣрѣ развитія европейской и американской промышленности и торговли въ водахъ Восточнаго океана».

Вслѣдствіе такого мнѣнія Комитета, подесятичная плата для земель Амурской области опредѣлена была въ 10 рублей, а переселеніе государственныхъ крестьянъ на казенный счетъ прекращено. Ассигнованная же на этотъ предметъ сумма поступала въ распоряженіе главнаго управленія Восточной Сибирью для оказанія пособій заимообразно поселенцамъ на Амуръ и для составленія съ этою цѣлью особеннаго запаснаго капитала. Что же касается до денегъ, которыя могли быть выручены отъ продажи свободныхъ земель въ Амурской области, то ихъ, по проекту генераль-губернатора Восточной Сибири, предполагалось въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ частью вносить въ Государственное Казначейство, частью употреблять «на различныя полезныя устройства въ новомъ краѣ и преимущественно путей сообщенія и телеграфныхъ линій».

Относительно иностранныхъ колонистовъ предполагалось неизбѣжнымъ правиломъ, чтобы они вступали въ русское подданство и поселялись внутри приамурскихъ областей; всѣ же стратегическіе пункты могли быть заняты или коренными русскими или славянами — чехами, сербами и др.

Въ 1859 г. прибыла на Амуръ первая партія переселенцевъ, всего 240 душъ обоего пола, изъ которыхъ въ селеніи Астраханкѣ на р. Зеѣ поселились переселенцы изъ Таврической губ. Одновременно продолжалось и переселеніе забайкальскихъ казаковъ въ Амурскую область. Основаны были: поселки Бекетовскій (въ Албазинскомъ округѣ), Черняевская станица и Ермаковскій поселокъ (въ Черняевскомъ округѣ), Бибикиевскій и Верхне-Благовѣщенскій (въ Екатерининскомъ округѣ), Константиновскій и Поярковская станица (въ Поярковскомъ округѣ). Въ прежде же выстроенныхъ станицахъ открыто 8 школъ.

Въ 1860 г. прибыло въ Амурскую область 542 души обоего пола крестьянъ, которые и разселены были въ новыхъ селеніяхъ: Старо-Воскресенскомъ въ предѣлахъ Албазинскаго казачьяго округа; Бѣлогорскомъ и д. Егорьевкѣ въ Амурско-Зейской вол. и селѣ Александровскомъ Томской волости. Переселенцы эти были изъ сибирскихъ губерній Енисейской и Забайкальской области, а отчасти изъ Полтавской губерніи. Казаковъ въ этомъ году переселено

было изъ Забайкалья для укомплектованія казачьяго войска 3411 душъ обоюго пола; они образовали на Амурѣ новые поселки: Игнатьевскій (Екатериинскаго округа), Чесноковскій (въ Поиронскомъ), Стороженскій (въ Раддевскомъ), Союзовскій (въ Екатерино-Никольскомъ), Стенановскій и Головинскій (въ Михаило-Семеновскомъ). Къ нимъ вторично приселено было 586 человекъ штрафныхъ солдатъ — ябра, хотя и имѣвшая въ виду увеличить контингентъ рабочихъ въ области, на самомъ же дѣлѣ приведшая къ весьма грустнымъ результатамъ, такъ какъ безсемейное, развратное, тунеядное населеніе это, прославленное на Амурѣ подъ именемъ «сынковъ», «бузуновъ» и «гольдинаковъ», не только не послужило въ помощь окрестному населенію, но, наоборотъ, легло бременемъ, какъ на него, такъ и на правительство, вынужденное кормить его въ теченіе многихъ лѣтъ и въ такое время, когда каждый пудъ хлѣба цѣнился чуть не на весь золота.

Въ 1861 г. прибыла на Амурѣ послѣдняя изъ первоначально образованныхъ для переселенія на Амурѣ партій государственныхъ крестьянъ, также изъ Енисейской и Подтавской губерній, всего—249 душъ обоюго пола, которая и образовала два новыхъ селенія—Высокое и Никольское, Томской волости. Въ станицахъ открыто 17 школъ.

Наводненіемъ смыты были пашни въ Амурскомъ пѣхотномъ баталіонѣ, впрочемъ, только тѣ, что расположены были въ низинахъ.

Съ 1861 г., согласно съ мнѣніемъ, выраженнымъ Сибирскимъ комитетомъ, водвореніе государственныхъ крестьянъ въ Амурской Области на казенный счетъ должно было прекратиться; и, безъ сомнѣнія, это распоряженіе должно было бы ознаменоваться, если не полнымъ застоємъ эмиграціи, то во всякомъ случаѣ значительнымъ уменьшеніемъ прилива крестьянскаго земледѣльческаго населенія въ край, если бы незабвенный манифестъ 19 февраля 1861 года, уничтожавшій крепостную зависимость на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи, не далъ бы

Будущіе казаки.

новаго толчка, на этотъ разъ свободной, эмиграціи крестьянъ на Амурѣ, гдѣ ихъ по прежнему ожидали различныя льготы. Такъ, по Высочайше утвержденнымъ: положенію 26 марта 1861 г. и мнѣніямъ Государственнаго Совѣта 28 апрѣля 1861 г. и 26 января 1882 г. жители Амурской области освобождались отъ платежа: 1) податей — подушной навсегда, оброчной и поземельной по 27 апрѣля 1891 года, и 2) всѣхъ земскихъ повинностей на три года со дня водворенія; жители же городовъ кромѣ того отъ государственныхъ повинностей и пошлинъ по 1 января 1886 года.

Уже въ 1862 г. прибыли въ Амурскую область добровольные переселенцы изъ губерній: Подтавской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и основали два, нынѣ большія, села: Павловку на Томи, въ Томской волости (она выросла, впрочемъ, только въслѣдствіи отъ значительнаго числа позднѣйшихъ приселеній) и Михайловское на р. Завитой, нынѣ волостное селеніе Завитинской волости, сразу заселенное въ обширныхъ размѣрахъ. Въ томъ же году обра-

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ В МОНТАНАХ НА АРМЕНИИ.

зовались и два новыхъ казачьихъ поселка: Квашинскій и Дежневскій Михайло-Семеновскаго округа.

Въ 1863 году прибыло уже до 1,260 переселенцевъ изъ Забайкальской области, губерній Енисейской, Воронежской и Полтавской. Основали они село Новую Покровку на Амурѣ и деревни Томскую и Ключевскую на р. Томи въ Томской вол., село Троицкое на р. Бѣлой, Богородское и Черемховское на р. Будиндѣ, Черемховской вол., Дмитриевку на р. Будиндѣ Ивановской вол., Петропавловку на р. Завитой, Завитинской вол. Въ томъ же году поселены еще и казачьи поселки: Венцелевскій, Кукелевскій и Бабстовскій въ Михайло-Семеновской вол., и тѣмъ закончено обязательное переселеніе казаковъ изъ Забайкалья. Всего казаковъ переселено въ Амурскую область 11,850 д. об. п., живущихъ нынѣ въ 65 поселкахъ, въ количествѣ до 19,500 д. об. п.

Въ 1864 г. прибыло переселенцевъ крестьянъ болѣе 1,220 изъ Забайкальской обл., губерній Томской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Полтавской. Основали они селеніе Сапсаль на Амурѣ въ предѣлахъ казачьяго Кумарскаго станичнаго округа, Сергеевку на Амурѣ, Новотроицкое и Москвитино въ Амурско-Зейской волости, Заливную и Васильевку на р. Томи, въ Томской вол., Среднебѣлую на Бѣлой, въ Черемховской волости, село Ивановское, нынѣ волостное селеніе Ивановской волости и самое крупное въ области, а также Красный яръ на р. Завитой, Завитинской волости.

Въ 1865 году прибыло въ область болѣе 2,400 переселенцевъ изъ Забайкальской обл., губерній: Енисейской, Томской, Самарской, Астраханской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской и даже Архангельской; но значительная часть ихъ выселилась въ то же время въ Южно-Уссурійскій край. Оставшіеся образовали въ 1865 г. селенія Марковское, на Амурѣ въ Амурско-Зейской вол., Семи-озерное, на Малой Бѣлой въ Черемховской вол., Андреевку, на р. Манджуркѣ въ Ивановской вол., и Платову на р. Завитой Завитинской вол., а въ 1866 г. Новую, на р. Чирчѣ и Круглую, на р. Томи въ Томской волости.

Въ 1867 и 1868 г.г. прибыло на Амуръ 1,540 переселенцевъ изъ губерній Енисейской, Пермской, Оренбургской, Самарской и Саратовской, но двѣ трети ихъ не удержались на Амурѣ и перешли далѣе, въ Южно-Уссурійскій край. Оставшіеся образовали въ 1867 г.: дер. Бѣлоногову въ Томской вол., Владимировку на Зеѣ и Николаевку на р. Бѣлой, въ Ивановской волости. Въ томъ же году добровольные переселенцы изъ Забайкальскихъ казаковъ образовали Димскій поселокъ въ Поярковскомъ округѣ. Въ 1868 году никакихъ новыхъ поселеній въ Амурской области не возникло.

Съ 1860 по 1882 г., включительно, переселенческое движеніе въ Амурскую область вообще ослабѣло, но все-таки продолжалось непрерывно изъ года въ годъ до 1881 г. включительно. Въ 1869 г. переселенцы изъ Енисейской, Томской и Пермской губерній основали селенія Михайловку и Грязнушку въ Амурско-Зейской вол., а переселившіеся добровольно забайкальскіе казаки—новый поселокъ въ Михайло-Семеновскомъ округѣ. Въ 1870 г. переселившіеся изъ Тобольской, Томской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Тамбовской губерній крестьяне основали сел. Ново-Воскресенское близъ Амура, въ предѣлахъ Кумарскаго станичнаго округа, дер. Гильчинъ въ нынѣшней Гильчинской вол., и Вознесенку на р. Завитой, Завитинской вол. Въ 1871 г. переселенцы, крестьяне Томской и Самарской губерній, основали селеніе Бахирево на Буреѣ въ Завитинской вол., а переселенцы изъ предѣловъ Кореи, съ прибрежій залива Посъета, основали на Амурѣ село Благословенное. Въ 1872 г. новыхъ крестьянскихъ поселеній не возникало, но образовались новые казачьи поселки: Ушаковскій, Симоновскій, Карсакова и Буссе въ Кумарскомъ станичномъ юртѣ и Самарскій въ Екатерино-Никольскомъ. За 1873 и 1874 г.г. раскольники безпоповцы, прибывшіе изъ Томской, Пермской и Самарской губерній, основали селеніе Домиканъ на Буреѣ, въ Завитинской вол., а въ казачьихъ округахъ образовались новые поселки Аносовскій и Новокумарскій въ Кумарскомъ станичномъ

округъ, Ключевской и Коврижка въ Полярковскомъ, переселившимся на новыя мѣста изъ затопляемой наводненіями станицы Низменной; Марьинской и Башуровскій изъ Раддевской станицы и совершенно оставленнаго вслѣдствіе наводненій Помпеевскаго поселка на Амурѣ. Въ 1875 г. переселенцы изъ Тамбовской и отчасти Самарской губерніи, основали очень крупное селеніе Тамбовку въ Гильчинской вол. Въ 1876 г. переселенцы изъ губерній Воронежской, Харьковской и Полтавской основали дер. Петропавловку на р. Самаркѣ, въ Черемховской вол., и Коршуновку на р. Завитой, въ Завитинской вол. Въ томъ же году возникъ новый казачій посёлокъ Биджанскій въ Михайло-Семеновскомъ округѣ. Въ 1877 г. переселенцы изъ Енисейской и Астраханской губерній и Донской обл. основали дер. Вознесенскую на р. Бѣлой въ Томской в. Въ 1878 г. переселенцы изъ губерній Тамбовской, Воронежской и Харьковской основали Петровское на Зеѣ, въ Амурско-Зейской в., Левченковъ выселокъ въ Томской вол. и дер. Кутилову на р. Димѣ, въ Завитинской вол. Въ 1879 г. новыхъ крестьянскихъ селеній совсѣмъ не возникло, но образовались новыя казачьи поселки: Петропавловскій въ Кумарскомъ округѣ и Асташинскій въ Иннокентьевскомъ. Въ 1880 г. переселенцы изъ губерній Самарской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской и Донской области образовали селеніе Мал. Сазанку на Зеѣ, въ Амурско-Зейской вол., Березовку на Зейскомъ лугу въ Черемховской вол. Въ 1881 году переселенцы изъ губерній: Томской, Тамбовской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Астраханской основали селенія Лазаревку на р. Манджуркѣ въ Ивановской вол., Нижне-Полтавку въ Гильчинской вол., Иннокентьевское на р. Половинкѣ, Малиновку и Киселевку на р. Бурѣѣ, въ Завитинской вол. Въ 1882 году не возникало ни одного новаго крестьянскаго селенія въ области, но съ 1883 года переселенческое движеніе опять оживилось.

Въ 1883 г. прибыло болѣе 200 семей изъ губерній: Полтавской, Тамбовской, Пензенской, Донской обл. и Томской губ. и образовали селеніе Гуранъ на р. Гуранѣ и Бордогонъ на Зеѣ, въ Амурско-Зейской вол., Больш. Сазанку на Зеѣ и Парувъ лу въ Томской вол., и кромѣ того большое количество семей переселилось къ Средне-Бѣлой, Черемховской вол.

Въ 1884 г. прибыло болѣе,—до 420 семей изъ губерній Полтавской, Тамбовской, Донской обл., губерній Воронежской, Харьковской, изъ Забайкальской обл., Томской губ. и съ Сахалина. Они основали селенія: Красный Яръ на Зеѣ, Томской вол., Анновку и Песчаное озеро—одно изъ самыхъ людныхъ селеній области—на р. Будиндѣ и Константиноградовку, въ Ивановской вол., Толстовку и Верхне-Полтавку, въ Гильчинской вол.

Въ 1885 г. прибыло болѣе 200 семей изъ губерній Тамбовской, Полтавской, Донской обл., Екатеринославской, Воронежской, Черниговской, изъ области Забайкальской, и губ. Томской. Они основали селенія: Берьминское на р. Берьмѣ и Климовку на р. Бѣлой, Томской вол., Кулустуай и Каменку на Бурѣѣ, Завитинской вол.; незначительная же часть переселенцевъ размѣстилась и по существующимъ селеніямъ.

Въ 1886 году прибыло переселенцевъ немного болѣе 60 семействъ изъ губерній Астраханской, Донской обл., Полтавской, Екатеринославской, Томской и Тобольской. Они, при помощи переселенцевъ предшедшаго года, образовали вновь селенія: Натальино на Зеѣ, Амурско-Зейской вол., Андреевку и Комисаровку на Зеѣ, Черемховской вол., и Варваровку на Будиндѣ, Ивановской волости.

Въ 1887 г. прибыло 215 семей: изъ Донской области (126 семей), губерній: Тамбовской, Полтавской, Екатеринославской, Астраханской, а также изъ Томской губерніи. Они основали Гарбагатай на р. Чирчѣ, Тамбовской волости, Ново-Покровку и Ново-Алексѣевку, Черемховской вол., Жаркову и Космодемьянову на р. Гильчинѣ, Гильчинской вол., Борисоглѣбовку на р. Димѣ и Куликовку на р. Бурѣѣ, Завитинской вол. Въ одномъ изъ казачьихъ округовъ, Иннокентьевскомъ, возникъ новый посёлокъ Винниковскій, выселившійся изъ Раддевскаго окр.

Въ 1888 г. прибыло 270 семей переселенцевъ изъ губерній Тамбовской, Донской области,

Полтавской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, а также изъ Забайкальской обл. и Томской губерній (безпоповцы). Переселенцы эти основали селенія: Листьянское въ Томской вол., Зорино на Будинѣ, въ Ивановской вол., Чуевку на Гильчинѣ, Гильчинской вол., но большинство ихъ размѣстилось по существующимъ деревнямъ.

Въ 1889 г. прибыло уже болѣе 500 семей: изъ губерній Тамбовской (185 семей), Донской обл., губ. Полтавской, Могилевской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, а также изъ Забайкальской обл. Переселенцы образовали вновь селеніе Молчановское на Зеѣ, Верхнебѣлое и заимку Позднѣевку на Бѣлой, въ Томской вол., Преображеновку, въ Ивановской вол., но большая часть ихъ переселилась къ существовавшимъ уже селеніямъ. Сверхъ того, въ томъ же году образовалось въ Томской вол. новое селеніе Бѣлоярское изъ переселившихся изъ Амурско-Зейской вол.

Въ 1890 г. прибыли въ числѣ 200 семей переселенцы изъ губерній: Полтавской, Томской, Самарской и Могилевской, и отчасти изъ Томской губ. и Забайкальской обл. Они основали селенія Успеновку въ Черемховской вол., Верхне-Уртуй въ Гильчинской, Бѣлый Яръ и Райчиху въ Завитинской вол. Сверхъ того, возникло также въ Томской волости селеніе Казанка, заселенное переселенцами изъ Амурско-Зейской вол.

Въ 1891 г. переселеніе было слабо. Прибыло до 50 семей изъ Саратовской губ. и Забайкальской области и образовало селеніе Загорную Селитьбу въ Амурско-Зейской волости и Введенское на Зеѣ, въ Томской.

Въ 1892 г. образовалось вновь только два селенія: Паруново Гильчинской вол. и Аркади-Семеновское на р. Харѣ (Бирарѣ), Завитинской вол., изъ выселенцевъ разныхъ другихъ селеній Амурской области.

Наконецъ, въ 1893 прибыло до 40 семей переселенцевъ изъ Полтавской и Тамбовской губерній и образовали дер. Благовѣщенскую на Зеѣ, Томской вол.

Изъ изложеннаго хода русскаго переселенія на Амуръ видно, что собственно должна Амура была заселена съ 1857 по 1863 годъ обязательнымъ правительственнымъ переселеніемъ на Амуръ Забайкальскихъ казаковъ, но что съ 1862 года уже шло безостановочно добровольное переселеніе на Амуръ крестьянъ различныхъ губерній Европейской Россіи и отчасти Сибири. Переселенцы шли въ Амурскую область на собственный счетъ, безъ правительственной помощи. О положеніи края, льготахъ, путяхъ и способахъ передвиженія они узнавали изъ писемъ своихъ земляковъ или родственниковъ. Средства для переселенія они получали отъ ликвидаціи на родинѣ своего хозяйства и продажи своего имущества. Трогались они въ путь раннею весною и прибывали въ Благовѣщенскъ черезъ четыре или пять мѣсяцевъ, если двигались безостановочно. Каждая семья, приблизительно изъ 6 душъ, затрачивала на переселеніе отъ 400 до 500 руб., или по 80 руб. на душу. Конечно, не всѣ переселенцы имѣли эти средства; болѣе зажиточные—вожаки переселенія—своими ссудами вытягивали другихъ, которые впоследствии выплачивали постепенно свой долгъ, уже на мѣстахъ совмѣстнаго поселенія—деньгами или заработкомъ. Всѣ переселенцы двигались въ полномъ составѣ семьи, съ малыми дѣтьми и грудными младенцами. У тѣхъ, кто совершалъ свой путь съ полною опредѣленностію его конечной цѣли, безъ остановокъ и колебаній, убыли въ семьѣ были ничтожны; семьи доходили до Благовѣщенска почти безъ потерь.

Всѣ переселенцы перечислялись только по личной ихъ явкѣ въ область. При явкѣ малыми партіями каждая семья зачислялась въ сельское общество старожиловъ, что было обязательно для обществъ, имѣющихъ земельные запасы, и не иначе какъ по мірскому приговору, для тѣхъ обществъ, которыя значились уже не имѣющими запасовъ. При явкѣ же партій переселенцевъ въ 15 семей и болѣе, и при желаніи ихъ образовать новое поселеніе, тотчасъ же образовывалось новое общество и названіе новому поселенію давалось согласно желаніямъ самихъ переселенцевъ.

Весьма немногіе изъ крестьянъ переселенцевъ могли образовать поселки въ самой долинѣ

Амура, такъ какъ земли по Амуру при ихъ приходѣ уже были заняты правительственнымъ переселеніемъ казаковъ. За то тѣмъ шире и свободнѣе могли они распространиться по обширной равнинѣ, разстилающейся между западнымъ звеномъ Амурской дуги и Бурейскимъ хребтомъ, и орошаемой нижними теченіями Буреи и Зеи и меньшими притоками Амура, какъ напримѣръ, Завитой и Бираромъ. Здѣсь переселенцы, въ теченіе 42 лѣтъ, фактически заняли до 650 тысячъ десятинъ, владѣя такимъ образомъ 125 десятинами на дворъ или 114 десятинами на тягло (брачную пару въ рабочемъ возрастѣ), при чемъ обширныя пространства земли остаются еще свободными, какъ для будущихъ приселеній, такъ и для поселеній новыхъ.

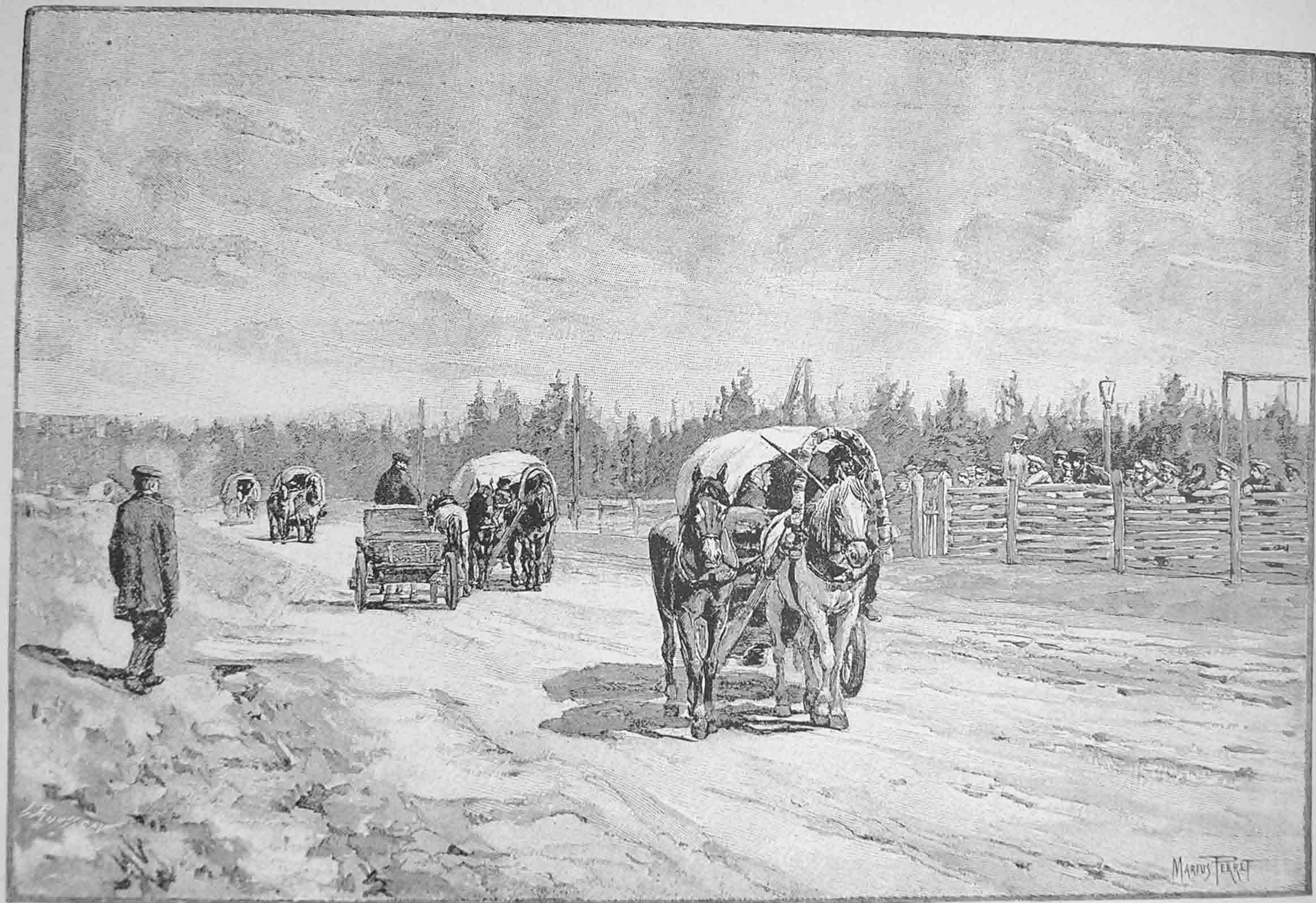

Внутренность крестьянской избы.

Только отдѣльные домохозяева изъ крестьянъ, также какъ и изъ другихъ сословій (благовѣщенскіе мѣщане изъ молоканъ), воспользовались упомянутою трехрублевою оцѣнкой для покупки въ собственность земельныхъ участковъ, на которыхъ они устраиваютъ свои заимки (хутора). Такія земельныя приобрѣтенія начались уже съ 1866 года. За первое 10-лѣтіе куплено 1,918 дес., за второе уже 11,416 дес., а въ 1888 и 1889 г. еще 11,416 дес. Изъ общаго числа проданныхъ до 1890 г. 25,000 дес. крестьяне купили 5,780 дес., благовѣщенскіе мѣщане (изъ молоканъ) 13,200 дес., остальные, болѣе 6 тыс., куплены разночинцами. Всѣхъ такихъ мелкихъ собственниковъ этихъ было въ 1890 г. 240, слѣдовательно, на долю cadaго приходилось среднимъ

Пользуясь спокойно своими громадными надѣлами и хозяйничая на нихъ экстенсивно, безъ платежа поземельной и оброчной подати, а до 1877 г. даже и безъ земскихъ сборовъ, крестьянскія общества, конечно, не имѣли повода приступать къ выкупу своихъ надѣловъ; поэтому за весь 30-лѣтній періодъ, со времени ихъ переселенія, не было ни одного случая выкупа общественнаго надѣла, и льготная цѣна 3 руб. за десятину, назначенная правилами 27 апр. 1861 и продолженная до 1891 г. не имѣла по отношенію къ обществамъ никакого практическаго примѣненія. Да и продажа земли цѣлымъ обществамъ была бы, по нашему мнѣнію, весьма нежелательною государственною ошибкою. Она изъяла бы изъ собственности государства обширныя земельныя запасы удобныхъ для колонизаціи земель, которыя въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и сибирскихъ губерній, начинаютъ истощаться.

Только отдѣльные домохо-

Переселенцы в пути.

числомъ немного болѣе 110 дес. Изъ собственниковъ этихъ было 135 мѣщанъ, 85 крестьянъ, 13 дворянъ и чиновниковъ, 7 золотопромышленныхъ компаний. Размѣръ участковъ, находящихся нынѣ въ личной собственности въ Амурской области, слѣдующій: 1 участокъ въ 1,006 дес., 13 отъ 400 до 1,000, 82 отъ 100 дес. до 400 и 168 менѣе 100 дес.

Какъ крестьяне, такъ и владѣльцы заимокъ въ обширномъ Зейско-Бурейскомъ районѣ живутъ въ довольствѣ. Очевидно, что въ самыхъ естественныхъ условіяхъ страны никакихъ неудобствъ для колонизаціи не встрѣчается.

Все сказанное имѣетъ примѣненіе къ занятому крестьянской колонизаціею и раздѣленному нынѣ на 6 волостей, обширному Зейско-Бурейскому району, но въ иныхъ нѣсколько условіяхъ находятся приамурскіе казачьи станичные округа.

Забайкальскіе казаки не по своей доброй волѣ, какъ извѣстно, заселили долину Амура. Они прибывали сюда партіями, которыя и распредѣлялись по станицамъ, не только заранее намѣченнымъ, но даже и выстроеннымъ солдатами линейныхъ батальоновъ.

При выборѣ мѣстъ для станицъ, безъ сомнѣнія, обращалось большое вниманіе и на пригодность окрестныхъ земель къ обработкѣ; однако, не всегда удавалось удачно скомбинировать всѣ требованія, которыя предъявлялись къ подобнаго рода военнымъ поселеніямъ, а потому легко объяснимы и тѣ нареканія, которымъ зачастую подвергались первые ихъ устроители.

Академикъ Коржинскій довольно обстоятельно знакомитъ насъ съ современнымъ экономическимъ положеніемъ населенія станичныхъ округовъ, расположенныхъ по Амуру ниже Бурейскаго хребта.

Вся мѣстность между Куромъ и Бурейскими горами, — говоритъ онъ, — не предназначена самою природой для густого земледѣльческаго населенія, ибо ни заливная долина, подверженная наводненіямъ, ни прежняя рѣчная терраса, покрытая на огромнѣйшія пространства болотами, ни тѣмъ болѣе предгорія Бурейскихъ горъ не представляютъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, значительной культурной площади. Этотъ край питаетъ, правда, въ настоящее время свое немногочисленное казачье населеніе, но и то немногое, что онъ даетъ, добыто цѣной самыхъ тяжелыхъ лишеній и трудовъ первыхъ пионеровъ.

Вся полоса между Хабаровскомъ и Союзной заселена казаками, водворенными сюда изъ Забайкалья по жребію. Неохотно, нерѣдко съ плачемъ и стономъ, разставались вынужденные

Деревня на Амурѣ.

Лодка гольцовъ на Сунгари.

жребій съ берегами Шилки, берегами благословенной Унды и вообще хлѣбороднымъ степнымъ краемъ Забайкалья, пускаясь въ невѣдомыя страны. Богатые часто нанимали за себя охотниковъ, предпочитая оставаться на насиженныхъ мѣстахъ. Самое переселеніе совершалось на

Гольды.

казенный счетъ, причемъ, однако, переселенцы были стѣснены и въ количествѣ скота и въ количествѣ хлѣба, которое можно было взять съ собою. Поэтому болѣе зажиточные предпочитали отправляться на собственныхъ плотахъ, забирая съ собою весь скотъ, инвентарь и большой запасъ хлѣба. Такіе хозяева сразу стали въ лучшее положеніе. Но всѣ—и богатые и бѣдные,—были совершенно одинаково не подготовлены къ колонизаціи края, столь отличнаго отъ мѣста ихъ родины, и не имѣли никакого понятія ни о томъ, что ихъ ожидаетъ, ни объ условіяхъ своего новаго мѣстожителства.

Вполнѣ понятно, что всѣ они были поселены по берегамъ Амура. Амуръ былъ въ то время единственнымъ средствомъ сообщенія, его рыбныя богатства могли служить предпорьемъ въ хозяйствѣ. Притомъ же только по берегамъ его первые переселенцы нашли обширныя луговныя равнины, представлявшія и богатыя сѣнокосныя угодья и прямо пригодныя для пахоты, тогда какъ дальше отъ берега начинались или сплошныя лѣса или болота.

Но здѣсь-то и начались мытарства колонизаторовъ. Они, разумѣется, и не подозрѣвали, что поселились на заливной долині Амура. Ихъ обмануло то обстоятельство, что весной она не была покрыта водой. Но весенніе разливы Амура вообще незначительны, между тѣмъ среди

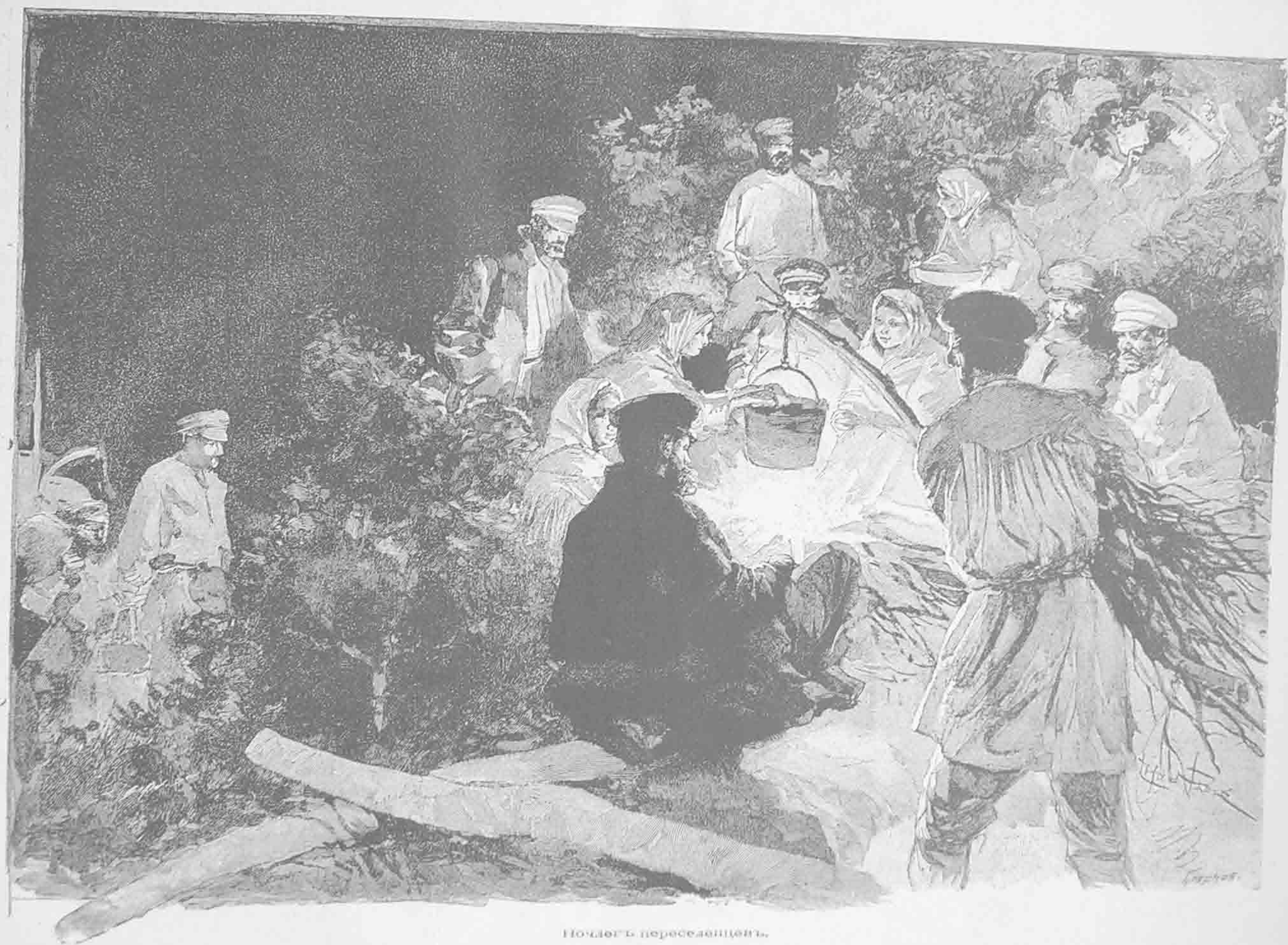

Гольды съ Усури.

лѣта нерѣдко происходятъ, въ зависимости отъ количества дождей, сильныя повышенія уровня воды; причемъ временами, хотя далеко и не каждый годъ, эта долина вся или отчасти, затопляется. И вотъ такія наводненія происходили неоднократно въ первые же годы русской колонизаціи. Неожиданные разливы Амура затопляли поля и деревни переселенцевъ, сносили избы, только что поставленные стога сѣна, портили хлѣбъ и вообще производили полное раззореніе или, по крайннй мѣрѣ, наносили большой ущербъ не установившемуся хозяйству. Приходилось переносить поселки и пашни на болѣе или менѣе возвышенные пункты, сѣно, только что скошенное, свозить на бугорки и жить такъ въ вѣчномъ страхѣ, что новое, еще большее, наводненіе заставитъ ихъ снова искать болѣе удобнаго мѣста. Изъ многихъ, первоначально основанныхъ, поселковъ жители—по мѣстному выраженію—«раскочевались», т.-е., разошлись въ разныя стороны. Изъ 22 станицъ перестали существовать и принуждены были перемѣнить свои первоначальныя мѣста 10 станицъ. Другіе по-гдѣ они были первоначально основаны.

Между Хабаровскомъ и стан. Союзной въ отрогахъ Хингана, т.-е., на протяженіи около

Ночлегъ переселенцевъ.

400 верстѣ, слѣдующіе поселки заброшены совсѣмъ: Новгородскій, Нижне и Верхне—Спасскій, Петровскій, Добрая и Нагибова. Последнія двѣ станицы заброшены были послѣ наводненія 1872 года. Теперь только заросли чернобыльника указываютъ здѣсь на мѣста прежнихъ пашень. Впрочемъ, въ Нагибовой сохранился еще одинъ дворъ—заимка казака Лунина; изъ остальныхъ же, кромѣ смотрителей почтовыхъ станцій, въ настоящее время нѣтъ никого.

Другія станицы, хотя и продолжаютъ существовать, но были вынуждены перебираться на другія мѣста. Такъ Степановскій выселокъ поренесенъ на 4 версты отъ Амура, часть Михайло-Семеновской станицы перенесена пониже на песчанья гривы, Квашнина на восемь верстѣ отъ Амура, Пузино на 5 верстѣ выше. Такъ что число береговыхъ селеній, которыя остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ и не терпятъ отъ наводненій, въ общемъ очень не велико (Союзная, Екатерино-Никольская). Вслѣдствіе желанія уйти дальше отъ наводненій и были основаны поселки, удаленные отъ Амура, какъ Бабстовскій, напримѣръ, (25 в.) или Биджанскій (35 в.).

Легко понять, какъ тяжело отзывались эти наводненія и необходимость вновь переходить съ мѣста на мѣсто на подневольныхъ колонизаторовъ края. Главное же бѣдствіе для переселенцевъ состояло въ полномъ несоотвѣтствіи мѣстной природы съ привычными для нихъ условіями Забайкальской обл. Привыкшіе къ сухому лѣту, казаки съ ужасомъ смотрѣли на проливные дожди, которые длились по 18 дней подрядъ и сразу уничтожали надежду на урожай. Скотъ, выросшій на степныхъ, сухихъ пастбищахъ, ходилъ цѣлые дни среди высокой, сочной травы болотистыхъ луговъ и возвращался домой еще болѣе отощавшимъ. Много скота перемерло и лишь постепенно, черезъ нѣсколько поколѣній, выработалась раса, приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ.

Таковы условія, въ которыя попали забайкальцы; нечего, поэтому, ихъ и винить въ томъ, что хозяйство ихъ идетъ здѣсь не особенно то успѣшно. Постоянныя неудачи могли ослабить энергію самыхъ сильныхъ, слабые же, весьма естественно, пали духомъ и стали апатично относиться къ себѣ и къ своему будущему, не предвидя возможности измѣнить его къ лучшему. Вотъ почему большинство ихъ станицъ производитъ на путника столь грустное впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ ихъ, напримѣръ, Шперкъ.

«Все они имѣютъ сходную фізіономію: надъ обрывистымъ, нерѣдко крутымъ берегомъ Амура, у подошвы горы или по ея скату, или же вдоль ровнаго берега рѣки, вытянуты въ линію бревенчатые небольшіе дома, въ два или три окна, одинаковой наружности. Впереди домовъ, у берега, расположены огороды и бани; сзади дома едва огороженное балясникомъ мѣсто представляетъ дворъ, на которомъ стоитъ небольшой амбаръ, да и то не у каждаго хозяина. Навѣсовъ для скота и сараевъ никто почти не имѣетъ, а потому и станицы не представляютъ вида зажиточности и домовитости обитателей. У многихъ домовъ въ небольшихъ оконныхъ рамахъ стекла, состояція изъ множества мелкихъ кусковъ, оправленныхъ въ березовую кору, представляютъ изъ себя причудливой формы узоры, но вообще даютъ мало свѣта. Часто встрѣчаются дома, крытые древесною корой, мѣстами съ не достроенными крылечками. Въ нѣкоторыхъ станицахъ начальство велѣло передъ домами насадить деревья, но такъ какъ у казаковъ къ этому нѣтъ ни малѣйшей любви и охоты, то деревья повысохли, а палисадники развалились. Въ большихъ станицахъ дома тянутся въ двѣ или три улицы. Въ центрѣ станицы или на одномъ изъ ея концовъ, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, среди поляны, густо поросшей травой и лещиной, стоитъ небольшая деревянная церковь, у которой иногда увидишь два-три случайно уцѣлѣвшихъ дерева—березы или дуба. Вблизи церкви нѣсколько домовъ болѣе обширныхъ, предназначенныхъ для помѣщенія священника, сотеннаго командира, училища, правленія и проч. Дома внутри содержатся вообще чисто, стѣны и печь въ большинствѣ случаевъ выбѣлены известью; но какая то пустота и бездомность вѣютъ въ этихъ домахъ и наводятъ на васъ тяжелое чувство. Вообще, проѣзжающаго по Амуру поражаетъ

необычайная безжизненность его станицъ и бѣдность населенія. Лѣтомъ зелень, да изрѣдка проплывающій пароходъ, казачьи боты, оморочи туземцевъ или манджурскія лодки, бороздящія рѣку, разнообразятъ этотъ пустынный видъ и умѣряютъ грустное впечатлѣнiе; но зимой, скованная морозами рѣка, представляющая съ окружающею мѣстностью сплошную свѣжнюю пустыню, еще болѣе увеличиваетъ тягостное чувство, овладѣвающее путникомъ при вѣздѣ въ точно вымершее селеніе».

Станичные округа и волости Амурской области могутъ быть распределены на три группы. Къ первой изъ нихъ, *Верхне-Амурской*, можно отнести пять станичныхъ округовъ, расположенныхъ вдоль Амура отъ слиянiя Шилки съ Аргунью до окрестностей Благовѣщенска, какъ то: Игнашинскій, Албазинскій, Черняевскій, Кумарскій и Екатерининскій. Населеніе ихъ состоитъ, кромѣ 680 крестьянъ (380 м. п.), изъ казаковъ коннаго Амурскаго полка, переселенныхъ сюда изъ Забайкалья, гдѣ они издавна были казаками Забайкальскаго войска. Ко второй группѣ, *Южно-Амурской*, тоже пять станичныхъ округовъ, начинающихся за манджурокитайскими землями лѣваго берега Амура, ниже Айгуна, и растянутыхъ вдоль Амура до восточной границы области. Сюда относятся станичные округа: Поярковскій, Иннокентьевскій, Радевскій, Екатерино-Никольскій и Михайло-Семеновскій. Жители двухъ первыхъ округовъ Южно-Амурской группы—также казаки коннаго Амурскаго полка, а трехъ послѣднихъ—казаки пѣшаго Амурскаго баталіона, переселенцы изъ Забайкалья, бывшіе тамъ прежде горнозаводскими крестьянами Нерчинскаго округа, но, незадолго до занятія Амура, переименованные въ казаковъ. Къ третьей группѣ, *Зейско-Бурейской*, относится шесть волостей, занявшихъ обширныя площади въ пространной и удобной для заселенія Зейско-Бурейской равнинѣ. Волости эти: Амурско-Зейская, Томская, Черемховская, Ивановская, Гильчинская и Завитинская. Жители этихъ волостей почти исключительно крестьяне, переселенцы по преимуществу изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, а отчасти и Сибири, гдѣ, впрочемъ, большинство этихъ переселенцевъ было еще новоселами.

Численность всего русскаго сельскаго населенія Амурской области составляетъ 51,320 д. об. п. (26,792 м. п.), изъ которыхъ на долю округовъ первой группы приходится 7,590 (3,886 м. п.); на долю округовъ второй группы—12,722 (6,716 м. п.) и на долю волостей третьей группы 31,008 (16,191 м. п.). Между этими жителями: казаковъ 19,523 (10,191 м. п.), крестьянъ 30,596 (15,991 м. п.), остальные мѣщане и разночинцы. Почти все населеніе казачьихъ округовъ принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію; среди него есть только 5 католиковъ (4 м. п.), 6 евреевъ (м. п.) и не болѣе 18 человекъ старообрядцевъ. Въ предѣлахъ крестьянскихъ волостей проживаетъ 32 католика (15 м. п.), 1 протестантъ, 16 магометанъ (13 м. п.), но пропорція раскольниковъ чрезвычайно велика во всѣхъ волостяхъ, кромѣ Амурско-Зейской. Общее ихъ количество простирается до 6,010 (3,085 м. п.); изъ нихъ приѣмлющихъ священство австрійскаго толка 506 (256 м. п.), семейской секты 200 (114 м. п.), безпоповцевъ 1882 (972 м. п.) и молоканъ 3,422 (1,743 м. п.). Въ рабочемъ возрастѣ изъ русскаго сельскаго населенія области 12,484 мужчинъ и 11,838 женщинъ, такъ что все сельское рабочее населеніе области составляетъ 47% всего населенія, но въ Южно-Амурскихъ округахъ пропорція эта поднимается до 49%, а въ Зейско-Бурейскихъ волостяхъ опускается до 46,7%. Общая пропорція женщинъ къ мужчинамъ въ сельскомъ населеніи не особенно выгодна, а именно: на 1,000 мужчинъ приходится женщинъ 915. Пропорція эта въ Верхне-Амурскихъ округахъ гораздо выше (953), въ Южно-Амурскихъ значительно ниже (894) а въ Зейско-Бурейскихъ волостяхъ близка къ средней (917). Между рабочимъ возрастомъ сельскаго населенія пропорція эта выгоднѣе, а именно: на 1,000 мужчинъ приходится 950 женщинъ. У крестьянъ послѣдняя пропорція доходитъ до 965, у казаковъ Верхне-Амурскихъ округовъ численность женщинъ въ рабочемъ возрастѣ даже равна численности мужчинъ, но въ Южно-Амурскихъ казачьихъ округахъ пропорція опускается до 880 женщинъ на 1,000 мужчинъ.

Вообще говоря, недостаточная пропорція женщинъ къ числу мужчинъ существуетъ у насъ во всѣхъ новоколонизованныхъ странахъ и можетъ быть объяснена тѣмъ, что, при измѣненіи краѣ, женщины гибнутъ въ большей пропорціи, чѣмъ мужчины.

Такъ какъ русское населеніе Амурской области составляетъ 7,244 хозяйственныхъ двора, то на дворъ приходится по 7,1 душъ об. п.; у крестьянъ ровно 7 на дворъ, у Верхне-амурскихъ казаковъ 6,5, у Нижне-Амурскихъ 7,2. Взрослыхъ работниковъ м. п. на дворъ приходится 1,7, а тяголь 1,27, то-есть, въ большинствѣ дворовъ существуетъ только одна брачная пара и только развѣ въ трети дворовъ ихъ по двѣ (такъ какъ есть, конечно, вдовьи дворы, въ которыхъ нѣтъ ни одной брачной пары).

Для полученія полнаго итога населенія Амурской области мы должны присоединить къ цифрѣ сельскаго (казачьяго и крестьянскаго) населенія области еще слѣдующія:

1) Приведенную уже нами выше цифру населенія города Благовѣщенска — 21,096 жит. (14,606 м. п.).

2) Цифру населенія, обитающаго внѣ предѣловъ казачьихъ округовъ и крестьянскихъ волостей, а именно: въ районахъ горныхъ исправниковъ, составляющую по губернаторскому отчету за 1891 годъ 8,009 д. об. п. (6,488 м. п.).

3) Цифру населенія корейскаго села Благословеннаго, выше уже упомянутую, а именно: 1,090 д. об. п. (583 м. п.).

4) Цифру населенія манджуро-дауро-китайскаго населенія на лѣвомъ берегу Амура, уже приведенную выше, а именно 14,000 об. п.

5) Цифру инородческаго населенія области. Цифра эта какимъ-то приблизительнымъ нечисленіемъ, относящимся къ 1887 году, была опредѣлена въ губернаторскомъ отчетѣ въ 3,000 человекъ, но такъ какъ при этомъ показано было мужчинъ 2,156, а женщинъ 844, а такой непропорціональности числа мужчинъ и женщинъ въ инородческомъ населеніи предполагать невозможно, то мы смѣло можемъ увеличить число женщинъ до пропорціи, существующей въ области и довести цифру инородцевъ до 4,000 человекъ.

Если дополнить еще приведенныя цифры не включеннымъ въ нихъ большинствомъ состава, блуждающихъ по области и занимающихся въ значительной мѣрѣ хищничествомъ, поисковыхъ партій, въ составѣ которыхъ есть множество лицъ, не пустившихъ корней ни въ одномъ изъ поселковъ области и нигде не приписанныхъ, то получится, что въ 1893 году населеніе Амурской области уже превосходило 100 т. душъ об. п., изъ коихъ 80% принадлежало русской народности.

Но не однимъ путемъ колонизаціи растетъ русское населеніе въ Амурской области. Растетъ оно и путемъ естественнаго прироста, какъ это можно видѣть изъ православныхъ метрическихъ записей, дающихъ намъ за послѣднее 8-лѣтіе слѣдующіе результаты:

	Число браковъ:	Родившихся:		Умершихъ:		Приростъ населенія:		Итого.
		м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	
1885	303	1004	899	709	613	295	286	581
1886	421	1352	1231	705	567	647	664	1311
1887	468	1340	1297	613	514	727	783	1510
1888	462	1333	1351	698	520	635	831	1466
1889	584	1581	1599	978	782	603	817	1420
1890	523	1675	1616	986	806	689	810	1499
1891	678	2038	1854	1048	853	990	1001	1991
1892	660	2142	2017	1106	958	1036	1059	2095
Итого	4099	12455	11864	6842	5613	5622	6251	11873

Очевидно, такимъ образомъ, что естественный приростъ населенія въ Амурской области

весьма значителенъ и представляется пропорціонально выше, чѣмъ въ большинствѣ губерній Европейской Россіи.

Общая площадь отведенныхъ русскому сельскому населенію земель составляетъ 980,500 дес., громадный отводъ—болѣе 36 дес. на душу м. п., при чемъ верхне-амурскіе казаки имѣютъ 40 дес. на душу м. п., крестьяне 37 дес., а южно-амурскіе 33 дес. Земель, вполне удобныхъ для хлѣбопашества, въ томъ числѣ сами жители насчитываютъ 405,000 дес., т.-е. по 15 дес. на душу, при чемъ такихъ земель особенно много въ волостяхъ Зейско-Бурейской равнины, а именно: около 22 дес. на душу м. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ на площади, уже отведенной нынѣшнимъ жителямъ округовъ и волостей, возможно вновь поселить еще столько же жителей, сколько ихъ заселено въ настоящее время, не стѣняя на долгое время будущаго естественнаго прироста населенія. Изъ силы прироста этого населенія прямо можно заключить, что, не смотря на различіе естественныхъ условій Амурской области отъ такихъ же условій Европейской Россіи и даже Сибири и на тяжелый процессъ приспособленія поселенцевъ къ новымъ условіямъ жизни, условія эти настолько благоприятны въ Амурской области, что она представляетъ весьма удобную для избытка населенія нѣкоторыхъ частей Европейской Россіи колонизаціонную площадь. Въ ней много земель можетъ быть еще отведено переселенцамъ и много новыхъ русскихъ поселковъ основано, въ особенности если будущая желѣзная дорога, начиная отъ Черняевой или Кумарской станицы, покинувъ долину Амура, пойдетъ на перерѣзъ, самой удобной для колонизаціи, Зейско-Бурейской равнины, захватывая территоріи развивающихся Амурско-Зейской, Томской и Завитивской волостей. Но за предѣлами этой равнины и ея подгорной окраины, вся сѣверная часть области не доступна уже для земледѣльской колонизаціи.

Земледѣліе въ разсматриваемомъ краѣ можетъ быть охарактеризовано такъ. Въ немъ воздѣлываются на поляхъ слѣдующія растенія: озимая и яровая рожь, яровая пшеница, овесъ, ячмень, гречиха, просо много сортовъ, въ особенности у корейцевъ, ленъ, картофель и бахчевыя растенія. Озимые хлѣба, имѣющіе весьма важное значеніе въ хозяйствахъ Европейской Россіи, занимаютъ здѣсь второстепенное мѣсто. Малая распространенность озимой ржи объясняется отчасти не устойчивостью снѣжнаго покрова, что имѣетъ мѣсто въ приморскомъ районѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ южно-уссурійскаго, главное же затрудненіе заключается въ томъ, что уборка озимой ржи совпадаетъ съ сѣнокосомъ, который во всемъ краѣ имѣетъ первенствующее значеніе; кромѣ того, на созрѣваніе озимого хлѣба весьма дурное вліяніе оказываютъ июльскіе дожди.

Яровая рожь занесена сюда изъ Забайкалья. Первые переселенцы на р. Уссури, казаки, а также крестьяне, поселенные сначала на нижнемъ Амурѣ, а затѣмъ переселившіеся въ заливъ св. Ольги и на Сучанъ, принесли съ собою изъ названной области многія сельскохозяйственныя сѣмена; озимая же рожь—происхожденія средне-русскаго, т.-е. изъ Черниговской и Полтавской губерній. Пшеница здѣсь разнаго происхожденія: забайкальская и русская (гирка), къ этимъ сортамъ, въ большей или меньшей степени, примѣшивалась пшеница манджурская съ долины р. Сунгари. Всѣ эти сорта до такой степени перемѣшались, что потеряли свою типичность; впрочемъ, манджурская пшеница постепенно вытѣсняетъ другіе сорта.

То же самое слѣдуетъ сказать про ячмень. При постоянномъ соприкосновеніи съ китайцами и корейцами русское населеніе заимствовало у нихъ сѣмена пшеницы, ячменя и др., примѣшивая къ нимъ принесенныя съ далекой родины. Хлѣба, заимствованные у китайцевъ оказались наиболѣе устойчивыми, тогда какъ русскіе сорта очень скоро вырождались.

Овесъ—происхожденія русскаго или забайкальскаго. Китайцы и корейцы прежде не разводили овса, но съ приходомъ русскихъ доставали у нихъ сѣмена и начали высѣвать это растеніе въ значительныхъ размѣрахъ. Просо—происхожденія русскаго и встрѣчается трехъ цвѣтовъ: красное, сѣрое и черное; гречиха отчасти изъ Россіи, а отчасти изъ Забайкалья.

Изъ числа мѣстныхъ растений главное значеніе имѣетъ буда (мелкое головчатое просо) нѣсколькихъ сортовъ, гаолянъ (сорго) и бобы сои многихъ сортовъ. Эти растения воздѣлываются китайцами и корейцами, а у русскихъ они встрѣчаются какъ исключеніе.

При распашкѣ цѣлинныхъ мѣстъ или залежи повсемѣстно употребляется плугъ. Это орудіе занесено изъ Россіи и притомъ самаго первобытнаго устройства. Желѣзные части въ немъ—лемехъ, рѣзецъ и одинъ или два шкворня (болта) для скрѣпленія отвала и лемеха съ грядилемъ; все остальное дѣлается изъ дерева. Для грядила выбираютъ прочный березовый брусокъ, отвалъ дѣлается изъ вершковой или полуторной доски; передокъ ставится на обыкновенныя телѣжныя колеса, только разныхъ діаметровъ. Рѣзецъ заклепывается въ грядилѣ на вершокъ впереди лемеха. Орудіе чрезвычайно громоздко, неустойчиво, работать имъ трудно, а хорошо пахать невозможно. Единственное достоинство его и при томъ весьма цѣнное въ глазахъ крестьянина, состоитъ въ томъ, что починять орудіе можетъ всякій у себя дома.

Въ такой плугъ при работѣ на цѣлинѣ впрягается 6 или 8 воловъ, а при распашкѣ болѣе мягкихъ залежей достаточно бываетъ 4. При паханьи стараются дѣлать борозды какъ можно шире; обыкновенно ширина отваливаемого пласта 6—8 вершк. и доходитъ даже до 12 вершк., такъ что на сажени выходитъ отъ 4 до 8 бороздъ. Глубина паханья на цѣлинѣ рѣдко превышаетъ 2 вершк., почему отваливаемый пластъ получается слишкомъ широкъ по отношенію къ толщинѣ и не можетъ быть правильно отваленъ.

Другого рода орудіе представляетъ сабань (по мѣстному произношенію «шабанъ»); онъ встрѣчается у казаковъ въ долину Уссури, занесенъ ими изъ Забайкалья, а отъ нихъ заимствованъ и нѣкоторыми крестьянами. Сабань употребляется, главнымъ образомъ, на мягкихъ поляхъ. Кроме того, на Уссури и въ другихъ мѣстахъ употребляютъ для паханья, такъ называемые, сошники; это орудіе очень сходно съ сабаномъ, и отличіе его состоитъ въ томъ, что у него вмѣсто одного два треугольных лемеха, надѣваемыхъ на подошву такъ, что ихъ длинныя стороны располагаются вмѣстѣ, образуя при этомъ только небольшую щель.

Болѣе совершенныя орудія для обработки почвы чрезвычайно слабо распространены, а только немногіе хозяева имѣютъ въ этомъ отношеніи что-либо лучшее, чѣмъ самодѣльный плугъ или сабань. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ стали распространяться желѣзные части плуговъ заводскаго издѣлія; хозяева покупаютъ лемехъ съ отваломъ и подошвой, ножъ и болты за 21 руб. (изъ Владивостока), а всѣ деревянные части дѣлаютъ дома. Этотъ плугъ, напоминающій англо-болгарскій Говарда, составляетъ уже значительный шагъ впередъ. Затѣмъ попадаются и желѣзные плуги, преимущественно Эккерта. Но огромное большинство хозяевъ двухъ южныхъ районовъ и всѣ безъ исключенія въ двухъ сѣверныхъ—обрабатываютъ свои поля самодѣльными орудіями.

Для всѣхъ родовъ посѣва, не исключая и бахчей, пахутъ повсемѣстно одинъ разъ. Раздѣлывать цѣлину, конечно, тамъ, гдѣ она еще имѣется, начинаютъ обыкновенно съ 1-го іюня. Вспаханное поле (залогъ) оставляютъ лежать въ покоѣ, пока оно не заростетъ сорными травами; въ концѣ іюля боронуютъ залогъ. Двоеніе цѣлины почти нигдѣ не примѣняется, а въ огромномъ большинствѣ случаевъ довольствуются вспашкой одинъ разъ.

Первая весенняя работа начинается въ Южно-Уссурийскомъ краѣ съ посѣва пшеницы и ярицы, что обыкновенно бываетъ въ первыхъ числахъ апрѣля, если только весна не запоздаетъ; затѣмъ сѣютъ овесъ. Относительно этого послѣдняго нужно замѣтить, что многіе высѣваютъ овесъ въ концѣ мая и находятъ это лучшимъ. Бахчевыя растенія, равно какъ картофель, засаживаются къ 10-му мая. Всѣ роды хлѣба сѣютъ только въ разбросъ руками и сѣмена задѣлываютъ бороной; боронятъ передъ самымъ посѣвомъ въ 2 бороны и послѣ него въ 2—4 бороны.

Обработка почвы повсемѣстно оставляетъ желать многого. Паханіе производится крайне небрежно и совершенно неправильно. Всюду стараются дѣлать какъ можно шире пласты,

несколько не сообразуясь съ толщиной, вслѣдствіе чего дернина перепрѣваетъ совершенно неправильно. Когда плугъ отъ чего-либо выскочитъ, пахарь никогда не воротится назадъ, чтобы пройти по той же бороздѣ и вспахать пропущенное мѣсто; крестьянинъ предпочитаетъ оставить «огрѣхъ». Вслѣдствіе всего этого, развитіе молодыхъ культурныхъ растеній сильно затрудняется.

Обиліе лѣтней влаги при достаточной теплотѣ чрезвычайно способствуетъ разростанію сорныхъ травъ; небрежная же обработка земли усиливаетъ это зло еще болѣе. Поэтому мѣстныя поля чрезвычайно засорены всякаго рода растительностью, пышно развивающеюся въ ущербъ хлѣбамъ. Осотъ, лебеда, полыни, куколь, различныя зонтичныя, а также хвощи, и проч. образуютъ цѣлыя насажденія. Отсюда не мудрено, что здѣшніе хлѣба отличаются такой сорностью, какой нигдѣ въ Европейской Россіи не встрѣчается.

При томъ огромномъ избыткѣ свободной земли, какой имѣется въ Уссурійскомъ краѣ, не можетъ пока быть и рѣчи о болѣе или менѣе правильномъ сѣвооборотѣ, такъ какъ въ немъ нѣтъ потребности. Обыкновенно на одномъ и томъ же участкѣ высѣваютъ различныя хлѣбныя растенія, пока онъ будетъ родить; когда же урожай перестанутъ удовлетворять хозяина, участокъ забрасывается въ залежь на неопредѣленное число лѣтъ. Количество земли, засѣваемое отдѣльными крестьянами и казаками, неопредѣленно; распахиваютъ и засѣваютъ,—кто сколько можетъ и гдѣ хочетъ. 10—15 десятинъ посѣва съ каждаго годнимъ поднятіемъ 2—5 десятинъ цѣлины можно считать обыкновеннымъ размѣромъ; болѣе богатые хозяева засѣваютъ 40—50 и болѣе десятинъ. Менѣе всего, разумѣется, обрабатываютъ земли вновь прибывшіе переселенцы.

Въ настоящее время въ Приморской области существуетъ три типа хозяйствъ, которыя необходимо строго различать. Типы эти слѣдующіе: 1) хозяйство крестьянъ, 2) хозяйство казаковъ и 3) хозяйство корейцевъ. Во всемъ краѣ площадь, занятая подъ культурными растеніями, достигаетъ 42,566 десятинъ; изъ этого числа на долю крестьянскихъ хозяйствъ приходится 26,039 дес. (61%), казачьихъ 6,539 (15%) и корейскихъ 9,988 (24%). Въ крестьянскихъ селеніяхъ на одно хозяйство приходится 6,7 десятинъ посѣвовъ, при колебаніи по районамъ отъ 2,1 до 7,8 дес., въ казачьихъ—7,1 десят. и въ корейскихъ—3,4. При сравненіи казачьяго хозяйства съ крестьянскимъ въ одномъ и томъ же районѣ, напр., Южно-Уссурійскомъ, оказывается, что размѣры средняго хозяйства у казаковъ нѣсколько больше; такъ, среднее количество посѣва, приходящееся на одинъ казачій дворъ,—9 десятинъ, а на крестьянскій 7,8. Здѣсь наблюдается совершенно обратное явленіе, чѣмъ въ Амурской области, гдѣ средняя величина посѣва у крестьянъ 12 дес. и у казаковъ 6 десятинъ.

Что касается урожаяевъ, то они весьма различны. При благопріятныхъ условіяхъ въ бассейнѣ озера Ханки на цѣлинѣ ярица и пшеница даютъ до 120 пудовъ съ казенной десятины; тѣ же растенія на старыхъ земляхъ даютъ 50—70 пудовъ. Сборы овса и ячменя колеблются въ весьма сильныхъ предѣлахъ. При сравненіи урожаяевъ Приморской области съ Амурской оказывается, что въ послѣдней средняя урожайность всѣхъ хлѣбовъ выше, чѣмъ въ первой, самые урожаи постояннѣе и вообще въ Амурской области существуетъ менѣе неблагопріятныхъ условій произростанія хлѣбовъ, чѣмъ въ Приморской.

Снопъ хлѣба изъ суслонъ или копенъ чаще всего свозятся на токъ и складываются здѣсь въ зароды или стога, большею частью круглой формы. Подъ зародъ подстилаютъ солому, но изрѣдка у хорошихъ хозяевъ дѣлается даже родъ фундамента изъ бревенъ, высотой около $\frac{1}{2}$ арш. отъ земли. Въ зародахъ хлѣбъ остается до самой молотбы. Для тока выбираютъ ровное мѣсто, очищаютъ его отъ травы и утаптываютъ. Въ началѣ ноября (а въ сѣверныхъ районахъ ранѣе), когда уже устанавливаются постоянные морозы, токъ поливаютъ нѣсколько разъ водою, чтобы образовался ледъ, толщиной въ $\frac{1}{2}$ вершка. Если имѣется подъ рукою озеро или рѣка, токъ устраивается прямо на льду.

Господствующій способъ молотбы—цѣпами; многіе крестьяне и казаки нанимаютъ для этой работы корейцевъ, у которыхъ цѣпы болѣе легкаго устройства, чѣмъ обыкновенныя русскіе. При молотбѣ лошадьми, чаще встрѣчающейся у казаковъ, разстилаютъ на току снопы въ кругъ и гоняютъ непрерывно пять—восемь лошадей одну за другой, при чемъ снопы постоянно переворачиваютъ. Молотба лошадьми во многомъ уступаетъ молотбѣ цѣпами и китайскими катками; они каменные, 1—1½ арш. длины, въ поперечникѣ 8—9 вершковъ, гладкіе и нѣсколько коническіе (поперечникъ одного конца нѣсколько шире другого). Катокъ запрягается въ одну лошадь и пускается по разостланному въ кругъ хлѣбу. По чистотѣ работы молотба катками занимаетъ среднее мѣсто между ручной и лошадиной молотбой. Молотба хлѣба на молотилкахъ встрѣчается, какъ исключеніе. Молотба продолжается, обыкновенно, цѣлую зиму, а у нѣкоторыхъ затягивается до мая.

Вѣяніе хлѣба производится только на вѣтру и часто затрудняется, такъ какъ зимою иногда по-долгу стоитъ безвѣтріе; приходится ждать благоприятной погоды. Вѣялки встрѣчаются весьма рѣдко. Очистка зерна составляетъ слабое мѣсто здѣшнихъ хозяйствъ. Не только нѣтъ сортировокъ, но даже не имѣется хорошихъ цинковыхъ рѣшетъ для подсѣванія. Очищаютъ сѣмена на самодѣльныхъ рѣшеткахъ изъ кожи или волоса, дырочки на кожѣ пробиваютъ желѣзными трубочками. Но подобная очистка весьма несовершенна и зерно получается очень сорное.

Отсюда видно, что во всей Приморской области существуютъ весьма благоприятныя условія для развитія сорныхъ травъ, а устарѣлыя приемы культуры, практикуемые населеніемъ, нисколько не могутъ, разумѣется, уменьшить этого зла; ко всему этому прибавляется еще полное отсутствіе удовлетворительныхъ способовъ очистки. Въ результатѣ получается то, что здѣшніе хлѣба отличаются такой степенью сорности, какую, какъ сказано было выше, трудно встрѣтить гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Хозяйство же корейцевъ довольно существенно отличается отъ первыхъ двухъ. Главнѣйшія черты корейскаго хозяйства состоятъ въ слѣдующемъ.

Участокъ земли находится въ единоличномъ владѣніи или пользованіи. Хозяинъ живетъ обыкновенно среди полей, усадьба его состоитъ изъ жилого дома (фанзы), помѣщенія для скота и амбаровъ. Всѣ постройки глиняныя, крытыя камышемъ, соломой гао-ляна и другими подобными матеріалами; расположены онѣ четырехугольникомъ такъ, что въ серединѣ образуется дворъ. Въ свободныхъ между зданіями пространствахъ устраиваются плетневые заборы, въ одномъ мѣстѣ дѣлаются ворота.

Скота, какъ сказано, содержится вообще мало. Корейцы не пьютъ молока, а потому имъ нѣтъ надобности содержать коровъ. Въ хозяйствѣ, главнымъ образомъ, содержится рабочий скотъ и лошади, но тѣ и другія въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Пашутъ корейцы на быкахъ, при чемъ запрягается, большею частью, одинъ быкъ. Орудіемъ для обработки служитъ соха особаго устройства. Желѣзный лемехъ имѣетъ скорѣе видъ треугольной лопаты; онъ надѣвается на деревянный изогнутый рычагъ или брусокъ, конецъ котораго служитъ ручкой, а къ срединѣ его прикрѣпляется грядиль. Такія лемехи дѣлаютъ особые мастера, и хорошіе стоятъ въ Хабаровскѣ 2—4 рубля. При паханіи, лемехъ идетъ въ наклонномъ къ поверхности почвы положеніи, почва не отваливается сплошнымъ пластомъ, а ломается. Подобнымъ орудіемъ можно пахать только разрыхленную уже пиву. Цѣлину корейцы разработываютъ другимъ орудіемъ, отличающимся отъ описаннаго только лемехомъ; именно лемехъ не въ видѣ лопаты, а немного напоминаетъ отваль типа «рухадло».

Для ручной обработки примѣняются мотыги; одна изъ нихъ, называемая «хоми», состоитъ изъ куска котельнаго желѣза, особеннымъ образомъ выгнутого. Куску желѣза придается сначала видъ вытянутаго треугольника съ жолобомъ посрединѣ; затѣмъ, этотъ треугольникъ заги-

бается въ тонкомъ концѣ подь прямымъ угломъ и насиживается на палку длиною отъ $\frac{1}{2}$ до 1 аршина. Другая мотыга, самаго обыкновеннаго устройства, состоитъ изъ куска желѣза, расширеннаго книзу, а наверху имѣющаго форму кольца, которымъ она и надѣвается на ручку.

Культура у корейцевъ исключительно рядовая или грядовая. Разстояніе между рядами отъ 12 верш. до 1 арш. Для овса дѣлаютъ сохой сначала не глубокую борозду и высѣваютъ сѣмена по лѣвому краю отваленнаго пласта; затѣмъ проходятъ вновь по сдѣланной уже бороздѣ, поднимаютъ еще тонкій слой земли и наваливаютъ его на высѣянные сѣмена. Для ярицы и пшеницы землю приготавливаютъ осенью, при чемъ пашутъ каждый разъ въ свалъ; весною на гребнѣ дѣлаютъ мелкую борозду и высѣваютъ сѣмена, притаптывая ихъ ногами, или окучивая ручной мотыгой. При посѣвѣ употребляется особый снарядъ, называемый «тубе»; онъ состоитъ изъ цилиндра, въ которомъ имѣются два отверстія: одно въ центрѣ круга, а другое съ боку; въ центральное отверстіе насыпаются сѣмена, и оно закрывается пробкой. Боковое отверстіе ведетъ въ трубку, которая оканчивается не большой дыркой. Съ другой стороны цилиндра, составляя какъ бы продолженіе трубки, находится такой же длины палка. Сѣятель беретъ снарядъ подь мышку, отверстіе въ трубкѣ направляетъ къ бороздкѣ (или вообще обращаетъ на линію посѣва) и идетъ вдоль этой послѣдней, слегка ударяя по цилиндру. При этомъ сѣмена по одному или по два, выпадаютъ на то мѣсто, куда желаетъ сѣятель. Посѣвъ такой сѣялкой и простъ и выгоденъ.

Корейцы воздѣлываютъ: буду, овесъ, сою, кукурузу, табакъ и другія растенія. Подь названіемъ «буда» извѣстны различныя сорта растенія очень схожаго съ просомъ. Это главный хлѣбъ корейскаго земледѣлія и важнѣйшій продуктъ для этого народа. Имѣя также серьезное значеніе и будучи разводима съ незапамятныхъ временъ, буда у корейцевъ имѣетъ множество сортовъ. Къ числу главнѣйшихъ относятся: 1) ярь-буда (кицанъ-и, а также магицай), высшій сортъ, растетъ метелками, сѣмена крупныя, желтыя, но мельче все-таки русскаго проса; 2) бѣлая буда (разсыпчатая—цо-и, тягучая—цхари) по-китайски называется чумидза; 3) черная буда—простая (фи-на-ди). Буда каждаго сорта бываетъ двухъ видовъ: тягучая и разсыпчатая, т.-е. изъ первой каша или другое кушанье выходитъ болѣе клейкимъ и она цѣнится выше. Въ Янчихъ лучшіе результаты даетъ черная буда, а первые два сорта часто страдаютъ отъ тумановъ. Высѣвается это растеніе въ срединѣ мая, въ количествѣ 18—30 фунтовъ на казенную десятину (у корейцевъ земельная мѣра называется хора-гари и равняется приблизительно 800 кв. саж.); для лучшаго обезпеченія урожая стараются сѣять гуще. При хорошемъ урожаѣ, получается 30 возовъ по 15 сноповъ, изъ каждаго по 10 фунтовъ зерна, т.-е. 330 пуд., съ казенной десятины; при плохомъ урожаѣ собираютъ 16—20 возовъ, при чемъ снопы даютъ фунтовъ семь. Обмолоченные снопы продавали въ 1891 году на кормъ скоту по 6 коп.; изъ 10 фунт. буды получается 4 фунта очищеннаго зерна (пшено); шелуху продавали по 20 коп. за мѣшокъ на кормъ свиньямъ. Бѣлая буда при обдиркѣ даетъ изъ 10 фунт.— 5 фунт. чистаго пшена. Цѣна очищенной черной буды 1 руб. 35 коп. за пудъ.

Овса высѣвается на казенную десятину около 3 пудовъ; собирается при хорошемъ урожаѣ 75—100 пудовъ, а при плохомъ—50—60 пудовъ. Овесъ высѣвается, вообще, на самыхъ плохихъ поляхъ; солома его сжигается въ полѣ, частью идетъ на крыши.

Бобы сои встрѣчаются во множествѣ сортовъ и по важности въ хозяйствѣ корейцевъ занимаютъ второе мѣсто послѣ буды. Главнѣйшіе сорта: бѣлыя бобы (пей-кол-и), черныя (ком-коцъ-и), черныя мелкіе (пачи) и пестрые (ерь-кой). Изъ этихъ бобовъ готовится соя. Съ этой цѣлью бобы варятся въ котлѣ цѣлый день, потомъ ихъ толкутъ, изъ полученной каши дѣлаютъ шары около 5 вершковъ въ діаметрѣ и вѣсомъ 3—4 фунта; эти шары обвязываютъ веревкой и подвѣшиваютъ къ крышѣ или потолку. Шары висятъ такимъ образомъ 2—3 мѣсяца и въ это время покрываются плѣсенью и твердѣютъ; послѣ этого шары очи-

щаютъ отъ пыли, кладутъ въ кадку, наливаютъ кипятку и прибавляютъ соли около 10 фунтовъ на 5 ведеръ воды. Черезъ два дня шары дѣлаются мягкими и распускаются, а жидкость окрашивается въ красный цвѣтъ. Ее сливаютъ затѣмъ сквозь сито въ чашу и варятъ цѣлый день; она сгущается и чернѣетъ. Готовую черную сою, называемую «чиранъ-и», сохраняютъ въ глиняныхъ горшкахъ. Мякоть, оставшуюся послѣ отцѣживанія жидкости, смѣшиваютъ съ солью и кладутъ въ особые горшки; она называется «чан-и»; ее употребляютъ въ супъ и другія кушанья. Черная соя (чи-ран-и) продается 15—20 коп. за бутылку, а мякоть (чен-и) стоитъ 2 руб.—2 руб. 50 коп. за пудъ.

Другого рода обработка бобовъ состоитъ въ томъ, что ихъ сначала кладутъ въ теплую воду и, когда они разбухнутъ, ихъ толкутъ. Полученную кашеобразную массу варятъ въ чашѣ или котлѣ, затѣмъ кладутъ въ холщевые мѣшки и отжимаютъ изъ нихъ жидкость. Эту отжатую жидкость варятъ въ чашѣ, прибавляя въ нее немного соли или уксусу; тогда часть жидкости обращается въ студень, а другая часть не сгущается. Студенистую массу кладутъ въ мѣшки, отжимаютъ, и такимъ образомъ получается продуктъ, называемый «ты-бы»; онъ идетъ въ пищу и считается по питательности выше мяса. Вся жидкая часть идетъ на кормъ скоту. Китайцы изъ бобовъ отжимаютъ масло, идущее въ пищу, а бобовые жмыхи составляютъ прекрасный кормъ для скота и лошадей. Зимой 1891 г. въ Янчихѣ пудъ бобовъ стоилъ 70 коп., а осенью 50 коп.; высѣваютъ ихъ (въ началѣ мая) 40—50 фунт. на десятину, а собираютъ 45—70 пуд. Солома бросается, а стручки идутъ на кормъ скоту.

Кукуруза по-корейски называется «окшуки» и раздѣляется на два главныхъ сорта: 1) бѣлая съ крупными зернами (хын-шу-ки), 2) желтая средней величины, съ круглыми зернами (май-шу-ки). Высѣваютъ одновременно съ будой по 8 фунт. на каз. десятину, а собирается 40—50 пудовъ; сѣютъ по хорошей землѣ, или съ навознымъ удобреніемъ. Стебли идутъ на кормъ скоту въ изрѣзанномъ видѣ. Собираютъ руками, а стебли срубаютъ; вызрѣваетъ хорошо.

Табакъ растетъ въ Янчихѣ не особенно хорошо, а на Суйфунѣ гораздо лучше; высѣвается въ началѣ іюня. Первый сборъ листьевъ бываетъ въ концѣ іюня, второй въ началѣ августа, третій и послѣдній въ концѣ августа. Листья нанизываются на шнурокъ и подвѣшиваются подъ крышу для просушки дня на четыре, потомъ ихъ снимаютъ, складываютъ въ кучи, одинъ листъ на другой, а сверху покрываютъ; на другой день листья дѣлаются красноватыми; затѣмъ ихъ сушатъ на солнцѣ, тоже на ниткахъ, въ теченіе 2—3 дней, послѣ этого связываютъ въ пучки по 5—6 штукъ. Въ такомъ видѣ ихъ сохраняютъ для продажи. Въ продажѣ 100 пучковъ стоятъ 1 рубль. Табачные стебли выбрасываются.

Изъ другихъ растений въ Янчихѣ воздѣлывается картофель, пшеница, ячмень, гаолянъ, конопля и различные огородные овощи, но площадь, занятая всѣми этими растениями, весьма незначительна, сравнительно съ выше описанными. Въ другихъ мѣстахъ (на Суйфунѣ, на Амурѣ и др.) у корейцевъ воздѣлывается также масличное растеніе, называемое «ска»; растетъ кустиками, сѣмена собраны въ головку. Масло этого растенія извѣстно подъ именемъ травяного. Кромѣ того у корейцевъ встрѣчается на поляхъ перецъ, дыни, арбузы, тыквы, чеснокъ и т. п.

Какъ сказано, у корейцевъ культура исключительно рядовая и грядовая; посѣвы растений располагаются такимъ образомъ, что междурядия чередуются съ рядами растений, т. е. гдѣ были въ нынѣшнемъ году растенія, тамъ въ будущемъ будетъ проходъ, а въ слѣдующемъ году наоборотъ. Это обстоятельство оказываетъ самое благотворное вліяніе. Дѣло въ томъ, что такое чередованіе мѣстъ подъ посѣвами можно разсматривать, какъ двупольную систему сѣвооборота съ чернымъ паромъ, такъ что у корейцевъ является первоначально такой сѣвооборотъ: 1-й годъ—растеніе, 2-й годъ—черный паръ, 3-й годъ растеніе, 4-й годъ—черный паръ, и т. д. Но такъ какъ растенія ежегодно мѣняются и между ними одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ бобовыя, то этотъ двупольный сѣвооборотъ еще болѣе совершенствуется. Благодаря тому обстоятельству, что каждый годъ растенія мѣняются, почва истощается не-

такъ односторонне; бобовыя же растенія онавливаютъ, кромѣ того, благопріятное вліяніе на почву, обогащая ее азотомъ. Постоянная обработка въ теченіе цѣлаго года междурядіи усиливаетъ вывѣтриваніе почвы и такимъ образомъ содѣйствуетъ переходу питательныхъ веществъ въ удобоусвояемое для растеній состояніе. Кромѣ тщательной культуры, содѣйствующей сохраненію почвенной силы, въ корейскихъ хозяйствахъ повсюду примѣняется удобреніе.

Все время въ теченіе лѣтняго сезона корейцы находятся на своихъ поляхъ: то возютъ, то окучиваютъ, то отваливаютъ землю отъ растеній и проч. За то и поля ихъ представляютъ въ высшей степени отрадное зрѣлище. Различныя растенія занимаютъ поля стройными, правильными рядами, растутъ дружно и ровно, сорныхъ травъ и признака нѣтъ. Не смотря на то, обыкновенные зерновые хлѣба, т.-е., главнымъ образомъ ярица, пшеница и овесъ, хотя отличаются высокой степенью чистоты, но не могутъ похвалиться высокимъ качествомъ сѣмянъ. Встрѣчается и щуплое и больное зерно, хотя въ значительно меньшей степени, чѣмъ у остального населенія. Повидимому, климатическія вліянія отзываются такъ неблагопріятно на названныхъ хлѣбахъ, что даже интенсивная рядовая культура не можетъ ихъ вполне парализовать. Но за то другія растенія, не входящія, къ сожалѣнію, въ обиходъ русскихъ хозяйствъ, напримѣръ,—буда, бобы, гаолянъ, и проч., развиваются у корейцевъ превосходно и даютъ вполне доброкачественное зерно.

Корейцы убираютъ растенія почти исключительно серпомъ, снопы свозятъ или сносятъ къ усадьбѣ и здѣсь складываютъ въ круглые стога по 1.000 сноповъ. Обмолачиваютъ цѣпами особаго устройства, именно—самое било состоитъ не изъ одной палки, а изъ трехъ тонкихъ, расположенныхъ въ одной плоскости параллельно одна другой и съ разстояніемъ около одного вершка. Свой главный хлѣбъ, «буду», корейцы обираютъ или, вѣрнѣе, рушатъ каменными катками. Сначала устанавливается жерновъ около $2\frac{1}{4}$ арш. въ діаметрѣ, на немъ можетъ двигаться круглый каменный катокъ, длиною 14 вершковъ и въ діаметрѣ отъ 8 до 12 вершковъ, съ одного конца и отъ 6 до 8 вершковъ—съ другого. Катокъ имѣетъ деревянныя оси, причѣмъ ось, обращенная къ центру жернова, соединяется съ вертикальнымъ деревяннымъ стержнемъ, который, не препятствуя катку катиться по жернову, не позволяетъ ему соскочить. Къ осямъ катка прикрѣпляются оглобли и впрягается осель, который, съ завязанными глазами, ходитъ вокругъ жернова. Когда катокъ приведенъ въ движеніе, рабочій подсынаетъ на жерновъ буды, которая, попавъ между каткомъ и жерновомъ, лишается своихъ оболочекъ. Послѣ того какъ оболочки будутъ раздавлены, ихъ окончательно отдѣляютъ отъ зеренъ на вѣякахъ обыкновеннаго устройства. Остальныя подробности корейскаго хозяйства не отличаются отъ русскаго.

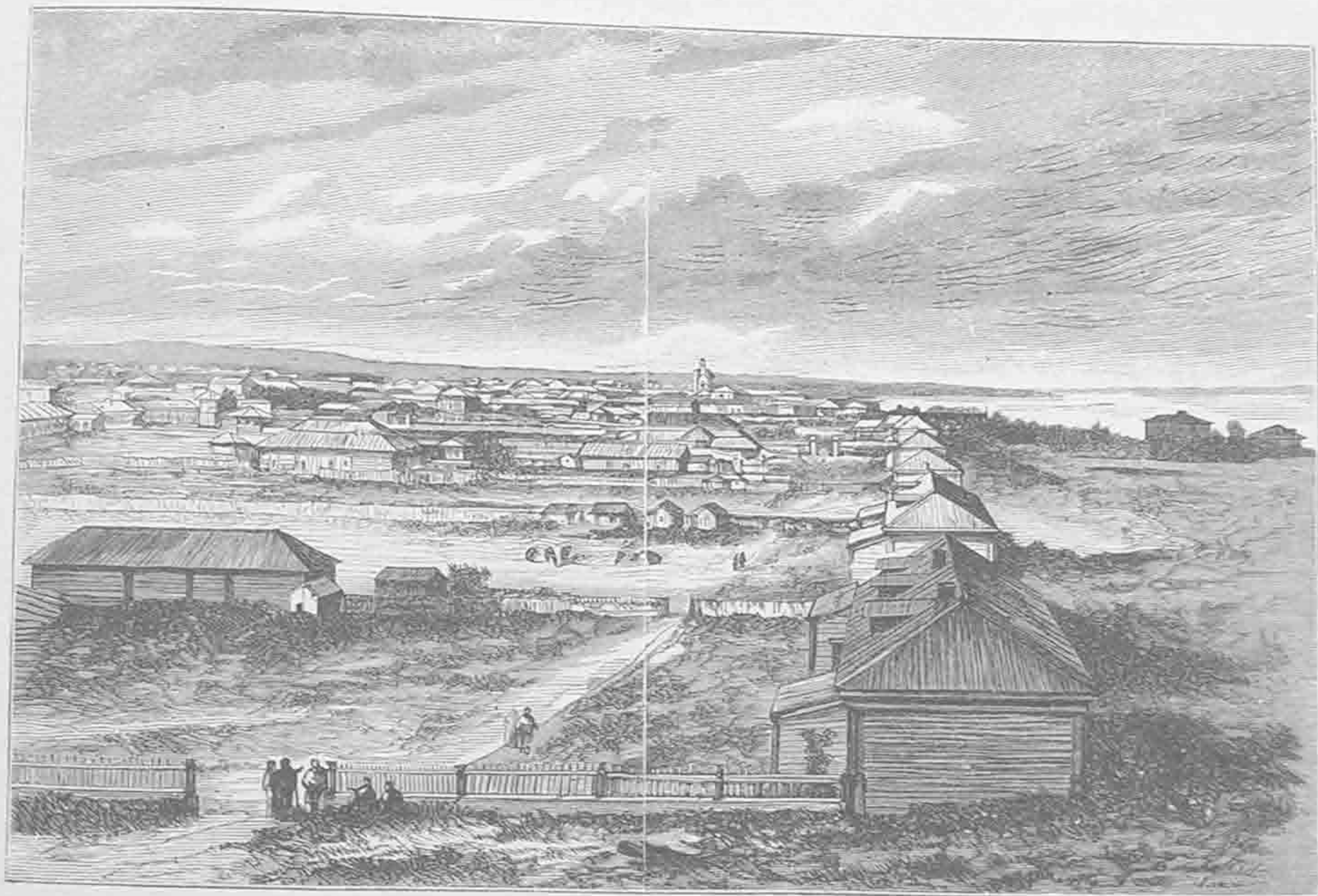
Познакомившись съ Амурскою областью, необходимо сказать въ заключеніе о Благовѣщенскѣ, мѣстномъ областномъ городѣ, на лѣвомъ берегу Амура, въ 2 верстахъ выше впаденія въ него р. Зеи и въ 30 верстахъ отъ значительнаго китайскаго города Атуна, выстроеннаго на правомъ берегу Амура, ниже Благовѣщенска.

Городъ расположенъ на открытомъ ровномъ мѣстѣ, на бывшемъ, вѣроятно, руслѣ рѣки. Почва песчаная; есть кое-гдѣ незначительныя болотистыя мѣста, которыя при увеличеніи количества построекъ, легко могутъ быть засыпаны пескомъ и щебнемъ и, такимъ образомъ, осушены. Съ сѣверо-запада городъ окруженъ не высокими склонами горъ, составляющими послѣдніе отроги водораздѣльнаго хребта между Амуромъ и Зеей; горы эти полукругомъ окружаютъ городъ. Какъ большая часть сибирскихъ городовъ, расположенныхъ на большихъ рѣчкахъ, Благовѣщенскъ вытянулся верстъ на 6 по теченію Амура. Берегъ, по которому городъ выстроенъ, обрывистъ, крутъ, въ большую воду подмывается рѣкой и заливается, а потому требуетъ искусственнаго укрѣпленія. Это—одно изъ неудобствъ мѣстности, выбранной для постройки Благовѣщенска; другое же неудобство состоитъ въ томъ, что въ окрестностяхъ города нѣтъ строевого дѣла и его приходится завозить съ верховьевъ Зеи и заводить

версты на двѣ или на три вверхъ по Амуру, до города. Гигіеническія условія города вообще благоприятны; имѣя съ двухъ сторонъ проточную воду двухъ огромныхъ рѣкъ, онъ сверхъ того богатъ колодцами, изъ которыхъ во многихъ на глубинѣ 3—4 сажени хорошей вода, впрочемъ, съ избыткомъ желѣза.

Начало поселенію на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Благовѣщенскъ, положено въ 1856 году, когда у соединенія Зеи и Амура поставленъ былъ Усть-Зейскій постъ. Въ 1857 году сюда № 14, дивизіона легкой конной батарееи и сотни казаковъ.

Отрядъ размѣстился въ землянкахъ и мазанкахъ, а самое мѣсто получило названіе Усть-Зейской станицы. Въ 1858 г. отсюда была послана команда солдатъ, состоявшая изъ 400 человѣкъ, вверхъ по Амуру для вырубкы и сплава лѣса, который и доставленъ былъ сюда

Благовѣщенскъ на Амурѣ.

въ количествѣ 1,300 бревенъ; четвертая часть лѣса ушла для мѣстныхъ построекъ, а остальная часть сплавлена на достройку казачьихъ поселковъ, лежавшихъ ниже станицы. За неимѣніемъ домовъ солдаты и офицеры провели 1858 и 1859 гг. въ тѣхъ же мазанкахъ и землянкахъ. Въ 1859 году состоялось переименованіе Усть-Зейской станицы въ городъ Благовѣщенскъ и въ маѣ мѣсяцѣ сюда прибылъ первый губернаторъ вновь образованной Амурской области—генераль-майоръ Буссе. Къ осени были выстроены 24 казенныхъ дома, 5 частныхъ и деревянная церковь св. Николая. Въ этомъ же году положено основаніе общественной библіотекѣ, которая со временемъ пришла, однако, въ большой упадокъ. Къ осени 1860 г. городъ имѣлъ уже 59 казенныхъ зданій, 24 частныхъ дома, 4 лавки и 2 магазина, причемъ въ немъ насчитывалось 975 чел. войска и 494 д. об. пола разночинцевъ (289 м. п.). Въ 1861 г. казенныхъ построекъ произведено было мало; за то прежде выстроенныя зданія приведены были въ болѣе приличный видъ и нѣкоторыя изъ нихъ обнесены оградами. Въ 1864 г. окончена

была постройкой вторая деревянная церковь; тогда въ Благовѣщенскѣ считалось казенныхъ зданій 76, частныхъ 124; заведена была типографія, состоявшая изъ 17 русскихъ и 1 манджурскаго шрифтовъ; приобрѣтены 3 пожарныя трубы; построены 1 водная и 3 конныя мельницы. Открыты народное училище и школа для коноваловъ (ветеринарныхъ фельдшеровъ). Въ 1867 г. построена паровая мукомольная мельница. Въ 1868 г. выстроены были новые торговые ряды на томъ мѣстѣ, гдѣ до того лѣпились китайскіе лари; посреди этихъ рядовъ выстроено помѣщеніе для городского Управленія, которое и было открыто въ томъ же году. Въ 1870 г. выстроена была кладбищенская церковь. Въ 1873 г. городъ уже насчитывалъ безъ войска 3,385 обывателей об. пола. Въ 1877 г. въ Благовѣщенскѣ считалось: 3 церкви, 500 частныхъ домовъ, 75 казенныхъ, 19 магазиновъ, 62 лавки, 13 питейныхъ заведеній, два склада для спирта, 5 торговыхъ бань, 6 гостиницъ и трактировъ, 12 кузницъ, пивоваренный заводъ и 14 мельницъ (1 паровая, 1 водяная, 3 вѣтряныхъ и 9 конныхъ). Народная школа имѣла 121 учащагося, женское Алексѣевское училище 69; кромѣ того въ городѣ были открыты бригадная школа и семиварія (при ней духовное училище). Въ 1878 г. открыта была и классическая прогимназія. Городской Общественный Банкъ, утвержденный 19 апрѣля 1873 г., но начавшій свою дѣятельность при основномъ капиталѣ въ 10,000 рублей только два года спустя, уже въ 1876 г. представилъ такіе итоги.

основной капиталъ	11,694 р.
запасный	1,270 »
благотворительныхъ суммъ	3,388 »
вкладовъ на вѣчное время	16,662 »
» безсрочныхъ	17,788 »
» срочныхъ	16,926 »
оборотъ прихода-расхода	199,743 р.
прибыли	5,331 »

Въ 1880 г. основной капиталъ банка равнялся уже 18,160 р. оборотъ 488,800 р., прибыль 13,300 р., въ 1892 г. оборотъ банка простирался до 690 тыс., а прибыль составляла 33,623 р.

Все это показываетъ, что бывшая Усть-Зейская станица не только въ официальныхъ бумагахъ, но и фактически выросла въ городъ, жизнь котораго потекла порядкомъ, обычнымъ для всѣхъ городовъ Россійской Имперіи.

Городъ распланированъ правильно; улицы широки, прямы и всѣ перекрещиваются подъ прямыми углами. Вдоль рѣки тянутся параллельно четыре улицы, разсѣченныя на правильные кварталы 17-ю поперечными. Разбитый вдоль набережной бульваръ и значительное число частныхъ садовъ придаютъ городу красивый видъ. Городъ владѣетъ 11,887 дес. земли. Вообще, гигиеническія условія города удовлетворительны, такъ какъ онъ имѣетъ: съ обѣихъ сторонъ проточную воду огромныхъ рѣкъ, глубокой песчаный грунтъ, вбирающій въ себя воду даже въ періодъ самыхъ сильныхъ дождей и, наконецъ, избытокъ колодезной воды, единственный недостатокъ которой—значительное содержаніе желѣза. Все, что можно поставить въ упрекъ городу—это обычай поднимать почву болотистыхъ пространствъ и, вообще, всѣхъ естественныхъ углубленій не пескомъ и щебнемъ, котораго въ окрестностяхъ сколько угодно, а мусоромъ и навозомъ.

Число строеній въ городѣ въ 1892 г. было:

	Казенныхъ и общественныхъ.		Частныхъ.	
	камен.	дерев.	камен.	дерев.
Церквей	2	5	—	—
Часовень	—	—	1	—
Домовъ	8	35	12	1,310

Флигелей	—	—	4	598
Амбаровъ	3	6	10	546
Конюшень	1	6	2	195
Бань	—	—	2	290
Пакгаузовъ	1	2	7	5
Мельницъ	—	—	3	17
Подваловъ	—	—	3	7
Сѣноваловъ и сараевъ	—	5	1	396
Торговыхъ лавокъ	—	—	11	145
Итого	15	59	56	3,509

Городскимъ обществомъ начата на базарной площади постройка одного ряда каменныхъ лавокъ.

Въ городѣ были въ 1892 г. слѣдующія учебныя заведенія: Благовѣщенская мужская гимназія съ 229 учащимися, женская гимназія съ 320 учащимися, духовная семинарія съ 44 учащимися, духовное училище съ приготовительнымъ классомъ со 116 учащимися, образцовая школа съ 45 учащимися и 2 городскихъ училища для мальчиковъ съ 357 учащимися. Въ городѣ есть пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, содержимый на средства лечебно-благотворительнаго общества. Въ немъ въ 1892 году призрѣвались 20 мужч. и 12 женщинъ. Каждый призрѣваемый обходится по 110 р. въ годъ. Кромѣ того въ 1889 открыта богадѣльня для лицъ духовнаго званія и составляется изъ частныхъ пожертвованій фондъ для пріюта малолѣтнихъ всѣхъ сословій. Фондъ этотъ въ 1893 году достигъ 8,076 руб.

Въ Благовѣщенскѣ тѣмъ же лечебно-благотворительнымъ обществомъ устроена больница на 18 кроватей, въ которой въ 1892 г. пользовалось 194 человека, на содержаніе коихъ израсходовано 5,384 р., при чемъ содержаніе каждой кровати обошлось въ 444 руб. Амбулаторныхъ больныхъ лѣчилось въ помѣщеніи больницы въ теченіе года 4,175 чел. За неизмѣнимъ мѣста общество, сверхъ того, помѣщало больныхъ въ Благовѣщенскомъ лазаретѣ 2-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона. Такихъ больныхъ въ 1892 г. было 118, за которыхъ уплачено обществомъ лазарету 2,492 р. Лазаретъ этотъ устроенъ на 100 кроватей и въ немъ, кромѣ военныхъ, лѣчилось въ теченіе 1892 г. 536 лицъ гражданскаго вѣдомства (со включеніемъ больныхъ, помѣщенныхъ благотворительнымъ обществомъ). Есть еще больница при Духовной семинаріи на 12 кроватей, для воспитанниковъ послѣдней. Аптека въ городѣ одна—вольная, принадлежащая лечебно-благотворительному обществу. Въ ней въ 1892 г. былъ оборотъ по 21,104 рецептамъ на сумму 12,396 р., по ручной продажѣ на 17,342 р., а всего на 29,738 р., да кромѣ того отпущено бесплатно лѣкарствъ для больницы на 2,119 р., и для бѣдныхъ на 413 р. О численности населенія города и его составѣ мы можемъ получить понятіе изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
Об. пола:	13,549	17,660	17,660	20,212	20,242	20,475	21,096

Населеніе это распредѣлялось по сословіямъ:

	въ 1886 г.			въ 1891 г.		
	м. п.	ж. п.	всего.	м. п.	ж. п.	всего.
Дворянъ потомственныхъ	21	7	28	39	27	66
» личныхъ	198	121	319	91	102	193
Духовенства чернаго	1	—	1	2	—	2
» бѣлаго	38	37	75	14	11	25
Почетныхъ гражданъ потомственныхъ	—	—	—	31	34	65
» » личныхъ	218	7	28	27	2	29
Купцовъ	383	240	628	301	317	618

	въ 1886 г.			въ 1891 г.		
	м. п.	м. п.	всего.	м. п.	м. п.	всего.
Мѣщанъ	3,464	2,327	5,790	3,549	3,084	6,633
Крестьянъ	101	49	153	2,819	1,322	4,141
Поселенцевъ	—	—	—	417	131	548
Принсковаго населенія	—	—	—	458	200	658
Переселенцевъ	108	148	1,229	411	214	625
Войскъ: солдатъ	1,557	255	1,812	1,255	624	1,879
» казаковъ	242	—	242	378	—	378
Отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ	1,553	109	1,662	1,371	305	1,676
Отставныхъ казаковъ	83	31	114	44	8	52
	13,312	4,348	17,660	14,606	6,490	21,096

Не православныхъ въ городѣ было въ 1891 г.: раскольниковъ 3,000 (1636 м. п.), католиковъ 118 (70 м. п.), протестантовъ 59 (41 м. п.), евреевъ 66 (35 м. п.), магометанъ 109 (69 м. п.), язычниковъ 960 м. п.

Въ 1892 году въ городѣ было всѣхъ ремесленниковъ 1,395 человекъ (1310 мужч. и 85 женщинъ), въ томъ числѣ мастеровъ 467, рабочихъ 816, учениковъ 112. Фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній было: чугунно-литейный заводъ 1, пивоваренныхъ 2, кожевенныхъ 4, кирпичныхъ 66, паровыхъ мельницъ 2, кузницъ 42, торговыхъ бань 12. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ было 388 рабочихъ, а сумма ихъ производства составляла свыше 350 тыс. рублей.

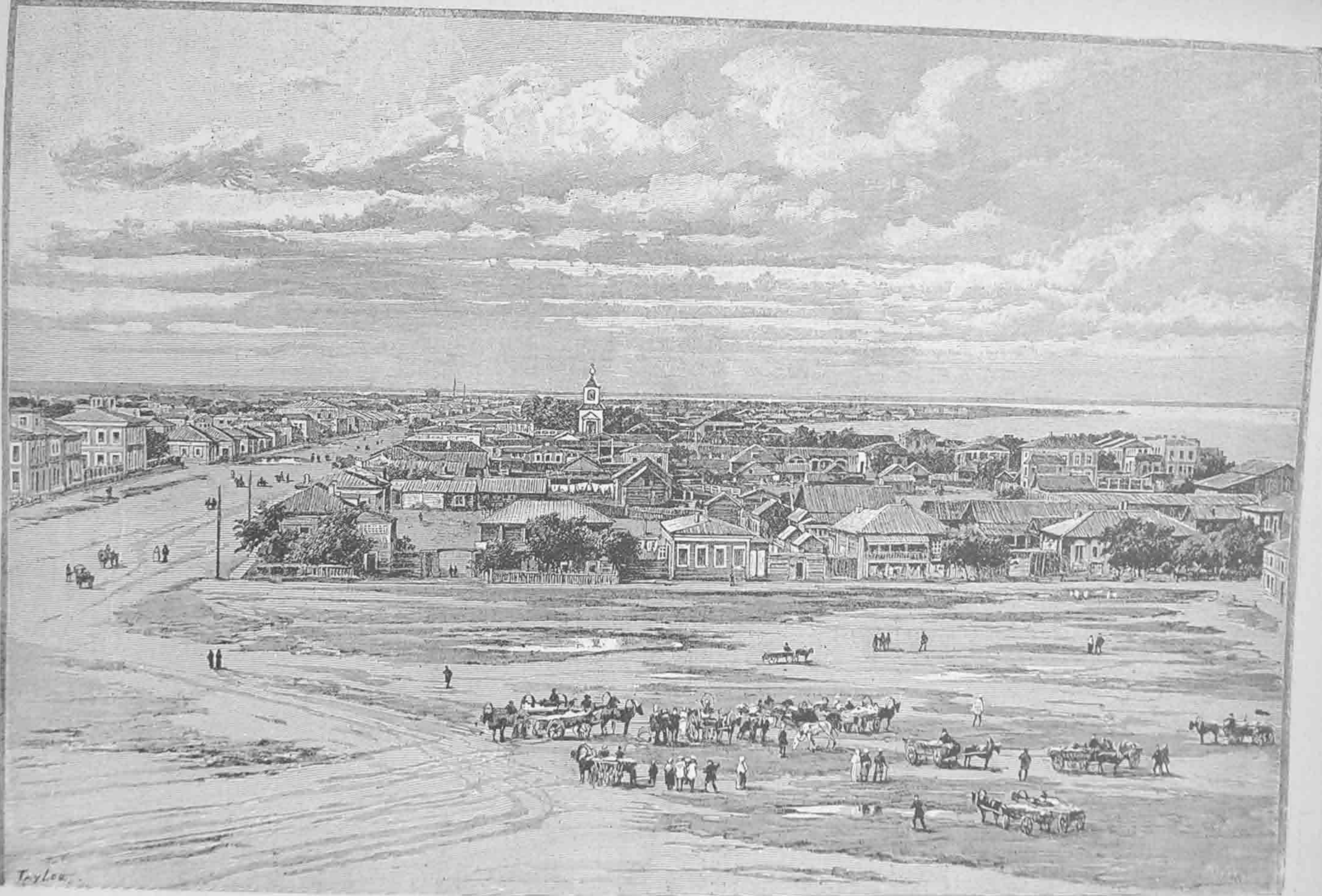
Въ Благовѣщенскѣ содержится скота: лошадей 2,214, рогатаго 1,837, овецъ 102, свиней 850, верблюдовъ 136, ословъ и муловъ 20.

Городскіе доходы Благовѣщенска въ 1892 г. составляли:

Сборъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей	44,538 р.
Проходъ и проѣздъ по городскимъ сооруженіямъ и стоянка судовъ въ гавани	5,262 »
Оцѣночный сборъ съ недвиж. имуществъ	21,040 »
За производство торговли и промысловъ	6,915 »
Съ мѣстъ стоянки извозчиковъ	3,786 »
Нотаріальнаго сбора	8,078 »
Случайныхъ и мелочныхъ доходовъ	6,407 »
	<hr/>
	96,026 р.

Расходы города въ томъ же году слагались изъ слѣдующихъ статей.

Городское общественное управленіе	13,505 р.
Сиротскій судъ	1,937 »
Содержаніе городскихъ зданій и памятниковъ	4,142 »
Уплата суммъ по городскимъ займамъ и обязательствамъ	4,487 »
Содержаніе учебныхъ заведеній	19,151 »
Отопленіе и освѣщеніе тюрьмы	3,041 »
Содержаніе медицинскаго персонала	4,604 »
Благотворительныя заведенія	662 »
Городская полиція	4,869 »
Пожарная часть	6,529 »
Помѣщеніе городского общественнаго и полицейскаго управленій	3,370 »
Содержаніе улицъ и мостовъ	3,496 »
Освѣщеніе города	1,108 »
Содержаніе библіотеки	900 »

Taylor.

Базарная площадь в Благовещенскѣ.

Содержаніе кладбища	1,341 р.
Постройки (2-го народн. училища, кладовой для казначейства и караульнаго дома).	3,569 »
Уплата земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ	5,473 »
Разные расходы	6,944 »
	<hr/>
	87,136 р.

Въ городѣ имѣется тюремный замокъ, въ которомъ съ 1 января 1892 г. было 155 чел., въ теченіе 1892 г. прибыло 302, а къ 1 января 1893 г. оставалось 186 (174 мужч. и 12 женщинъ).

Бульваръ, идущій вдоль набережной на протяженіи 300 саженой и большое число частныхъ садовъ придаютъ городу пріятный видъ. Улицы Благовѣщенска не мощенныя, но такъ какъ почва здѣсь песчаная, то даже послѣ довольно сильныхъ дождей они скоро сохнутъ и большой грязи не бываетъ.

Какъ Амуръ, такъ и Зея, судоходны. На Амурѣ до самаго устья существуетъ пароходное сообщеніе, впрочемъ, не вполне правильное. У Благовѣщенска на Амурѣ имѣется двѣ пристани, изъ которыхъ одна — казенная, другая — частная. Въ городѣ есть также почтовая и телеграфная станціи.

Торговое значеніе Благовѣщенска не велико. При крайне слабомъ развитіи мѣстной производительности, здѣшняя торговля главнымъ образомъ сосредоточивается на привозныхъ товарахъ. Общее количество привоза опредѣлялось около половины 80-хъ годовъ въ 2.150,000 р., при чемъ около 1.200,000 р. приходилось на русскіе товары, остальное — на заграничныя. Главныя статьи привоза чугуныя и желѣзныя издѣлія, чай, сахаръ, вина, крупчатка, обувь, кожевенныя и мануфактурныя товары и пр. Русскіе товары приходятъ изъ Читы тотчасъ же по вскрытіи рѣки Шилки. Обыкновенно баржи съ этими товарами достигаютъ Благовѣщенска въ маѣ. Пока баржи стоятъ у городской пристани, на ней замѣтно довольно большое оживленіе. Не только городское населеніе, но и окрестное, спѣшитъ заготовить въ это время продуктами, которыхъ въ другое время въ городѣ почти нельзя достать. Распродавъ нѣкоторую часть привезеннаго, баржи слѣдуютъ внизъ по Амуру. Къ сентябрю и октябрю приурочивается прибытіе въ Благовѣщенскъ иностранныхъ товаровъ, направляемыхъ черезъ Николаевскъ. Въ это время закупаются въ Благовѣщенскѣ вина, сахаръ, сигары, мануфактурныя издѣлія и проч. Какъ вообще въ Приамурскомъ краѣ, въ Благовѣщенскѣ развитъ довольно большой спросъ на заграничныя издѣлія, разумѣется, — въ болѣе состоятельной части общества. Впрочемъ, нѣкоторые не русскіе продукты, особенно же хлѣбъ и скоть, доставляются не изъ Николаевска, а подвозятся манчжурами съ китайскаго берега Амура.

Въ Благовѣщенскѣ учреждены базары, на которыхъ производится мелочная торговля съѣстными припасами и вообще предметами первой необходимости. Какъ, однако, скудно снабженъ городъ даже главными предметами продовольствія, видно изъ того, что цѣна на хлѣбъ достигаетъ тамъ 1 р. 50 к. и даже 2 р. за пудъ. Это происходитъ отъ того, что въ окрестностяхъ города не занимаются земледѣліемъ, вообще въ краѣ мало рабочихъ рукъ, да кромѣ того часть хлѣбныхъ запасовъ идетъ на золотые прииски Амурской области. Къ городскимъ базарамъ приурочиваются здѣсь и, такъ-называемыя, манджурскія ярмарки. Онѣ собираются ежемѣсячно и продолжаются каждый разъ около двухъ недѣль. Въ это время набѣгаютъ въ городъ жители, какъ окрестныхъ русскихъ поселеній, такъ и обитатели Китайской и Манджурин; послѣдніе закупаютъ здѣсь дабу, плизъ, нанку, сукна, иглы и пр., а сами пригоняютъ партіи быковъ и привозятъ муку. Быки эти покупаются Благовѣщенскими купцами, которые, въ свою очередь, отправляютъ ихъ внизъ по Амуру или партіями живой скотины, или засаливая мясо на мѣстѣ. Для укупорки солонины употребляются боченки, заготовляемые молочанами, поселенными на Зеѣ близъ города.